

**ТРАДИЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**TRADITIONAL NATIONAL-CULTURAL AND SPIRITUAL
VALUES INNOVATIVE DEVELOPMENT BASIS OF RUSSIA**

Научный журнал
Scientific journal

№ 1 (13) апрель 2018 г.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина,
38
Тел.: (3519) 29-85-44.
E-mail: rubanova64@mail.ru

Editorial Office Address:

38, Lenin Prospect, Magnitogorsk, 455000,
Russia
Phone number: (3519) 29-85-44
E-mail: rubanova64@mail.ru

Научный журнал № 1 (13) апрель 2018 г.
ISSN 2309-768X

Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

В.Б. Волкова – доктор филологических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Редакционный совет

Е.М. Абайдельдинов – д.ю.н., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) (Казахстан)

С.Н. Большаков – д.э.н., д.полит.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

З.А. Жаде – д.полит.н., профессор Адыгейского государственного университета (Россия)

Р. Земан – заведующий кафедрой экономики и менеджмента Технико-экономического института в г. Чешские Будейовице (Чехия)

В.М. Капицын – д.полит.н., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия)

М.М. Ковалева – д.филол.н., профессор Уральского государственного федерального университета (Россия)

Б.Н. Лозовский – д.филол.н., профессор Уральского государственного федерального университета (Россия)

А.А. Свирина – д.э.н., профессор университета управления «ТИСБИ» (Россия)

Т.А. Яшкова – д.полит.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета (Россия)

Н.Р. Балынская – д. полит. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Ю.Л. Кива-Хамзина – к.ф.н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Т.Р. Мещерякова – к.ю.н., доцент Магнитогорского филиала РАНХиГС (Россия)

Технический редактор

Н.А. Рубанова – к.ю.н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Дизайн обложки – Величко О.В.

Scientific journal № 1(13) april 2018
ISSN 2309-768X

Traditional national-cultural and spiritual values innovative development basis of Russia

The Journal is included in the data-base of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Editor in Chief

V.B. Volkova – professor of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

The Editorial Board

E.M. Abaydeldinov – D.Sc. (Law), professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. (L.N. Gumilyov ENU) (Kazakhstan)

S.N. Bolshakov – D.Sc. (Economics), D.Sc. (Political), professor St. Petersburg State University (Russia)

Z.A. Jade – D.Sc. (Political), professor, Adyghe state University (Russia)

R. Zeman – Head of the Department of Economics and Management, School of Economics and Technology, Ceske Budejovice (Czech Republic)

V.M. Kapitsyn – D.Sc. (Political), professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

M.M. Kovaleva – D.Sc. (Philology), professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

B.N. Lozovskiy – D.Sc. (Philology), professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

A.A. Svirina – D.Sc. (Economics), professor, University of Management «TISBI» (Russia)

T.A. Yashkova – D.Sc. (Political), professor, Russian State University for the Humanities (Russia)

N.R. Balynskaya – D.Sc. (Political), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Y.L. Kiva-Hamzina – of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

T.R. Mesheryakova – of Magnitogorsk branch of RFNHiGS (Russia)

Technical Editor

N.A. Rubanova – of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Cover design – Velichko O.V.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ.....	4
Кривуть В.И. Организация «передовая стража» и проведение государственной молодежной политики в западной Беларуси в 1930-х гг4	
Кривуть М.Л. Изменение содержания коммуникативной компетентности педагога инклюзивного образования8	
Карпова Е.В. Ликвидация юридического лица: гражданско-правовые и онтологические аспекты12	
Касымовская П.П. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: правовые и онтологические аспекты15	
Kiva-khamzina Y.L. Civil law and administrative features of the contract on rendering of educational services18	
Короткова К.С. Учебная и внеучебная деятельность российского студенчества как активный путь социализации личности20	
Латыпова И.Р. К проблеме социальной и личной ответственности24	
Лупандина Е.А., Моисеева А.Н. Духовно-нравственное развитие и воспитание младшего школьника27	
Малеко Е.В. Особенности формирования личности в пространстве информационной культуры29	
Олейник Е.В. Роль социокультурного учреждения в развитии социальной активности подростков средствами проектирования32	
Павлович А.А. Зависимость проявления дискриминации от личностных характеристик педагогов и стилей их профессиональной деятельности34	
Пичугина И.В. Стрессоустойчивость как фактор профессионального становления студентов университета38	
Rubanova N.A. Senior preschoolers: the peculiarities of experimental studies in the formation of attention41	
Сулейманов А.А. Деятельность совета по изучению производительных сил академии наук ссср в якутии в 30-е – 40-е гг. XX в.44	
Томаров А.В., Романов Е.П. Особенности влияния социальных сетей на коммуникационную активность современного общества48	
Томарова С.М., Томаров А.В. Некоторые особенности политического господства в социологической теории М.Вебера51	
Филатов В.В. Прокуратура уральского региона и село во второй половине 1920-х годов54	
Маттила Х. Формирование образа идеальной женщины в российских средствах массовой информации и рекламе58	
ФИЛОЛОГИЯ.....	63
Попова Л.В. Ценностный стандарт законопослушности в русском юридическом языковом сознании XVIII века: этнолингвокультурный аспект63	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	66

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

ОРГАНИЗАЦИЯ «ПЕРЕДОВАЯ СТРАЖА» И ПРОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1930-Х ГГ.

Кривуть В.И.

Целью статьи является изучение роли проправительственного молодежного движения в проведении официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в 1930-х гг. на примере деятельности организации «Передовая стража». Подробно характеризуется идеология, задачи и структура данного объединения. Отдельно рассматриваются его взаимоотношения с государственной системой образования. Также освещаются основные направления деятельности организации в молодежной среде. Исследование базируется на изучении документальных материалов и работ зарубежных историков.

Ключевые слова: Западная Беларусь, молодежная политика, школьная молодежь, молодежные организации.

The purpose of the article is to study the role of pro-government youth movement in carrying out an official youth policy in the territory of Western Belarus in the 1930s. On an example of activity of the organization "Forward guard". The ideology and structure of this association is characterized in detail. His relationship with the state education system is considered separately. Also highlights the main activities of the organization in the youth environment. The study is based on the study of documentary materials and the work of foreign historians.

Keywords: Western Belarus, youth policy, school youth, youth organizations.

В основу государственной молодежной политики межвоенного польского государства, в состав которого входили и западно-белорусские земли, была положена концепция «государственного воспитания». Один из ее создателей и пропагандистов, А. Скварчинский, считал, что в воспитательной работе с подрастающим поколением следует делать упор не на возвышенные лозунги, а на практическую деятельность. Он доказывал, что источником величия нации является работа, формирующая окружающую действительность, характеры и мораль. Это должно было способствовать созданию государства с наднациональным и надклассовым характером, где все граждане в полном согласии и с энтузиазмом должны были работать на благо своей страны, где интересы государства были одновременно индивидуальным приоритетом деятельности каждой личности. Активная реализация данной концепции в системе народного образования началась в первой половине 1930-х гг. При этом значительная роль отводилась не только самой школе, но и организациям школьной молодежи. Прежде всего, имелось в виду ученическое самоуправление, школьные кассы взаимопомощи, разного рода кружки и общественные объединения (Союз польского харцерства, Морская и колониальная лига, Лига противовоздушной обороны государства, Польский Красный Крест и т.д.) [1, с. 112 – 113].

Одним из таких общественных объединений была Организация гражданской работы молодежи

«Передовая стража» (ПС). Она была создана в марте 1932 г. и действовала в основном на территории средних школ, гимназий. Инициаторами создания «Передовой стражи» являлись министр просвещения Я. Енджеевич и А. Скварчинский. По мнению последнего, главным воспитательным принципом организации должно было стать «объединение идейно-самовоспитательной работы с одновременной, пусть и даже самой скромной, практической деятельностью» [2, с. 208].

Этот принцип нашел отражение в идейной декларации «Передовой стражи», в которой отмечалось, что главной целью организации является работа для государства – действия без идеологии, бескорыстное исполнение какой-нибудь важной для общества работы в интересах всех жителей страны. Та же декларация утверждала, что ПВ «воспитывает молодежь через непосредственную службу нации и государству», поскольку видит в этой службе наиболее успешный метод формирования моральных качеств, характера и ума своих членов. Организация была якобы открыта для всех желающих, без различия веры, происхождения или национальности: «Верная традициям братского сосуществования народов Речи Посполитой, Передовая стража не отвергает никого, кто стремится в ее рядах искать духовную связь с польской нацией» [3, с. 70].

Согласно уставу, целью организации было «воспитание молодежи дисциплинированными и от-

ветственными гражданами Речи Посполитой, активно служащими Польскому государству, превыше всего ценящих благо, честь и свободу этого государства» [4, с. 5]. Данные положения были характерны для уставных документов всех проправительственных молодежных союзов. Одновременно не указывалось, что они были ориентированы на вытеснение влияния противников правящего режима в молодежной среде и ведение проправительственной пропаганды [3, с. 70].

Основной организационной единицей ПС являлся коллектив, который занимался идейно-воспитательной работой. В зависимости от стремлений и склонностей своих членов коллектив делился на кружки, которые вели практическую деятельность. Предметом этой деятельности могли быть как школьные (ученическое самоуправление, научные, литературные, театральные и музыкальные кружки, взаимопомощь), так и внешкольные дела [2, с. 209].

Необходимо отметить, что одним из важнейших направлений внешкольной деятельности «Передовой стражи» была идейно-воспитательная работа именно на окраинах тогдашнего польского государства, в том числе и на территории Западной Беларуси [5, с. 170]. Общие директивы деятельности ПС указывали следующие направления работы: организация летних лагерей на восточных окраинах страны, расширение границ польской культуры, военная подготовка и физическое воспитание [3, с. 71].

Помимо этого, ПВ должна была готовить будущих руководителей проправительственных организаций, в том числе и молодежных союзов. О членах организации говорилось: «Когда через несколько лет он – молодой юрист, врач или учитель – в дальней местности начнет работу в организации противохимической и противовоздушной обороны, «Стрельце» или кружке сельской молодежи, то государство будет спокойно за эту сферу общественной жизни» [6, с. 410].

«Передовая стража» имела двухуровневое членство, существовали действительные члены и участники. Действительными членами ПС могли быть совершеннолетние граждане, обычно исполнявшие инструкторские функции. Участниками являлись учащиеся в возрасте от 15 до 21 года. К обязанностям действительных членов и участников относилось: участие в работе организации, соблюдение устава ПС и распоряжений ее руководства, регулярная выплата членских взносов. В руководящие органы «Передовой стражи» могли быть избраны только действительные члены [4, с. 6]. Также необходимо отметить, что уставные документы «Передовой стражи» предусматривали для кандидатов на вступление в организацию испытательный срок, который мог составлять до шести месяцев [7, с. 4 – 5].

В уставе «Передовой стражи» говорилось о том, что организация подлежит надзору со стороны министра просвещения. Руководящие органы ПС

обязывались: точно придерживаться распоряжений, указаний и инструкций министерства просвещения в сфере воспитания молодежи; передавать министру проекты основных своих воспитательных программ и инструкций; предоставлять в министерство полугодовые и годовые отчеты о деятельности организации. Министр утверждал устав ПС и его изменения, а также назначение руководителя (начальника) организации [4, с. 12 – 13].

С другой стороны, министерство просвещения и его местные структуры оказывали всемерную поддержку «Передовой страже». Известно, что уже сразу после создания ПС директора средних школ Виленского школьного округа получили от своего руководства специальный циркуляр, который указывал на необходимость поддерживать деятельность этой организации на территории подчиненных им школ [8, с. 248]. Параллельно шла активная информационно-пропагандистская акция деятельности «Передовой стражи» в местной виленской прессе [9, с. 1; 10, с. 1].

Следует отметить, что некоторые круги рассматривали появление ПС как опасность для другой школьной проправительственной организации – Союза польского харцерства (СПХ). Тем не менее, руководство СПХ заявило, что союз занимает доброжелательную позицию по отношению к «Передовой страже» и считает, что «появление на территории старших классов средней школы новой организации вызовет здоровое соревнование». Харцерам было разрешено при согласии их руководства участвовать в деятельности ПС. Считалось, что участие испытанных работников в деятельности новой организации сможет положительно повлиять на ее развитие, убережет от ошибок благодаря накопленному харцерством опыту [11, с. 2]. Несомненно, что такую позицию руководство СПХ заняло под воздействием руководства министерства просвещения, которое курировало и деятельность харцеров.

Первоначально акция по созданию «Передовой стражи» охватила средние школы в больших городах польского государства – Варшаве, Люблине, Львове, Познани. Но постепенно она достигла и меньших городов и сельских профессиональных школ. Отдельные коллективы ПС объединялись в округа, которые создавались с разрешения руководства школьных округов и совпадали с их территорией. Всего существовало 12 округов ПС [3, с. 69]. На территории Западной Беларуси действовали два из них: Брестский (охватывал Полесское и частично Белостокское воеводства) и Виленский (Виленское, Новогрудское и частично Белостокское воеводства).

Руководство школьных округов оказывало «Передовой страже» значительную инструкторско-методическую помощь. Так, например, 11 – 12 ноября 1933 г. в Бресте прошли курсы для инструкторов Брестского округа ПС, организованные руководством местного школьного округа. Курсы открыл куратор

Брестского школьного округа Р. Петриковский, обративший внимание инструкторов на необходимость внутреннего укрепления коллективов перед началом практической деятельности. В ходе лекций был рассмотрен достаточно широкий круг вопросов, в том числе: генезис и программные положения СП; организационная структура СП; сфера школьной и внешкольной деятельности организации; взаимодействие с другими проправительственными молодежными союзами и т.д. Инструкторы представили отчет о деятельности своих коллективов и планах их дальнейшей работы. Также было принято решение издавать окружной бюллетень, провести слет руководителей всех коллективов округа, а также организовать экскурсию участников Брестского округа СП в Силезию и одновременно принять на Полесье экскурсию из Силезского округа [12, с. 473 – 475].

Если говорить о непосредственной деятельности «Передовой стражи», то необходимо сразу отметить, что организация не смогла стать массовой. Тем не менее, определенную работу участники этой организации вели. Например, в Дисненской гимназии (Виленское воеводство) коллектив СП насчитывал лишь несколько человек. При этом они издавали школьную газету, сотрудничали со школьным самоуправлением и местным отделением Стрелецкого союза. Кроме этого, коллектив установил контакт со всеобщей (начальной) школой в деревне Николаево, где начал организацию читальни и провел ряд лекций [3, с. 72]. На территории Новогрудского воеводства местные отделения ПС активно участвовали в культурно-просветительской и иной работе других проправительственных молодежных объединений, прежде всего СПХ и Организации трудящейся молодежи. Как отмечала официальная пресса, ««Передовая стража» является фактором, который начинает играть достаточно важную роль в преобразовании души старшей школьной молодежи, и даже не раз и внешкольной молодежи» [13, с. 5]. Характерно, что М. Гонецкий, куратор Виленского школьного округа, к которому относилась и Новогрудчина, как раз призывал к тесному сотрудничеству СПХ и ПВ [14, с. 124]. В 1935/1936 учебном году каждому из округов «Передовой стражи» поставили соответствующие задачи. Брестский округ должен был осуществлять опеку над 12 всеобщими школами и проводить библиотечную акцию. Виленский округ – наладить взаимодействие с польской молодежью в Латвии, организовать опеку над сельской молодежью, подготовить площадку для центрального женского летнего лагеря ПС в Головке около Новогрудка [3, с. 72].

Как раз именно организация и проведение летних лагерей стала наиболее заметной акцией «Передовой стражи», в том числе и на территории Западной Беларуси. В своих лагерях члены ПС вели не только внутриорганизационную работу, но и значительную культурно-просветительскую деятельность среди окрестной молодежи. Разумеется, что данная

деятельность на окраинах польского государства носила открытый полонизаторский характер. Очень часто в летние лагеря «Передовой стражи» на территории Западной Беларуси приезжали отряды из этнически польских земель, местные же отряды отправлялись в другие воеводства. Например, летом 1934 г. Виленский округ ПС организовал два летних лагеря: мужской (70 участников) в Браславском повете Виленского воеводства и женский (54 участницы) на озере Нарочь в Поставском повете Виленского воеводства. Брестский округ организовал также мужской (35 участников) и женский (35 участниц) лагерь на территории Поморского воеводства [15, с. 7]. Участники мужского лагеря Виленского округа осуществили достаточно широкий фронт работ: был построен участок шоссе (418 м), аллея им. А. Скварчинского (500 м), благоустроено российское военное кладбище времен Первой мировой войны. Также был налажен контакт с населением окрестных деревень. Местное отделение Стрелецкого союза получило в дар от ПС библиотеку (122 тома), сельскохозяйственная школа также получила библиотеку (129 книг). Кроме того, для учащихся этой школы члены ПС провели 13 лекций. Для самих участников летнего лагеря также был проведен ряд занятий, посвященных социально-политической проблематике. В качестве лекторов выступали представители местной администрации, комендант Стрелецкого союза, директор сельскохозяйственной школы [15, с. 8 – 10]. Акция летних лагерей была продолжена и в следующие годы. Так, например, летом 1936 г. Виленский округ провел центральный женский лагерь в Головке около Новогрудка и окружной женский лагерь около Турмонт (совр. Турмантас в Литве), а также два мужских лагеря в Мигове около Гродно для кандидатов и членов «Передовой стражи». Участники летних лагерей оказывали помощь окрестному бедному населению, организовывали вечеринки, распространяли санитарные знания. Также члены ПС сотрудничали с местными общественными организациями, вели библиотеки и клубы, собирали книги для молодежи [14, с. 124 – 125].

Но уже во второй половине 1930-х гг. «Передовая стража» вступила в период кризиса. Во многом это было связано с уходом Я. Енджеевича из правительства, что повлекло за собой потерю поддержки со стороны руководства системы образования. Кроме того, власти стремились к консолидации общественной активности и желали ликвидировать организации, которые, по их мнению, не приносили пользы обществу. Не маловажным было и то, что ПС все чаще обвиняли в «неправильном направлении воспитания». Поднимался вопрос о прекращении ее финансирования. Я. Енджеевичу на заседании Сената пришлось убеждать парламентариев в необходимости дальнейшего существования «Передовой стражи» [16, с. 131].

После 1937 г. организация с сохранением оп-

ределенной автономии действовала в рамках Лагеря национального объединения, проправительственного блока под руководством маршала Э. Ридз-Смиглого. Она по-прежнему проводила летние лагеря, культурно-просветительскую работу, участвовала в школьном самоуправлении. Но значение ПВ в сфере осуществления официальной молодежной политики было сведено к минимуму [3, с. 74]. Например, в отчетах Белостокского воеводского правления во второй половине 1930-х гг. ее деятельность характеризовалась как «низкая» [17, л. 3]. Затем они же сообщали, что «Передовая стража» вообще не проявляет никакой деятельности [17, л. 8]. К концу 1930-х гг. организация вовсе исчезает из отчетов властей Белостокского воеводства.

Таким образом, Организация гражданской работы молодежи «Передовая стража», по мнению ее создателей, должна была стать одним из инструментов проведения официальной молодежной политики в среде старших школьников. Идеология ПС полностью соответствовала положениям концепции «государственного воспитания», а вся ее деятельность находилась под полным контролем министерства просвещения. Благодаря всемерной поддержке со стороны государственной системы образования организация, не смотря на свою малочисленность, смогла вернуть достаточно активную деятельность. Наиболее заметной ее частью была акция летних лагерей, сыгравшая определенную роль в полонизации молодого поколения Западной Беларуси. Однако все значение и влияние «Передовой стражи» быстро сошло к минимуму после лишения поддержки со стороны властей.

Список литературы

1. Wróblewska U. Polityka oświatowa państwa polskiego wobec mniejszości narodowych, grup etnicznych i wyznaniowych zamieszkujących Kresy Wschodnie w II RP // Nauka. – 2011. – № 2. – S. 109 – 124.
2. Skwarczyński A. Straż Przednia // Adam Skwarczyński – od demokracji do autorytaryzmu. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1998. – S. 205 – 210.
3. Muszyński W. Mali piłsudczycy // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2008. – № 5 – 6. – S. 69 – 75.
4. Statut Organizacji pracy obywatelskiej młodzieży „Straż Przednia”. – Warszawa: Drukarnia krajowa, 1933. – 16 s.
5. Wasylewski B. „Straż Przednia” a życie pozaszkolne młodzieży // Gimnazjum. – 1934. – № 4 – 5. – S. 164 – 172.
6. Łopuski J. Organizacja Pracy Obywatelskiej Młodzieży Straż Przednia // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Brzeskiego. – 1933. – № 7. – S. 408 – 412.
7. Regulamin ogólny Organizacji pracy obywatelskiej młodzieży „Straż Przednia”. – Warszawa: Zakł. Graf.-Intr. J. Dziewulski, 1935. – 32 s.
8. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 17 czerwca 1932 r. do Dyrekcyj szkół średnich ogólnokształcących w sprawie organizacji pracy obywatelskiej młodzieży p.n. «Straż Przednia» // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1932. – № 7 – 8. – S. 248.
9. Święto „Straży Przedniej” // Kurjer Wileński. – 1933. – 17 lipca. – S. 1.
10. Straż Przednia // Kurjer Wileński. – 1933. – 19 lipca. – S. 1.
11. Bar L. Echa Zjazdu Z.H.P. w Katowicach u malkontentów // Kurjer Wileński. – 1933. – 7 maja. – S. 2.
12. Sprawozdanie z kursu dla instruktorów Straży Przedniej Okręgu Brzeskiego // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Brzeskiego. – 1933. – № 8. – S. 473 – 475.
13. Na odcinku prac młodocianych w Nowogródczyźnie // Obóz Młodych. – 1934. – № 21. – S. 5.
14. Gąsiorowski A. Zajęcia pozalekcyjne w dokumentach Kuratorium Okręgu Szkolnego Wileńskiego w latach 1932–1939 // Przegląd Historyczno-Oświatowy. – 2010. – № 1 – 2. – S. 118 – 145.
15. „Straż Przednia” w lecie 1934 r. – Warszawa: Drukarnia krajowa, 1934. – 32 s.
16. Osiński, Z. Janusz Jędrzejewicz – piłsudczyk i reformator edukacji (1885 – 1951). – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. – 338 s.
17. Archiwum Państwowe w Białymstoku (APB). Z. 47. Urząd Wojewódzki Białostocki (1920 – 1939). Sygn. 108.

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кривуть М.Л.

Образовательная ситуация в Республике Беларусь определяется переходом от знаниево-предметного к компетентностному подходу и развитием идей инклюзивного образования. Всё это приводит к необходимости пересмотра содержания компетентности педагога. В данной статье мы предлагаем вариант возможного расширения коммуникативной компетентности педагога начального образования.

Ключевые слова: педагог начального образования, коммуникативная компетентность, инклюзивное образование.

The educational situation in the Republic of Belarus is determined based on the competence-based approach and the development of the ideas of inclusive education. All this leads to the need to review the content of the teacher's competence. In this article, we propose a variant of the possible extension of the communicative competence of a teacher of primary education.

Keywords: a teacher of primary education, communicative competence, inclusive education.

Перспективным направлением развития образования Республики Беларусь является переход от знаниево-предметного к компетентностному подходу. Согласно исследованиям А.Л. Андреева, А.Г. Бермуса, А.И. Жука, О.Л. Жук, И.А. Зимней, О.Е. Лебедева, К.А. Логун, А.В. Хуторского, Ф.В. Шарипова, В.П. Шибаева и др. главной целью компетентностного подхода является формирование таких личностных характеристик, которые позволят педагогу самостоятельно дифференцировать и адаптировать накопленные знания в различных ситуациях и сферах жизни [1, 2, 5, 6, 8, 10, 12, 16, 18, 19].

Изучение и внедрение идей компетентностного подхода начинается с 60-70х годов XX в. в исследованиях Н. Хомского (N. Chomsky) и Д. Хаймса (D. Hymes). Анализ работ А.Г. Бермуса, И.А. Зимней, А.В. Хуторского, Ф.В. Шарипова, В.П. Шибаева и др., показывает, что, не смотря на разные подходы к содержанию определения понятия компетентности, по сути, они синонимичны. Компетентность рассматривается как новообразование, личностный ресурс, включающий в себя компетенции [2, 8, 16, 18, 19].

Спецификой развития компетентностного подхода в Республике Беларусь является его внедрение в систему образования в условиях продвижения идей инклюзивного образования. Принятие 22.07.2015 г. Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития (далее ОПФР) в Республике Беларусь не противоречит идеям компетентностного подхода, а, напротив, позволяет разрабатывать модель компетентностного инклюзивного образования [9].

Согласно идеям указанной выше Концепции всем детям в независимости от их уровня развития, инвалидности, особых образовательных потребностей (далее ООП) становится доступным полноценное участие в образовательном процессе. Это приводит к существенному увеличению количества субъектов учреждений общего среднего образования за счёт

включения детей с ОПФР, их родителей и педагогических работников, обеспечивающих сопровождение данной категории детей в процессе получения образовательных услуг [15].

Увеличение количества субъектов образовательного процесса в условиях инклюзивного образования не минимизирует, а, напротив, требует более высокого уровня развития коммуникативной компетентности педагога. Ему необходимо поддерживать коммуникативные отношения со всеми субъектами образовательного процесса, не смотря на то, что их речевые навыки могут находиться на начальной стадии формирования. Кроме этого, собеседник может иметь тотальные нарушения слуха и не понимать обращённую речь, использовать для общения альтернативные средства коммуникации, находиться на низком уровне интеллектуального, физического, культурного и др. видов развития. При этом использовать формы и виды речевого общения педагог должен разнообразно в зависимости от выбранной коммуникационной тактики и стратегии.

В связи с тем, что основой подготовки педагогов является Кодекс об образовании и Образовательные стандарты высшего образования Республики Беларусь, которые вступили в действие до принятия Концепции развития инклюзивного образования лиц с ОПФР в Республике Беларусь, то требования к профессиональной компетентности будущих педагогов не соответствуют запросу, предъявляемому современным обществом к специалисту. В условиях развития компетентностного подхода и принятия идей инклюзивного образования, появляется потребность в подготовке педагога, способного профессионально функционировать в новых образовательных условиях, имея достаточный уровень сформированности коммуникативной компетентности.

Коммуникативную компетентность Ю.М. Жуков рассматривает как метакомпетентность или ядерную компетентность, доказывая её значимость во

всех сферах жизнедеятельности человека [7]. Исследования Е.В. Чанковой, позволяют определять коммуникативную компетентность как начальную социальную единицу, так как именно она определяет целостность и жизнеспособность общества, динамику становления общества нового типа, адекватность личности обществу в условиях общественных трансформаций [17]. Значение коммуникативной компетентности в педагогической деятельности отражено в работах В.Н. Введенского, С.А. Летневой, и др. [3, 11]. Значимость влияния уровня коммуникативной компетентности педагога на темп, характер и результат адаптации школьников отражена в работах Н.В. Жизневой [4].

Согласно Образовательному стандарту высшего образования для специальности «Начальное образование» (ОСВО 1-01 02 01-2013) Республики Беларусь формирование каждой компетентности, в том числе и коммуникативной, входящей в состав профессиональной компетентности педагога происходит посредством трёх основных групп компетенций (академических, социально-личностных и профессиональных) [13].

Не смотря на то, что многие исследователи показывают значимость коммуникативной компетентности в деятельности каждого педагога, в вышеуказанном Образовательном стандарте, компетенции, которые можно отнести к коммуникативной компетентности не раскрывают все аспекты профессиональной коммуникативной деятельности педагога.

Академические компетенции:

–АК-8 . Обладать навыками устной и письменной коммуникации.

–АК-10. Уметь регулировать взаимодействия в образовательном процессе.

Социально-личностные компетенции:

–СЛК-2. Быть способным к социальному взаимодействию.

–СЛК-3. Обладать способностью к межличностным коммуникациям.

–СЛК-6. Уметь работать в команде.

Профессиональные компетенций компетенции, которые можно отнести к коммуникативным, указаны опосредовано. Так как ни один из видов деятельности (обучающая, воспитательная, развивающая, ценностно-ориентационная), в рамках которых прописаны профессиональные компетенции, без достаточного уровня сформированности коммуникативной компетентности не может быть реализован.

В условиях внедрения идей инклюзивного образования требуется пересмотр содержания коммуникативной компетентности педагога начального образования с включением в её состав компетенций, представленных к таблице 1. – Содержание коммуникативной компетентности педагога инклюзивного образования.

Таблица 1. – Содержание коммуникативной

компетентности педагога инклюзивного образования.

№	Группа компетенций	Компетенции
1.	академические компетенции	умение устанавливать контакт, начинать, поддерживать и заканчивать коммуникацию
		навыки устной и письменной коммуникации
		навыки вербальных и невербальных приёмов коммуникации
		умение применять базовые научно-теоретические знания для решения коммуникативных задач
		умение эффективно формировать коммуникативную стратегию
		умение пользоваться тактическими приёмами коммуникации
		использование в практическом опыте приемлемых стилей коммуникации
		владение исследовательскими навыками в области коммуникаций
		умение строить коммуникацию с использованием специфики речевого развития в онтогенезе и дизонтогенезе
		умение строить продуктивное общение независимо от образовательных, интеллектуальных, речевых и других особенностей коммуниканта
		способность порождать новые идеи в организации коммуникативной деятельности (обладать креативностью)
		владение междисциплинарным подходом при решении коммуникативных задач
		умение презентовать процесс и результат своей коммуникативной деятельности и деятельности других субъектов образовательного процесса
		навыки, связанные с деятельностью за компьютером, компьютерными программами, Интернетом
2	профессиональные компетенции	умение учитывать факторы среды в процессе коммуникации
		умение учитывать психологическую характеристику собеседника в процессе коммуникации
		способность повышать свой уровень профессиональных коммуникативных компетенций
		умение формировать у учащихся навыки коммуникации
		навыки поиска, обработки и использования информации в области коммуникационных отношений
		умение обучать учащихся, родителей, коллег новым коммуникативным методам, методикам и технологиям
		умение принимать и оказывать помощь каждому коммуниканту
		умение работать самостоятельно

		и в команде
		достаточный уровень сформированности педагогического такта
		достаточный уровень развития коммуникативной этики и культуры
		навыки предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций в общении со всеми субъектами образовательного процесса
		умение использовать технические средства для общения с учащимися с тяжёлыми нарушениями речи
		способность к разработке новых альтернативных средств коммуникации
		умение организовывать и проводить учебные занятия различных видов и форм
		умение организовывать самостоятельную работу обучающихся
		умение организовывать и проводить воспитательные мероприятия
		умение реализовывать технологию деятельности классного руководителя
		умение осуществлять профилактику девиантного поведения обучающихся
		умение организовывать и проводить коррекционно-педагогическую деятельность с обучающимися
3	социально-личностные компетенции	способность к социальному взаимодействию
		навыки социальной перцепции
		умение представлять себя как участника коммуникации
		достаточный уровень психологической готовности, необходимой для вступления в коммуникативный контакт с ребёнком с ОПФР, с инвалидностью, его семьёй, коллегами
		достаточный уровень сформированности мотивации к взаимодействию с каждым субъектом образовательного пространства
		достаточный уровень развития эмоциональности, эмпатии, толерантности
		умение использовать в общении специфику социокультурного развития представителей разных стран и национальностей
		умение использовать в общении этнические нормы разных народов и народностей
		умение использовать в общении специфику влияния религиозных норм на коммуникативные взаимоотношения у представителей разных культур
		обладание качествами гражданственности

Учёт данных компетенций при разработке новых образовательных программ будет способство-

вать формированию у будущих педагогов более высокого уровня коммуникативной компетентности, что в новых образовательных условиях чрезвычайно значимо.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа – Педагогика. – 2005. – № 4. – С. 19–26.
2. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс] / А. Г. Бермус – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
3. Введенский В.Н. Коммуникативная компетентность педагога: характеристика, способы совершенствования – СПб: ИОВ РАО, 2003. – 52с.
4. Жизнева Н.В. Коммуникативная компетентность педагога как условие эффективного психологического сопровождения развития младших школьников с нарушениями речи: Автореф. канд. психол. наук : 19.00.13 – Ростов на Дону – 2011. – 25с.
5. Жук, А.И. Модернизации высшей школы Беларуси созвучна идея Болонского процесса / А.И. Жук // Высэйшая школа. – 2009. – №2. – С. 3–6.
6. Жук О.Л. Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход / О.Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2009. – 336 с.
7. Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растянкин П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении – Москва: Московский университет, 1990. – 104с.
8. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
9. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь от 22.07.2015 №608 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://autismschool.by/...obrazovanie...obrazovaniya-lics...v...> – Дата доступа: 27.07.2016.
10. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. – N 5. – С. 3–12.
11. Летнева С.А. Коммуникативная компетенция как ведущее понятие современной педагогической науки // Научный альманах. – 2015 – N 10-2(12) – С.288–291
12. Логун К.А. Проблемы и перспективы компетентностного подхода : новые стандарты высшего профессионального образования – Магадан : ГОУ ВПО РГГУ, 2010. – С. 1–10.
13. Образовательный стандарт высшего образования. ОСВО 1-01 02 01-2013 . Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-01 02 01 Начальное образование. Квалификация: Преподаватель. – Режим доступа: <http://naviny.org/2013/08/30/by5935.htm> – Дата доступа: 27.02.2017.
14. Игнатенко А.А., Третьякова, В.С. Коммуникативная компетентность будущего педагога: понятие, сущность и структура // Вестник ЧГПУ.– 2012. –№1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-buduschego-pedagoga-ponyatie-suschnost-i-struktura> – Дата доступа: 27.02.2017.
15. Хитрюк, В.В. Готовность педагога к работе в условиях инклюзивного образования через призму комплекса компетенций // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск. – 2013. – №4. – С. 446–454.

16. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении. Научно-методическое пособие – М.: Эйдос, Институт образования человека, 2013. – 73 с.
17. Чанкова, Е.В. Коммуникативная компетентность личности в постиндустриальном обществе (теоретико-методологическое исследование): монография – М.: РГСУ, 2016. – 192 с.
18. Шарипов Ф.В. Профессиональная компетентность преподавателя как условие обеспечения качества подготовки специалистов // Среднее профессиональное образование, 2009. – 2011. – С. 27–31.
19. Шибяев В.П. Профессиональная педагогическая компетентность: структура, содержание, критерии сформированности // Мир науки, культуры, образования, 2013. – № 5 (42). – С. 27–29.
-

УДК 111 (34)

ЛИКВИДАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Карпова Е.В.

Объектом данного исследования является процесс ликвидации юридического лица в соотношении гражданско-правового и онтологического аспектов. Методами исследования являются онтологический и формально-логический анализ законодательства, принципы от общего к частному, от конкретного к абстрактному. Результатами исследования стало раскрытие процесса ликвидации юридического лица с онтологической точки зрения как правовой ситуации, проявляющейся во взаимодействии субъективной правовой реальности и объективной правовой действительности и события, имеющего пространственно-временное измерение.

Ключевые слова: ликвидация, юридическое лицо, правовая ситуация, правосознание, правовая культура, правовой интерес, учредители, кредиторы.

The object of this study is the process of liquidation of a legal entity in the ratio of civil law and ontological aspects. Methods of research are ontological and formal-logical analysis of legislation, principles from general to particular, from concrete to abstract. The research resulted in the disclosure of the process of liquidation of a legal entity from an ontological point of view as a legal situation, manifested in the interaction of subjective legal reality and objective legal reality and an event having a space-time dimension.

Keywords: liquidation, legal entity, legal situation, legal awareness, legal culture, legal interest, founders, creditors.

Проблемы, связанные с ликвидацией юридического лица активно исследуются учеными в настоящее время Е.А. Братской [2], М.А. Егоровой [3], В.В. Игнатченко [5], И.И. Стрелковой [9] и др. Различными авторами активно исследуются проблемы правосознания: Г.Ж. Бальтановой [1], А.Х. Закаевой [4], М.В. Моисеевой [7], А.В. Кученевым [6], С.Л. Слободнюком, Ю.Л. Кивой-Хамзиной [8], Ф.И. Хамидуллиной [10], В.В. Хоружий [11] и др. Наше исследование предполагает выявление онтологических особенностей процедуры ликвидации юридического лица на основе анализа правового материала.

С гражданско-правовой точки зрения, процедура ликвидации юридического лица предполагает процесс завершения и прекращения деятельности юридического лица без правопреемства прав и обязанностей.

С онтологической точки зрения, процедура ликвидации юридического лица является правовой ситуацией. Ликвидация юридического лица как правовая ситуация, высвечивается в переплетении субъективной правовой реальности субъекта и объективной правовой действительности.

Субъективную правовую реальность составляют внутренние желания, мотивы, правовые потребности, эмоции, смыслы и ценности субъекта (учредителя, лица принимавшего управленческие решения, приведшие к банкротству и др.). В связи с этим, имеет значение добровольность и принудительность ликвидации юридического лица. Ликвидация может быть добровольной по решению учредителей или участников, органа юридического лица при истечении срока создания, при достижении целей создания. Принудительная ликвидация осуществляется в судебном по-

рядке по иску государственных или муниципальных органов власти в случаях признания недействительной государственной регистрации юридического лица, при осуществлении незаконной деятельности, при отсутствии лицензии, обязательного членства в СРО, при систематическом отклонении от уставных целей деятельности некоммерческой организацией. Принудительно прекращается деятельность юридического лица, которое в течение года (двенадцати месяцев) не представляло документы отчетности, не осуществляло бухгалтерских операций хотя бы по одному банковскому счету. Судебный порядок ликвидации предполагается и по иску учредителя или участника в ситуации, когда цели создания организации не могут быть достигнуты, при невозможности дальнейшего продолжения деятельности.

С онтологической точки зрения, субъективная правовая реальность в ситуации ликвидации юридического лица может определяться уровнем правосознания и правовой культуры, наличием деформаций правосознания, правомерностью и неправомерностью правового интереса субъекта (учредителя, участника, руководителя, собственника имущества, арбитражного управляющего). Имеет значение так же наличие и отсутствие в сознании субъекта чувства вины и ответственности, как готовности к правовой активности. Виновность и ответственность носят императивно-атрибутивный характер. Атрибутивность проявляется в повинности и ответственности перед кредиторами по возврату долгов и перед органами Федеральной налоговой службы по уведомлению и отчетности в процессе ликвидации. Императивность предполагает виновность и ответственность в правонарушении, ставшим причиной ликвидации.

Объективная правовая реальность правовой ситуации ликвидации юридического лица представлена внешними формально-определёнными, обеспеченными возможностью государственного принуждения нормами права, регулирующими процедуру ликвидации и объективными обстоятельствами, имеющими силу юридических фактов. Нормы права закреплены в части 1 Гражданского кодекса РФ, в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и других. Объективные обстоятельства ликвидации юридического лица, имеющие силу юридических фактов, представляют собой последовательность необходимых действий, сроков, деловую взаимосвязь мест, указанных в нормах права.

Порядок ликвидации юридического лица регламентирован законом. Лица, принявшие решение о ликвидации в течение трёх рабочих дней в письменной форме должны известить Федеральную налоговую службу о ликвидации юридического лица, о чём делается соответствующая отметка в Едином государственном реестре юридических лиц. В средствах массовой информации должно быть сделано объявление о ликвидации.

Учредителями или участниками создаётся ликвидационная комиссия, определяются порядок и сроки ликвидации. При установлении ликвидационной комиссией недостаточности средств юридического лица необходимых для удовлетворения требований кредиторов в полном объеме, перед ликвидацией может быть проведена процедура банкротства. За исключением случаев указанных в законе. Ликвидационная комиссия публикует в средствах массовой информации сообщение о ликвидации и о порядке и сроках предъявления претензий кредиторами (не менее двух месяцев с момента опубликования сообщения о ликвидации). Ликвидационная комиссия выявляет должников и кредиторов. Кредиторы уведомляются в письменной форме о ликвидации.

По истечении срока предъявления претензий ликвидационной комиссией составляется промежуточный ликвидационный баланс, который утверждается учредителями или участниками или уполномоченным органом. Юридическое лицо несёт самостоятельную имущественную ответственность своим имуществом по своим обязательствам перед кредиторами. Для этого учредителями (участниками) при создании юридического лица формируется уставный (складочный) капитал, который служит гарантией платёжеспособности. Уставный капитал может включать в себя денежные средства, имущество, имущественные права, ценные бумаги. В установленных законом случаях предусматривается субсидиарная ответственность по долгам юридического лица для учредителей, участников, руководителей юридического лица, собственников имущества юридического лица и

других контролирующих деятельность организации лиц, чьи действия привели к банкротству юридического лица.

При недостаточности денежных средств для фактического удовлетворения требований кредиторов ликвидационная комиссия проводит торги, осуществляя продажу имущества.

Фактическое удовлетворение требований кредиторов производится в соответствии с промежуточным ликвидационным балансом со дня его утверждения. Фактическое удовлетворение требований кредиторов основывается на принципе справедливости, осуществляется в порядке очерёдности после погашения расходов на сам процесс ликвидации. В первую очередь удовлетворяются требования по задолженности выплат за причинение вреда жизни или здоровью, выплаты гражданам-вкладчикам по договорам банковского счёта и банковского вклада при ликвидации банков. Выплаты по трудовым договорам и авторские вознаграждения выплачиваются во вторую очередь. Расчетами третьей очереди являются обязательные платежи в бюджет и во внебюджетные фонды. Четвертая очередь открыта для расчетов со всеми остальными кредиторами. В пятую очередь могут быть удовлетворены требования кредиторов о возмещении убытков в виде упущенной выгоды, о взыскании неустойки (штрафа, пени).

Каждая очередь кредиторов удовлетворяется после полного удовлетворения требований кредиторов предыдущей очереди в полном объеме. Исключения составляют требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества ликвидируемого юридического лица. При недостаточности средств юридического лица и при невозможности проведения процедуры банкротства в установленных законом случаях долги распределяются пропорционально заявленным требованиям между кредиторами соответствующей очереди. При недостаточности средств, обязательства по выплате задолженности могут считаться погашенными в случаях, установленных законом. При обнаружении скрытого, дополнительного имущества юридического лица, в судебном порядке назначается процедура перераспределения имущества по заявлению заинтересованных лиц. Срок подачи заявления – пять лет с момента официального прекращения деятельности юридического лица.

По завершению фактического удовлетворения требований кредиторов ликвидационной комиссией составляется окончательный ликвидационный баланс. Он должен быть утверждён учредителями или участниками, или органом, принявшими решение о ликвидации юридического лица. Если после фактического удовлетворения требований кредиторов имущество осталось, оно распределяется между учредителями или участниками. Завершается ликвидация юридического лица внесением записи о прекращении единый государственный реестр юридических лиц.

Таким образом, с онтологической точки зрения, процесс ликвидации юридического лица является, правовой ситуацией, проявляющейся во взаимодействии субъективной правовой реальности и объективной правовой действительности. Правовая ситуация процесса ликвидации юридического лица является событием, имеющим пространственно-временное измерение.

Временное измерение события ликвидации определяется сроками. Сроки процедуры ликвидации могут устанавливаться ликвидационной комиссией или арбитражным судом. Отдельные сроки ликвидации устанавливаются законом. Так, 3 рабочих дня – срок извещения о ликвидации, не менее 2 месяцев с момента опубликования сообщения о ликвидации – срок предъявления претензий кредиторами, 5 лет с момента внесения сведений в ЕГРЮЛ о прекращении деятельности юридического лица – срок подачи заявления о перераспределении имущества, 12 месяцев с момента вступления в силу решения суда – максимальный срок ликвидации кредитной организации, 1 год – срок ликвидации общества с ограниченной ответственностью и др.

Пространство правовой ситуации ликвидации юридического лица, в онтологическом смысле, рассматривается нами как деловая взаимосвязь мест, имеющих правовое значение. Обнаруживается деловая взаимосвязь мест как социально-правовых ролей. Взаимосвязаны между собой место учредителя, место участника, руководителя юридического лица, собственника имущества юридического лица, место лица контролирующего деятельность организации, чьи действия привели к банкротству, место государственного органа или органа местного самоуправления как инициатора процесса ликвидации, место члена ликвидационной комиссии, место арбитражного управляющего, место Федеральной налоговой службы как регистрирующего органа. Так же имеет онтологическое значение деловая взаимосвязь фактических мест нахождения (место государственной регистрации юридического лица, официальное местонахождение юридического лица, места нахождения судебных инстанций, органов государственной власти и местного самоуправления, место нахождения имущества юридического лица, место проведения торгов). Деловая взаимосвязь мест проявляется так же как взаимосвязь

объема прав и обязанностей (место должника, место кредитора определенной очереди).

Деловая взаимосвязь мест обеспечивает динамику правовой ситуации. С понятием место связано определенное правовое поведение, совершение определенных правовых актов. Существует вертикальная иерархия мест, как совокупность подчиненных друг другу судебных инстанций и очередей кредиторов. Горизонтальная плоскость пространства правовой ситуации связана с равенством прав и законных интересов всех участников процесса ликвидации.

Список литературы

1. Бальтанова Г.Ж. Правовой нигилизм и правовой инфантилизм в правосознании // Образование и наука в современных условиях. 2017. № 1 (10). С. 335-336.
2. Братская Е.А. Понятие создания, реорганизации и ликвидации юридического лица // Современные проблемы права, экономики и управления. 2017. № 1 (4). С. 34-40.
3. Егорова М.А. Принудительная реорганизация и ликвидация юридического лица как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 1. С. 3-7.
4. Закаева А.Х. Истоки правового нигилизма в российском правосознании // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 3 (27). С. 133-136.
5. Игнатченко В.В. Ликвидация юридического лица // Actualscience. 2017. Т. 3. № 1. С. 91-94.
6. Кученев А.В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22-25.
7. Моисеева М.В. Деформации правосознания как фактор правового риска: обоснование дифференцированного подхода // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5 (108). С. 445-447.
8. Слободнюк С.Л., Кива-Хамзина Ю.Л. Воздаяние, справедливость и гражданское право: архетипический аспект // Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. С. 92-95.
9. Стрелкова И.И. Управляющий в деле о банкротстве (опыт России, Китая и США) // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 7. С. 51-56.
10. Хамидуллина Ф.И. Правосознание, право и справедливость: пять тезисов о нормах гражданского права и практике их судебного применения. // Проблемы права. 2017. № 5 (64). С. 82-85.
11. Хоружий В.В. Правовая культура и правосознание // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. Т. 2. № 3. С. 183-186.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Касымовская П.П.

Объектом данного исследования является государственное регулирование в сфере предпринимательской деятельности в соотношении правового и онтологического аспектов. Методами исследования являются онтогносеологический анализ научной литературы, формально-логический анализ законодательства, принципы от общего к частному, от конкретного к абстрактному. Результатами исследования стало выявление двух групп онтологических принципов, отражающих эффективность государственного регулирования предпринимательской деятельности. Онтологическими принципами позитивного содержания являются принципы разумности, заботы верхов и принципы искренности, честности низов. Онтологическими принципами негативного содержания можно назвать принципы злоупотребления верхов и смуты низов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, контроль, надзор, проверка, онтологическое единство, разумность, забота, честность, искренность.

The subject of this study is the state regulation in the field of entrepreneurial activity in the ratio of legal and ontological aspects. Methods of research are ontological analysis of scientific literature, formal and logical analysis of legislation, principles from general to specific, from concrete to abstract. The research resulted in the identification of two groups of ontological principles reflecting the effectiveness of state regulation of entrepreneurial activity. Ontological principles of positive content are the principles of reasonableness, concern of the upper classes and principles of sincerity, honesty of the lower classes. Ontological principles of negative content can be called the principles of abuse of the upper and lower strata.

Keywords: entrepreneurial activity, control, supervision, verification, ontological unity, intelligence, care, honesty, sincerity.

В настоящее время учеными уделяется большое внимание проблемам государственного регулирования предпринимательской деятельности. Философским аспектам юридической ответственности, легистическим принципам право понимания уделяют внимание Ю.Л. Кива-Хамзина [7], Е.В. Карпова [6]. Идеологические основы правовой политики осуществления государственного контроля (надзора) рассматриваются О.М. Олейник [9]. Проблемы отдельных видов контроля (надзора) исследуются Ю.О. Плеховой, С.В. Ремизовой, А.М. Архиповой, Е.В. Заякиным [10], Н.А. Рубановой [11]. Проблемы организации проверок рассмотрены Г.Г. Ившиной [5]. Проблемы обжалования результатов проверок и защиты прав предпринимателей рассматриваются М.М. Дарькиной [2], И.Ю. Загоруйко [3], Е.М. Колесниковой [8], С.М. Зыряновым [4]. Мы в своём исследовании проведём онтологический анализ проблем государственного регулирования предпринимательской деятельности на основе правового материала.

В соответствии с легистическим типом правопонимания совокупность внешних объективных условий правового восприятия представлена системой принудительных установлений государства. По мнению Гуань Чжуна, отношения государственных органов с подданными должны строиться на добросовестной заботе верхов и на честном служении низов. [1, С. 153]

Государственное регулирование предпринимательской деятельности предполагает целенаправленное воздействие уполномоченных

государственных органов на предпринимательские отношения. Прежде всего, это выражается в нормативном правовом регулировании. Государственные органы осуществляют так же контроль и надзор, направленный на предупреждение, выявление и пресечение правонарушений с применением, при наличии оснований, государственного принуждения. Органы государственной власти и местного самоуправления должны обеспечивать предоставление информации, поддержку развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации. (Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля").

Государственный контроль (надзор) осуществляется на различных уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. В сфере предпринимательской деятельности на сегодняшний день различными государственными органами осуществляются разнообразные виды контроля (надзора). Общий контроль (надзор) осуществляется Прокуратурой РФ. Видами специализированного контроля являются: налоговый контроль (Федеральная налоговая служба РФ); противопожарный контроль (Государственная пожарная служба при Министерстве РФ делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий); в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций

(Министерство РФ делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий); в сфере эксплуатации технического оборудования (Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору); санитарно-эпидемиологический (Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения); в сфере защиты прав потребителей (Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения); в сфере защиты трудовых прав (Федеральная служба по труду и занятости); в рамках проведения оперативно-розыскных и следственных мероприятий (Следственный комитет РФ, Министерство внутренних дел России, Госавтоинспекция МВД России); антимонопольный контроль (Федеральная антимонопольная служба России); в сфере соблюдения требований к обработке персональных данных (Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций); в сфере точного измерительного оборудования (Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии); в сфере импортных отношений (Федеральная таможенная служба России); в сфере соблюдения миграционного законодательства (Министерство внутренних дел России).

По мнению Гуань Чжуна, отношения должны строиться на разумности верхов и искренности низов. [1, С. 153] Как нам представляется, в правовой ситуации осуществления контроля (надзора) эти принципы образуют необходимое моральное онтологическое единство, обеспечивающее эффективность правового регулирования. Основной формой осуществления государственного контроля (надзора) является проверка как совокупность мероприятий по контролю, оценивающих соответствие осуществляемой деятельности установленным законом требованиям.

По нашему мнению, онтологические принципы искренности и честности низов, способствующие эффективности правового регулирования, проявляются в предоставлении субъектом предпринимательской деятельности заверенных печатью и подписью руководителя копий всех необходимых документов по запросу контролирующего органа в установленный десятидневный срок. Возможно предоставление электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Онтологический принцип искренности и честности низов проявляется так же в предоставлении возможности должностным лицам ознакомления с документами, обеспечении их доступ на территорию, в помещения, к оборудованию, транспортным средствам для проведения проверки.

Как нам представляется, онтологические принципы разумности и заботы со стороны государственных органов, проявляются в том, например, что плановые проверки проводятся с уведомлением субъекта предпринимательской деятельности о начале её

проведения не позднее, чем за три рабочих дня до начала ее проведения. Субъекту предпринимательской деятельности направляется копия распоряжения или приказа о начале проведения плановой проверки (заказное письмо с уведомлением о вручении и (или) электронный документ). Плановые проверки проводятся не чаще чем один раз в три года по заранее разработанным ежегодным планам, утверждаемых прокуратурой. Ежегодные планы находятся в открытом доступе на официальных сайтах проверяющих органов.

Внеплановые проверки проводятся в особых, исключительных случаях когда, например, необходимо проверить исполнение ранее выданного предписания об устранении нарушения или при предоставлении правового статуса, специального разрешения (лицензии) на право осуществления отдельных видов деятельности. Проведение внеплановых проверок необходимо при возникновении угроз жизни и здоровью, безопасности государства, вреда окружающей среде, нарушение прав потребителей, а так же в связи с поступившими жалобами граждан.

При проведении документарных проверок онтологические принципы разумности и заботы верхов проявляются в недопустимости требования нотариально заверенных копий запрашиваемых документов у субъекта проверки. При осуществлении выездной проверки онтологические принципы разумности и заботы контролирующих органов проявляются в том, что должностное лицо обязано предъявить служебное удостоверение, ознакомить субъекта предпринимательской деятельности с распоряжением или приказом о назначении выездной проверки. Поясняются полномочия должностных лиц, цели, задачи, основания проведения выездной проверки, виды мероприятий по контролю, состав экспертов, сроки и условия её проведения.

Регламентирование сроков проведения проверок, так же является, по нашему мнению, проявлением принципа разумности и заботы верхов. Так срок проведения одной проверки не может превышать двадцать рабочих дней. Срок может быть сокращён, приостановлен и продлён в порядке установленном законодательством.

По результатам проверки должностными лицами, которые проводили проверку, составляется акт по установленной форме в двух экземплярах. К акту прилагаются протоколы обследования объектов окружающей среды и объектов производственной среды, протоколы или заключения проведенных исследований, испытаний и экспертиз, объяснения ответственных работников. Предприниматели имеют право вносить свои возражения в акт проверки, что повышает эффективность обжалования акта.

Хань Фей писал о такой проблеме государственного управления как злоупотребление верхов вызывающее смуту низов. [12, С. 345] Как нам представляется злоупотребление верхов и смута низов

представляют собой онтологическое единство демонстрирующее неэффективность правового регулирования. По нашему мнению, онтологическая проблема «смуты низов» разрешается в правовом поле возможностью привлечения к юридической ответственности субъекта предпринимательской деятельности по результатам проверки при наличии правовых оснований. Онтологическая проблема «злоупотребления верхов» в правовой ситуации разрешается через процедуру обжалования. Действия контрольных (надзорных) органов по результатам проверок могут быть обжалованы в административном порядке (в вышестоящий орган власти) и в судебном порядке. Незаконность проверки может характеризоваться такими нарушениями со стороны проверяющих органов как: проведение проверки более трёх раз в год, отсутствие сведений о проведении плановой проверки на официальном сайте прокуратуры, нарушение сроков проведения проверки, превышение максимальной продолжительности проверки, не предоставление приказа о проведении проверки проверяющими, требование проверяющих о предоставлении документов, не имеющие отношение к предмету данной проверки, отсутствие акта окончания проверки.

В жалобе или заявлении оспаривающем результаты проверки должны быть изложены фактические обстоятельства проведения проверки, перечислены нарушения со ссылками на законодательство. Необходимо обеспечить также допустимые, относимые к делу и достаточные доказательства. Это могут быть различные материалы, доказывающие факты нарушений: акт проведения проверки, протоколы обследования объектов среды, протоколы, заключения проведенных исследований, испытаний и экспертиз, объяснения ответственных работников, показания свидетелей, заключения экспертов, аудио и видеозаписи процесса проведения проверки.

Таким образом, онтологическими принципами, способствующими эффективности государственного регулирования предпринимательской деятельности, являются принципы разумности и заботы верхов и искренности и честности низов. Вместе они составляют позитивное по содержанию онтологическое единство. Данные принципы отражены в нормах права, регулирующих порядок проведения проверок субъектов предпринимательской деятельности с закреплёнными правами и обязанностями проверяющих и проверяемых.

Онтологическими принципами, отражающими проблемы неэффективности государственного

регулирования предпринимательской деятельности, являются принципы злоупотребления верхов и смуты низов, образующих негативное по содержанию онтологическое единство. Преодоление негативности правовой ситуации возможно через привлечение к административной или уголовной ответственности субъектов предпринимательской деятельности и возможности административного и судебного обжалования актов проверок контролирующих органов.

Список литературы

1. Гуань Чжун. Гуань-цзы // В мире китайской мудрости. – М.: «Мартин», 2006.
2. Дарькина М.М. Актуальные проблемы защиты прав юридических лиц и предпринимателей во внесудебном порядке // Экономика. Право. Общество. 2016. № 1 (5). С. 44-50.
3. Загоруйко И.Ю. Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности при проведении проверок // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 4. С. 136-138.
4. Зырянов С.М. Типология ошибок и нарушений, допускаемых органами государственной власти и их должностными лицами при осуществлении государственного контроля (надзора) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 149-159.
5. Ившина Г.Г. Организация проверок управляющих компаний: процедурные аспекты и судебная практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. С. 39-44.
6. Карпова Е.В. Объективные условия восприятия пространства в философско-правовых представлениях легизма // Политика и общество. 2013. № 2. С. 200-207.
7. Кива-Хамзина Ю.Л. Философско-правовые аспекты вопроса справедливого воздаяния // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 367-369.
8. Колесникова Е.М. Роль органов прокуратуры в сфере защиты субъектов предпринимательской деятельности // Инновационная наука. 2017. № 12. С. 148-149.
9. Олейник О.М. Формирование правовой определенности и стабильности в сфере государственного контроля (надзора) за бизнесом // Закон. 2016. № 11. С. 133-142.
10. Плехова Ю.О., Ремизова С.В., Архипов А.М., Заякин Е.В. Особенности правового регулирования административного надзора в предпринимательской деятельности // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 6 (8). С. 183-189.
11. Рубанова Н.А. К вопросу о производственном экологическом контроле на предприятии // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. Т. 1. № 11. С. 58-60.
12. Хань Фей. Хань Фей-Цзы // В мире китайской мудрости. – М.: «Мартин», 2006.

CIVIL LAW AND ADMINISTRATIVE FEATURES OF THE CONTRACT ON RENDERING OF EDUCATIONAL SERVICES

Kiva-Khamzina Y.L.

Предметом исследования данной статьи являются проблемы совершенствования гражданско-правового и административного регулирования образовательных отношений путем заключения гражданско-правового договора на оказание образовательных услуг в Российской Федерации. Законодательное урегулирование соотношения административных и гражданско-правовых условий в договоре на оказание образовательных услуг позволит избежать судебных споров по многим вопросам.

Ключевые слова: договор на оказание образовательных услуг, соотношение административных и гражданско-правовых аспектов.

The subject of research of this article are the problems of improvement of civil and administrative regulation of educational relations through the conclusion of a civil contract for the provision of educational services in the Russian Federation. Legislative regulation of the ratio of administrative and civil conditions in the contract for the provision of educational services will avoid litigation on many issues.

Keywords: the contract on rendering of educational services, the ratio of administrative and civil aspects.

The development of obligations to provide services on rendering of has its own history. This type of obligation is still used today. Currently this is justified from different points of view by theorists and practitioners [3; 5; 9; 11; 13]. For example, E. V. Karpova writes: "From the spatial point of view in a legal situation for the person it is important to see <...> the necessity of those or other efforts that need to be taken to resolve legal problems. <...> Based on the rules of law the society requires the subject method and scope of perception" [2]. This opinion confirms the necessity of studying and development of common approaches in the sphere of contractual regulations. Thus, it continues to be relevant to study the peculiarities of the contract on rendering of services, their classification, procedure of conclusion and termination.

In Roman law an obligation on rendering of services was called *locatio-conductio operarum*. Classification of that time period divided these commitments on the provision for the cost of physical labour and the provision of spiritual activities. In pre-revolutionary Russia jurists as a General rule did not isolate commitments on the provision of services [9]. In the legal literature of the Soviet period, many scholars in the system of civil liabilities proved the need to justify separation as a distinct species – obligations on rendering of services. Today the civil legislation of Russia on the grounds of legal relations allocates contractual and non-contractual obligations, including obligations to provide services are independent of the contractual type [4; 8]. As an object of the given kind of obligations are considered: steps to provision of services and actions on getting services.

The concept of "service" is enshrined in the Tax code of Russian Federation: "The service for taxation purposes is defined as the activity the results of which do not have tangible expression, are realized and consumed in the course of this activity" [15]. At the same time, the

service is an object of civil rights, established by the Civil code of Russian Federation, a particular action, the result of which has no material embodiment and is inseparable from the personality of the performer [6]. The statement that the service has no actual material result is disputable. Analyzing and studying practical experience we can generate the received data as a print report or save data on electronic media – in all these cases, the result is the material expression. A generalized concept of a service can be expressed as the satisfaction of material, spiritual and information needs, ensuring health, safety, skills, experience, patterns of behavior. Thus, the modern current legislation allows to prove the classification of obligations on rendering services taking into account the differences between the services that have a tangible result and intangible services.

We can distinguish obligations provided by a commercial organization to the consumer and obligations with other participants depending on the parties of a contract [1]. Classification based on the normative framework, which further regulates the relations connected with the consumer through legislation on consumer protection.

Obligations on rendering of services are classically divided into chargeable and free services [10]. In chargeable obligation to provide the service is accompanied by the counter action of the applicant of property character, action or a thing in return, to pay for the service. The parties of the obligation are to decide whether the service is chargeable or not.

All of the above mentioned directly rely on the civil law, but the contract on rendering of educational services has its own specifics.

It is impossible to implement the right to education without the organization of the education system in the state. Educational service in the Federal law "About

education in Russian Federation" is considered in 2 aspects: educational service provided free of charge (at the expense of state and municipal finance), and educational service provided for a fee [7]. These legal relations confirm the civil legal basis of the contract on rendering of educational services.

The contract on rendering of educational services is at the same time the basis not only of a civil law, but also of administrative legal relations. For example, an educational organization is obliged to fulfill legal requirements and to obtain a license to carry out educational activities [14]. In particular, as notes N. Rubanova: "the establishment of feedback between civil society and public authorities as important meaningful engagement", because without this condition the fact of conclusion of the contract on rendering of educational services is impossible [12]. Relations arising in the process of education between the educational organization and the students, in turn, suggest a combination of "power and subordination". The students who have responsibilities to comply with the rules of conduct stipulated by the local regulations of the educational organization are involved in this relationship. V. Kvanina [5] writes about the diversity of approaches to the question of the legal nature of the contract on rendering of educational services. In particular, the author notes that "a contract for the provision of educational services is not a typical civil law agreement, combining elements of civil and administrative law".

Thus, the legal nature of the contract for the provision of educational services is complex. It needs to combine elements of civil and administrative law.

References

1. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo Kn. 3: dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug [Contract Law. Vol.3. Contracts on performance of work and rendering services]. Moscow: Statut, 2007. 1055p.
2. Karpova E.V. Prostranstvo kak ob`ekt filosofsko-pravovogo vospriyatiya [Space as an object of philosophical-legal perception]. *Politika i obshchestvo [Politics and Society]*. 2013. No 3 (99). pp. 319-320.
3. Karpova E.V. Prava predprinimateley pri osushchestvlenii gosudarstvennogo ekologicheskogo kontrolya [Rights of entrepreneurs in the implementation of the State environmental control]. *Ekonomika i politika [Economics and Politics]*. 2016. No 2 (8). pp. 28-32.
4. Karpova E.V. K ponyatiyu «sotsiokulturnoe vospriyatie prostranstva v filosofsko-pravovykh predstavleniyakh» [Considering the concept of "sociocultural perception of space in philosophical and legal representations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Vestnik Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Series: Social Sciences]*. 2011. No 1. pp. 128-131.
5. Kvanina V.V. Problemy otraslevoy prinadlezhnosti dogovora na okazanie vozmezdnykh obrazovatel'nykh uslug [Problems of Industry sector contract on rendering of chargeable educational services]. *Vestnik YuUrGU [Vestnik South Ural State University]*. 2005. No 8. pp. 162-167.
6. Kiva-Khamzina Yu.L. Problemy pravovogo regulirovaniya obrazovaniya v RF [Problems of the legal regulation of education in the Russian Federation]. *Nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Science and Education in the XXI century: a collection of scientific papers on the basis of the International Scientific and Practical Conference]*. Tambov: Publ. TROO «Biznes-Nauka-Obshchestvo», 2013. pp. 64-65.
7. Kiva-Khamzina Yu.L. Ob'ekty grazhdanskikh pravootnosheniy v Rossiyskoy Federatsii: obrazovatel'naya usługa - ekonomiko-pravovoy aspekt [Objects of civil legal relations in the Russian Federation: educational services - economic and legal aspects]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal education and Science]*. 2016. No 3. Publ. «Yurist». pp. 85-89.
8. Kiva-Khamzina Yu.L. Obrazovatel'naya usługa kak ob'ekt grazhdanskikh pravootnosheniy: ponyatie, sushchestvennyye usloviya dogovora na okazanie uslug, regional'nyy aspekt pravovogo regulirovaniya v oblasti povysheniya vostrebovannosti [Educational service as an object of civil legal relationship: concept, essential terms of the contract for the provision of services, the regional dimension of legal regulation in the field of increasing demand]. *Yuridicheskii mir [Legal world]*. 2017. No 2 (242). pp. 51-54.
9. Korneeva O.N. Razvitie dogovornoy modeli vozmeznogo okazaniya uslug [The development of the contractual model of chargeable educational services]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*. 2009. No 4 (26). pp. 131-134.
10. Rubanova N.A. Kontrol' i nadzor v protsedure litsenzirovaniya VPO [Oversight in the licensing procedure of higher education]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya [Actual problems of modern science, technology and education]*. 2012. Vol. 2. No 70. pp. 280-282.
11. Rubanova, N.A. (2013). Topical issues of legality in the performance by the licensee of license requirements. *Economics and politics*, 6(6), pp.168-173.
12. Rubanova, N.A. (2015). Topical issues of administrative-legal regulation in the sphere of culture and education. *Traditional Cultural and Spiritual Values as the Basis of Innovative Russia*, 2, pp.78-80.
13. Grechkina O.V., Rubanova N.A. O pravovoy prirode mer administrativnogo prinuzhdeniya za narushenie litsenziyonnykh trebovaniy v obrazovatel'noy deyatel'nosti: tochka zreniya [About the legal nature of administrative coercive measures for violation of the licensing requirements in the educational activity: point of view]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of Science, Culture and Education]*. 2014. No 3 (46). pp. 392-396.
14. Rubanova N.A. Aktual'nye voprosy obshchestvennogo kontrolya [Topical issues of public control]. *Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii [Traditional Cultural and Spiritual Values as the Basis of Innovative development of Russia]*. 2016. Vol. 2. No 10. pp. 81-83.
15. Rubanova N.A. Litsenzirovanie obrazovatel'nykh uchrezhdeniy VPO: ekonomicheskaya sostavlyayushchaya litsenzionnogo proizvodstva [Licensing of educational institutions of higher education: the economic component of the licensed production]. *Ekonomika i politika [Economics and Politics]*. 2014. No 1 (2). pp. 208-211.

УДК 316.454.7

УЧЕБНАЯ И ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА КАК АКТИВНЫЙ ПУТЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Короткова К.С.

В статье рассмотрены возможные пути социализации личности российского студента, отмечена важность и необходимость гармоничного сочетания учебной и внеучебной деятельности в вузе. Автор статьи обращает внимание на то, что формирование компетенций, необходимых будущему специалисту, невозможно только в процессе теоретического обучения. Внеучебные мероприятия вузовского характера становятся той креативной средой, где студент может занять активную позицию, реализовать свои знания, умения и навыки в решении конкретных задач. Результатом исследования явилось определение цели любого студенческого мероприятия в российских университетах: создание условий для развития чувства социальной ответственности молодежи, ее социализация через участие в решении актуальных проблем Российского общества.

Ключевые слова: вуз, студенчество, учебная и внеучебная деятельность, социализация.

The article considers the possible ways of socialization of the Russian student's personality, emphasizes the importance and the need for a harmonious combination of educational and extracurricular activities in high school. The author draws attention to the fact that the formation of competences necessary for the future specialist is impossible only in the process of theoretical training. Extracurricular activities of University nature become the creative environment where a student can take an active position, to realize their knowledge, skills in solving specific problems. The result of the study was to determine the purpose of any student event in Russian universities: creating conditions for the development of a sense of social responsibility of young people, its socialization through participation in solving urgent problems of Russian society.

Keywords: University students, academic and extracurricular activities, socialization.

Социальное развитие личности невозможно без коллектива. На этот факт указывают авторы современных научных исследований М.Н. Шкурпит, М.О. Ширинян, П.Р. Беглова [5]. Студенческий коллектив является важным образованием, так как в нем собираются единомышленники, получающие высший уровень образования, связанные достижением общих профессиональных навыков, объединенные схожими целями и устремлениями. Именно в таком коллективе можно проявить активную жизненную позицию, которая складывается не только из успешной учебы, но должна быть заявлена на мероприятиях различного уровня, которые делают жизнь студенчества более насыщенной, эмоциональной, яркой. Важную роль в этом процессе играют студенческие мероприятия, которые для российских вузов являются традиционными: празднование Дня студенчества, организация игры КВН, дни открытых дверей, всевозможные конкурсы в области мастерства и талантов [4]. Целью любого студенческого мероприятия в российских университетах становится создание условий для развития чувства социальной ответственности молодежи, ее социализация через участие в решении актуальных проблем Российского общества.

Важно отметить, что студенческая жизнь – это не только учебные занятия, домашние задания и самостоятельное обучение. Это и насыщенная культурно-общественная деятельность. «На протяжении всего обучения в университете студент приобретает целый ряд профессиональных качеств. При этом его

дальнейшее трудоустройство и его становление как специалиста определяется не только этим, а также и социальными компетенциями и тем социальным капиталом, которые получает учащийся в стенах вуза» [2, С. 2]. В данном процессе важную роль играет именно внеучебная досуговая деятельность студента, так как она способна сформировать те компетенции, которые востребованы социумом [3].

На протяжении всего обучения в университете студент накапливает социальный капитал – совокупность определенных качеств, которыми обладает индивид, и которые имеют ряд общих свойств: они представляют собой аспекты социальных структур и способствуют действиям индивида внутри их. Творческие союзы, спортивные секции, театральные и литературные объединения вносят большой вклад в формирование у студентов элементов социального капитала.

Обучение в вузе является важнейшим этапом социализации человека. Это этап адаптации, осознания себя и своего места на профессиональной арене. В этот период устанавливаются связи в студенческой среде, в бизнес-среде с представителями профессиональных ассоциаций, в научных кругах, в спортивной сфере и т.д. в процессе участия студентов в различных внеучебных мероприятиях.

В системе профессиональной подготовки специалистов в высших учебных заведениях должен осуществляться процесс реализации требований программы воспитания всесторонне развитой личности.

В воспитательной работе со студенческой молодежью следует использовать различные формы: непосредственно учебную, производственную деятельность, участие в общественных делах, тренинги по усвоению навыков поведения в быту. Заботясь о создании оптимальных условий для воспитательной работы, не стоит выносить задачи воспитания за рамки учебного процесса. Надо учитывать действенность и влияние большого спектра форм деятельности, которые способствуют формированию всесторонне развитой личности. Это учебные занятия (лекции, семинары, практические занятия), практика, научные кружки, творческие студии, экскурсии, походы, различные формы и виды общественно полезного труда и др.

Процесс социализации личности студента в институте охватывает различные сферы жизнедеятельности общества и реализуется через следующие основные направления: духовно-нравственное; культурно-массовое; спортивно-оздоровительное; информационное.

Отечественные работодатели часто сетуют на недостаточную подготовленность выпускников вузов, слабые профессиональные знания, неумение общаться, так как сленговая лексика занимает большую часть их словарного запаса [1]. К недостаткам часто относят узость кругозора студентов, их инфантильность и недисциплинированность. В свою очередь, студенты жалуются, что занятия их обременяют своей рутинностью, а читаемые им курсы неинтересны и давно устарели. Всё, что проговаривает под запись преподаватель, можно найти в Интернете с гораздо меньшими трудозатратами и без утомляющих лекций. Родители и родственники студентов хотели бы, чтобы их чада умели общаться, добиваться своих целей, иметь набор практических знаний и навыков, которые бы помогли им сделать карьеру, стать уважаемыми людьми и хорошими профессионалами. Желательно также, чтобы вуз сформировал определённый круг знакомств и связей, которые окажутся полезными потом, в реальной деловой практике.

В аргументации сторон присутствует здравый смысл, который подводит вузы к тому, что следует динамично менять формы и методы работы со студентами, дающие новые качества будущим специалистам. Таких основных форм несколько, одна из которых – проведение разного рода мероприятий, что ныне под силу большинству государственных и негосударственных учебных заведений высшего профессионального образования. Обычно к финансированию такого рода подразделений привлекаются спонсоры, деловые связи родителей, имеющиеся бюджетные средства. Что даёт организация мероприятий администрации вуза, кроме трудоемких организационных затрат? На наш взгляд, очень многое.

Во-первых, студенты из объекта управления превращаются в думающую, креативную силу, способную генерировать новые идеи и воплощать в жизнь различные инновации – образные, дизайнер-

ские, поведенческие, постановочные, режиссёрские, маркетинговые и все прочие. В студентах пробуждается интерес к созданию и реализации проектов, к работе в команде, к коммуникациям с внешним миром. На этом поле, как нигде, проявляется творческая индивидуальность, креативность, умение выступать публично.

Во-вторых, часто бывает так, что студенты специальностей «Менеджмент», «Маркетинг», «Международный бизнес», «Реклама», «Связи с общественностью» во время учёбы в вузе не могут толком применить приобретаемые знания в части производства рекламного продукта, создания и продвижения торговых марок, пиар-материалов, написания рекламных текстов, взаимодействия с меценатами и спонсорами. Весьма важным бывает поиск новых идей для привлечения внимания аудитории, формирование информационных поводов, взаимодействие с реально действующими коммерческими структурами, региональными ТВ-каналами. Иными словами, студенты приобщаются к бизнесу, учатся занимать активную жизненную позицию.

В-третьих, студенты вуза могут взаимодействовать с городскими и областными администрациями, с медиа-группами, которые выпускают в эфир соответствующие ролики и программы. Хорошо смотрятся дискуссионные и конкурсные мероприятия. У студентов, которые организуют и участвуют в мероприятиях вуза, формируются навыки телеведущих, журналистов, специалистов по написанию сценариев, постановок, что в будущем может стать отличной базой для профессионального развития этих умений.

Стоит упомянуть и то обстоятельство, что проведение мероприятий в вузе является отличным инструментом рекрутирования новых абитуриентов (например, «День открытых дверей»). Да и выпускники вуза также станут способствовать поступлению в учебное заведение своих родственников и детей.

Значительное место в системе формирования всесторонне развитой личности студента должны занимать внеаудиторные формы воспитания: деятельность научных кружков, творческих студий, конференций, дискуссионных клубов, встречи с писателями, художниками, актёрами; экскурсии, походы и др. «Все студенты на добровольных началах должны быть охвачены различными формами и видами деятельности вне чисто учебной работы, исходя из необходимости удовлетворения их индивидуальных потребностей, которые являются источником формирования мотивов деятельности личности» [6, С. 2].

Таким образом, в высших среднеспециальных учебных заведениях должны создаваться оптимальные условия для удовлетворения различных общественно положительных и полезных потребностей молодого человека. Если этого не делать, то молодежь удовлетворяет их за пределами достижимого культуры, прибегая к различным вредным привычкам, насилию, вандализму.

Список литературы

1. Volkova V.B., Maleko E.V., Kurban E.N., Karpova E.V., Krivoshlykova M.V., Pitko O.A. Contemporary student slang as a social dialect // *Man in India*. 2017. Т. 97. № 3. С. 611-622
2. Гисматуллина Э.К. Роль внеучебной работы в процессе формирования личностных компетенций студентов. – М.: МЭСИ, 2011. – С. 1-6.
3. Кулешова А. В., Малек Е. В. Особенности создания модели организации досуговой деятельности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 20-22
4. Малек Е. В., Маврина А. В. Проблемы организации музыкальных конкурсов и пути их решения в современном социокультурном пространстве // Традиционные нацио-

- нально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. Т. 1. № 11. С. 20-22
5. Шкурпит М.Н., Ширинян М.О., Беглова П.Р. Социализация современной молодежи // Современные проблемы развития образования и воспитания молодежи. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. – Махачкала: ООО «Апробация», 2016. – С. 112-114
6. Электронная онлайн-библиотека. Содержание, направления, формы и методы воспитательной работы со студентами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://banauka.ru/360.html> (дата обращения 20.01.2018).

УДК 008

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Латыпова И.Р.

Данная статья исследует проблему социальной и личной ответственности в изменяющихся условиях современности. Актуальность выбранной темы обусловлена сложными условиями информационного общества, где переосмысливаются понятия ответственности и долга с учетом глобализационных процессов. Важно воспитание гражданской личной ответственности перед обществом в целом и всей мировой цивилизацией в перспективе будущих поколений. Автор обозначает историческое развитие этих понятий и размышляет над значением их сегодня.

Ключевые слова: ответственность, личная ответственность, социальная ответственность, корпоративная ответственность, долг.

This paper examines the problem of social and personal responsibility in the changing conditions of our time. The relevance of the chosen topic is due to the complex conditions of the information society, where the concepts of responsibility and debt are rethinking taking into account globalization processes. It is important to educate civil personal responsibility to society as a whole and the entire world civilization in the perspective of future generations. The author denotes the historical development of these concepts and reflects on their significance today.

Keywords: responsibility, personal responsibility, social responsibility, corporate responsibility, duty.

Настоящая ответственность бывает только личной.
Человек краснеет один.
Ф.А.Искандер

Ответственность трактуется как субъективная обязанность отвечать за свои поступки и действия, а также как волевое личностное качество, которое проявляется в контроле за деятельностью. В повседневной жизни, говоря об ответственном либо безответственном человеке, мы подразумеваем ответ на простой вопрос: способен ли он держать свое слово и выполнять те обязательства, которые на себя взял? Поэтому обычно ответственность - безответственность применяется по отношению к личности. Но есть и другое измерение ответственности – ответственность социальная. Она схожа с понятием долга и отражает ролевое поведение людей в соответствии со статусом и функцией в обществе. В эпиграф мы вынесли мнение о том, что не бывает никакой другой ответственности, кроме личной.

Понятия долга в высшем смысле как должностования и ответственности тесно связаны. Для того, чтобы быть ответственным, нужно то же, что и для того, чтобы быть человеком, поступающим согласно долгу, - действия, продиктованные уважением к нравственному закону. И чувство ответственности, и чувство долга возникает в результате социальной деятельности, когда мы осознаем свою связь с социальной группой, нацией, культурой.

О высшей форме должностования – долге всегда оставать человеком и уважать нравственный закон – говорили еще римские стоики, например, Эпиктет: «Единственное благо – в нас самих, так же, как и зло – в наших неразумных понятиях и преступных желаниях». Долг стоики почитали превыше всего, при этом стоит только подчиняться тому, что от тебя не

зависит, и изменять то, что находится в твоей власти - себя. С древних времен мыслители размышляли над проблемой взаимодействия людей и исполнения ими обязанностей перед собой и окружающими – Аристотель, Платон, Ксенофонт, Конфуций. Главными обязанностями она считали почитание старших, заботу о неимущих, защиту родного города или страны, исполнение профессиональных обязательств. В эпоху Просвещения долг интерпретировался в практическом и рациональном духе. Этика И.Канта основана на долге. «Кто сохранил себя, тому ничего не страшно». Само предназначение человека состоит в том, чтобы исполнять долг и сохранять достоинство. Единственная награда – осознание собственной добродетели. В воззрениях И.Канта одним из главных является понятие морального закона, заложенного в душе каждого. Этот закон свидетельствует в пользу божественного происхождения человека. В XIX веке появился пролетарский долг К. Маркса – необходимость освобождения рабочего класса от эксплуатации капиталистов. В рамках концепций социального эволюционизма, которые представлены именами Э.Дюркгейма, М.Вебера, Г.Зиммеля, Г.Спенсера, долг, напротив, - единственная альтернатива кризисам и потрясениям в обществе. Долг все больше ассоциируется с регулятивными и сдерживающими функциями в обществе, он рассматривается как позитивное отношение личности к идеям социального мира и устранение социальных конфликтов. В конце следующего столетия, в исследованиях постмодернистов (Ж.Делез, Т.Парсонс, К.Поппер, Т.Адорно) долг приобрел статус атрибута систем социального взаимодействия. В результате этой эволюции появилось представление о долге «как символе веры», знаковой форме социальной предметности, которая нуждается в постоянном переосмыслении.

В европейской философии содержание феномена долга связывалось с основными правами человека: правом на жизнь, свободу, труд, безопасность и другими. В отечественной научной мысли, наоборот, внимание фокусировалось на обязанностях личности, ассоциируемым с долгом. В трудах Ю.Ф.Самарина, И.В.Киреевского, А.С.Хомякова, К.С.Аксакова говорилось о необходимости приверженности каждого общим духовным ценностям для поддержания гармонии отношений в обществе. П.А.Флоренский, обосновывая это положение, ввел термины «конкретный идеализм» - духовное и социальное взаимодействие между людьми, основанное на культе общих для всех и каждого образов и идеалов, и «сизигия» - духовная гармония. Значение долга и ответственности для гармоничного развития и существования общества связано в русской науке, литературе и публицистике с религиозностью, идеалами православия и соборности, общего дела, взаимосвязанности людей между собой. Идеи долга и ответственности часто высказывались не учеными, а писателями, что свойственно русской культуре. Вспомним Л.Н.Толстого: «Делай, что должно, и будь, что будет» или Ф.М.Достоевского: «Каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех и за все».

Что мы вкладываем в понятие долга и ответственности в наше время? Новые времена ставят перед нами новое понимание ответственности человечества, обладающего с каждым днем все большим как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Ответственность ученого перед обществом, художника перед публикой, писателя перед читателями, врача перед пациентами, политика перед обществом и миром проступает все ярче в мире, где возможно клонирование и эвтаназия, коррупция в ранее невиданных масштабах, а неосторожная дипломатия грозит опасностью истребления человечества после ядерной войны. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», - писал Ф.И.Тютчев. Тем сложнее предугадать, как твое слово отзовется во всем мире, охваченном сетями Интернета, телевидения, газет, как его поймут в Иране, Украине, Новой Зеландии или Катманду. История знала примеры, когда в слове угадывали смыслы, не вложенные автором. Один из самых известных примеров – убийство Джона Леннона, совершенное Марком Чепменом. Он вдохновлялся известным произведением Дж.Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Новые времена заставляют нас подумать над тем, за что вообще мы ответственны и в чем состоит наш долг. Влияние развитых СМИ могут заставить нас забыть о личном долге и необходимости брать ответственность за свою жизнь и поступки, велик соблазн поручить тяжелый груз обязанности кому угодно – государству, институтам, соседям. Получать информацию в готовом виде, не стремясь критически ее переосмыслить. Чрезмерный индивидуализм, эгоистичность устремлений приводит к мысли об безответственности людей друг перед другом.

Обязан ли я жить так, как от меня ждет общество? Должен ли я подчиняться навязанным обществом и СМИ социальным нормам? Несу ли я ответственность за бедных, больных, наркоманов? Разве я обязана думать, что я говорю и пишу, если я защищен сладкой анонимностью экрана компьютера? А это действительно мое дело – заботиться о природе? Подобные вопросы часто решаются в угоду частных интересов.

Социальная ответственность связана с выполнением ролевых функций и описывает поведение, свойственное социальной роли или статусу: матери, гражданина, руководителя. Мы просто следуем обязанностям, предписанным роли. Человек может выбирать саму роль, но, выбрав ее, должен подчинять себя ее функционалу, иначе его нельзя назвать ответственным с социальной точки зрения. Говорят и об ответственности организаций, корпораций, бизнеса. Социальная ответственность бизнеса – многоуровневое понятие. Оно включает в себя и внутренние факторы, такие, как безопасность труда, развитие человеческих ресурсов, и внешние проявления взаимодействия с обществом и государством – спонсорство и благотворительность, охрана окружающей среды, взаимодействие с местной властью и сообществом. Факты говорят о том, что соблюдение принципов социальной ответственности прямо отражается на эффективности организаций. Например, по исследованиям Института Бизнес Этики, экономические показатели компаний, проявляющих социальную ответственность, на 18% выше, чем у оппонентов. Граждане США (83%) доверяют компаниям, доказавшим свою социальную ответственность – данные USA Today. Возрастание важности социальной ответственности корпораций связано с экологическими катастрофами конца XX века: разливом нефти танкера Exxon Valdez в 1989 году, утечкой газов на заводе по производству пестицидов компании Union Carbide в Индии, в результате которой погибло более 22 000 человек.

Можно сделать вывод, что сегодня наблюдается все большее сращение сфер корпоративной, личной, государственной ответственности. Например, государство несет ответственность за безопасность, жизнь, здоровье граждан. Но, как мы знаем, права на жизнь, здравоохранение, благоприятную окружающую среду, образование и другие конституционные права не всегда оказываются реализованными. Например, на кого мы можем возложить ответственность в случае, если происходит чрезвычайное происшествие, техногенная катастрофа, при этом действуют и государственные институты, и частные компании, естественно, управляемые частными людьми? Недавний пример – пожар в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерово. В этом происшествии трудно отделить, где пролегают границы государственной, корпоративной и личной ответственности. Другой пример, уже из сферы кибербезопасности – утечка конфиденциальных данных 48 млн клиентов сети

Target в 2013 году. Огромная база данных, от истории покупок до передвижений покупателей, оказалась похищенной, руководство же компании заявило об утечке только спустя дни. Каков характер ответственности за значительный удар по репутации и утечку личных данных миллионов клиентов – личный или корпоративный?

Скорее всего, в будущем вопросы ответственности, ее сфер и субъектов станут еще более сложными и запутанными. Понимание личной ответственности должно стать определяющим. В этом сходятся многие ученые прошлого и настоящего. Ответственность не существует вне личности. Она является духовным и социально конкретным явлением, имея субъектную основу. Этой субъектной основой выступает личность, а затем уже социальный институт или организация. Само понятие ответственности бесконечно меняется, усложняется, эволюционирует.

Таким образом, вся система социального взаимодействия завязана на личности. Но только личность с высоким уровнем сознания, понимающая свои обязанности и возможности, может быть полезна обществу. Если каждый член общества уходит от ответственности, то само понятие теряет для нас ак-

туальность и деградирует. Тогда даже краснеть, по выражению Ф.Искандера, будет некому. Осознание того, что общее состояние общества зависит от каждого его элемента может быть пугающим, но это правда, с которой мы должны смириться. Проблема долга сегодня становится все более острой, когда социальная ответственность напрямую зависит от уровня нравственного сознания каждого человека. Люди сейчас несут ответственность не только в перспективах ближайшего будущего, но и в масштабах стран, государств, культур в перспективах поколений будущего.

Список литературы

1. Алексина, Т.А. Деловая этика. Учебник для академического бакалавриата/Т.А.Алексина. – М.: Российский университет дружбы народов, 2014. – 384 с.
2. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник/Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.:Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 528с.
3. Стожко Д.К., Ветошкин А.П. Феномен долга в контексте развития социального самоуправления в современном российском обществе//Управленец. – 2011. - № 9-10 (25-26). – С. 58-61.

УДК 37.034-053

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ВОСПИТАНИЕ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Лупандина Е.А., Моисеева А.Н.

В статье рассматривается вопрос организации духовно-нравственного развития и воспитания младшего школьника с позиций системного подхода. Обосновывается структура воспитательной системы школы с акцентом на содержательный компонент. Осуществляется анализ способов духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся из истории педагогики. Описывается процесс духовно-нравственного развития и воспитания младшего школьника в единстве урочной, внеурочной, внешкольной и внеклассной деятельности. Определяются результаты процесса духовно-нравственного развития и воспитания.

Ключевые слова: духовно-нравственное развитие; духовно-нравственное воспитание; базовые национальные ценности; воспитательная система; внеурочная деятельность.

The article deals with the question of the organization of spiritual and moral development and education of Junior schoolchildren from the standpoint of a systematic approach. The article substantiates the structure of the educational system of the school with an emphasis on the content component. The analysis of methods of spiritual and moral development and education of students from the history of pedagogy. The article describes the process of spiritual and moral development and education of Junior schoolchildren in the unity of the vicious, extracurricular, extracurricular and extracurricular activities. The results of the process of spiritual and moral development and education are determined.

Keywords: spiritual and moral development; spiritual and moral education; basic national values; educational system; extracurricular activities.

В течение длительного времени в нашей стране происходило разрушение традиционных для России духовных и нравственных ценностей. Снижение жизненного уровня населения, пропаганда насилия средствами массовой информации, подмена ценностей, утрата духовно-нравственной преемственности поколений привели к нарастанию нравственного кризиса. Поэтому большая часть населения оказалась малоспособной социально определиться в новых условиях жизни общества.

В связи со сложившейся ситуацией возникла необходимость определения стратегических направлений и механизмов развития институтов воспитания, способствующих формированию личности гражданина России - зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом. Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года определяет приоритеты государственной политики в области воспитания и социализации детей, среди которых актуальным является направление духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся[5].

Перед общеобразовательной школой ставится задача подготовки высококонкретной личности и ответственного гражданина, который самостоятельно оценит происходящее и построит свою деятельность в соответствии с интересами людей и общества. Именно поэтому, решая задачи воспитания, мы должны опираться на разумное и нравственное в человеке, помочь каждому школьнику определить цен-

ностные основы собственной жизнедеятельности. Взяв за основу базовые национальные ценности, определенные Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания, педагогическое сообщество школы осуществляет планирование воспитательного процесса с учетом возраста и потребностей детского сообщества. Каждое образовательное учреждение определяет свою собственную модель духовно-нравственного воспитания школьников, которая включает цель, принципы, содержательные компоненты, целостную технологию и педагогические условия. Результатом духовно-нравственного воспитания должна стать личность, владеющая нравственными знаниями, обладающая сформированной системой базовых национальных ценностей, культурой нравственного поведения, проявляющаяся в отношении и поступках обучающихся.

Целью модели является национальный воспитательный идеал –высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, укоренный в духовных и культурных традициях многонационального народа. Методологическую основу (принципы и подходы модели) образовательная организация определяет самостоятельно, исходя из накопленного в истории педагогики и современной научной теории, практики изысканий. На основании данного выбора формируется концептуальная основа модели, определяющая выбор методики и технологий осуществления дальнейшей деятельности.

Значительный опыт духовно-нравственного воспитания в истории педагогики обобщен в трудах

ученых: П.Ф. Каптерева, А.С. Макаренко, А.М. Сухомлинского, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского. Каждый из них определял свой путь осуществления данного процесса. По мнению П.Ф. Каптерева, духовно-нравственное воспитание через «нравственное закалывание» (знакомство детей с последствиями своих необдуманных поступков) – весьма эффективный способ нравственного взросления [1]. Присвоение этических норм через пример взрослого и окружение ребенка – основа нравственного воспитания в трудах А.С. Макаренко [3]. Воспитание через жизнотворчество – основа духовно-нравственного воспитания в школе В.А. Сухомлинского [6]. Для этого обучающиеся посещали литературные гостиные, заботились о животных на кролиководческой ферме, музицировали в оркестре, строили из шлакоблоков. Такая разносторонняя практика учила сопереживанию, сочувствию и учету мнения других в различных учебных ситуациях. Л.Н. Толстой [7] прививал нравственную культуру в чтении и крестьянском труде.

Содержанием процесса духовно-нравственного воспитания может стать творчество таких гениальных творцов, как Епифаний Премудрый, А. Рублев, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.С. Достоевский, умы которых были обращены к поиску средств духовно-нравственного совершенствования человека и претворение в практическое действие и поведение высших духовных ценностей (добро, любовь, смирение, милосердие).

Содержание духовно-нравственного развития и воспитания должно позволить обучающимся найти ответы на жизненно важные вопросы с помощью:

- знакомства с моральными нормами и правилами нравственного поведения, в том числе этическими нормами взаимоотношений в семье, между поколениями, этносами, носителями разных убеждений, представителями различных социальных групп;
- общепринятых норм взаимодействия со сверстниками, старшими и младшими детьми, взрослыми;
- проявления равнодушия к жизненным проблемам других людей, сочувствия к человеку, находящемуся в трудной ситуации;
- знаний негативных проявлений в детском обществе и обществе в целом, анализируя нравственную сторону своих поступков и поступков других людей;
- знания традиций своей семьи и образовательного учреждения, бережного отношения к ним.

Исследования ученых в современной практике духовно-нравственного воспитания направлены на определение и апробацию педагогических условий осуществления данного процесса с учетом возрастных особенностей детей. Современные исследования рассматривают духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся

как поэтапный процесс, осуществляемый через последовательность действий по формированию у школьника нравственных знаний, формированию эмоционально-нравственного опыта, формированию культуры поведения.

Так, по мнению доктора исторических наук С.И. Реснянского, «восстановление духовного в сегодняшнем человеке – главная проблема XXI столетия» [4]. Ученый акцентирует внимание на знании как компоненте современного образования, поднимая проблему формирования именно «духовно-нравственного стержня», без которого «воспитывается культурный зверь».

Кандидат педагогических наук А.А. Коростелева обращает внимание на процесс интеграции духовно-нравственного и гуманитарного образования, говоря о нереализованных потенциальных возможностях данного взаимодействия, создающего перспективу для развития современной образовательной парадигмы [2].

По мнению Л.В. Чепиковой, духовно-нравственное воспитание должно осуществляться на основе педагогической поддержки ребенка, гармонизации отношений педагогов, детей и родителей, учета субъектного опыта детей, дифференциации и индивидуализации содержания и сохранять преемственность на разных ступенях образования [9].

В воспитательной системе образовательной организации духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся осуществляется в условиях урочной, внеурочной, внешкольной и внеклассной деятельности. На уроке у младшего школьника осуществляется формирование личностных универсальных учебных действий, таких как самоопределение, смыслообразование, действие нравственно-этического оценивания через постановку воспитательных задач, ориентирующих обучающегося на присвоение системы базовых национальных ценностей. Воспитательным результатом урока станет демонстрируемое обучающимся личностное отношение к той или иной проблеме. В учебный план школ включен обязательный предмет «Основы религиозных культур и светской этики», призванный повысить уровень духовно-нравственной культуры младшего школьника через знакомство с понятиями культуры, веры, ответственности, милосердия, любви, уважения, почитания, добра, дружбы в религиозной и культурной традиции.

Во внеурочной деятельности разрабатываются и реализуются сквозные программы, рассчитанные на 4 года начальной школы: «Дорогою добра», «Этикет», «Дружная семейка», «Культура в нашей жизни», «Традиции моей семьи» и др. Посещаемые обучающимися творческие объединения дополнительного образования формируют систему базовых ценностей через воспитательные задачи реализуемых

дополнительных общеразвивающих общеобразовательных программ.

Внеклассная работа предполагает деятельность классного руководителя по плану участия школьников в классных и школьных делах. Объединяющим стержнем воспитательной системы являются сложившиеся в школе традиции: «День литературного творчества», «Малые олимпийские игры», «День вежливости» и др. Традиции школы формируют ее уклад, являющийся образовательной средой, которая формирует культуру общения и отношений всех субъектов образовательного процесса.

Эффективность процесса духовно-нравственного развития и воспитания невозможна без взаимодействия семьи и школы. У семьи и школы как государственных институтов воспитания есть общий критерий их объединяющий – это уклад жизни. Задача современной школы – показать сходство уклада школьной жизни и уклада семьи, продемонстрировать единую цель воспитания младшего школьника в семье и в школе, соответственно совпадение воспитательных дел и мероприятий.

Таким образом, духовно-нравственное развитие и воспитание младшего школьника должно быть осуществлено системно. Грамотно спланированная, скоординированная деятельность всех субъектов образовательного процесса в различных видах деятельности - урочной, внеурочной, внешкольной и внеклассной позволит сформировать у обучающихся систему нравственных знаний, опыт эмоционально-ценностного отношения и культуру нравственного поведения.

Список литературы

1. Баранникова Н.Б., Каптерев П.Ф. О воспитании общечеловеческого и национального у детей дошкольного возраста // Историко-педагогический журнал. – 2014. – №3. – с. 42-48.
2. Коростелева А.А. Духовно-нравственное образование в контексте интеграционного образовательного процесса: перспективы развития // Проблемы современного образования. – 2013. – № 3. – с. 48-58.
3. Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.makarenko.edu.ru/biblio.htm>
4. Реснянский, С.И. Современные подходы духовно-нравственного воспитания в высшей школе в контексте модернизации образования [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnoe-vospitanie-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-sisteme>
5. Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года от 29 мая 2015 г. № 996-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29052015-n-996-r>
6. Сухомлинский, В. А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1979. 114 с.
7. Толстой, Л.Н. Мысли о воспитании в семье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/1069046/pedagogika/tolstoy_mysli_vospitaniia_ seme
8. Ушинский, К.Д. «О воспитании». – М.: Педагогика, 1984. 63 с.
9. Чепикова Л.В. Педагогические условия воспитания основ нравственной культуры у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста: Автореф. канд. пед.наук. – Смоленск, 2007. 19 с.

УДК 304.2

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Малеко Е.В.

В данной статье рассмотрено влияние информационной культуры на процесс формирования современной личности. Пространство информационной культуры для автора определено двумя составляющими: материальной и социальной. Основой исследования явился системный метод, позволивший рассмотреть информационную культуру и существующую в ней личность как взаимосвязь структурных элементов единого образования. Результатом исследования явилось обоснование того факта, что влияние информационной культуры приводит к изменению многих личностных характеристик и индивидуальных особенностей представителей современного общества. При этом автор приходит к закономерному выводу о том, что в сложившейся социокультурной ситуации жизнь человека вне информационного общества и культуры невозможна.

Ключевые слова: личность, информационная культура, информационное общество, техника, развитие.

The article considers the influence of information culture on the process of formation of modern personality. The space of information culture for the author is defined by two components: material and social. The basis of the study was a systematic method, which allowed to consider the information culture and its existing personality as the relationship of structural elements of a single education. The result of the study was the substantiation of the fact that the influence of information culture leads to changes in many personal characteristics and individual characteristics of representatives of modern society. At the same time, the author comes to the logical conclusion that in the current socio-cultural situation, human life outside the information society and culture is impossible.

Keywords: personality, information culture, information society, technology, development.

В настоящее время процесс формирования личности происходит путем погружения в пространство информационной культуры. К этому выводу приходят исследователи, работы которых связаны с изучением сложившейся социокультурной ситуации: Карпова Е.В. [1], И.В. Лысак, А.В. Максимов [4], С.Б. Цымбаленко, А.В. Шариков, С.А. Майорова-Щеглова, П.Л. Макеев [5]. Человек, существующий в современной информационной среде, испытывает на себе влияние ее материальной (технократической или технической) и социальной стороны. Это влияние оказывается на личность по-разному.

Материальная сторона информационной культуры непосредственно связана со знанием в области особенностей функционирования современных машин и механизмов, поставленных на службу человеку. Они исполняют роль информационных носителей, а также берут на себя часть бытовых человеческих обязанностей (уборка помещений, приготовление пищи и т. д.). Современная личность, в первую очередь, оказывается в тесном взаимодействии с различного рода «коммуникаторами» и информационными носителями [3]. Дети, рожденные в период господства информационной культуры, прекрасно владеют всеми видами гаджетов, не испытывая страха перед сложностью их технического устройства. Ребенок, являясь частью информационного общества, с легкостью пользуется пультами управления, игровыми приставками, планшетами и ноутбуками, сверхсовременными компьютерами. У взрослеющего информационного поколения нет боязливой трепеты перед машиной, но есть неподдельный интерес к ней, жела-

ние сделать машину неотъемлемой частью своей повседневности, признать своим другом и помощником, чтобы никогда не расставаться с ней. Именно поэтому современный ребенок гораздо чаще может оказаться в компании своего смартфона, чем в компании своего сверстника. В период взросления личности, когда формируются ее предпочтения и складываются социальные контакты, машина способна занять место партнера, которому можно доверять гораздо больше, чем обычному человеку. Так смартфон или планшет становятся своеобразной «камерой хранения» для личных переживаний, выраженных в «статусах», записях «на стене» и в электронных дневниках. Уже в дошкольном возрасте дети информационного общества сохраняют на цифровых носителях то, что им просто нравится: яркие картинки визуализируют интересы ребенка, раскрывают его эмоциональное психологическое состояние. В период взросления и достижения подросткового возраста, активный пользователь сети начинает сохранять ту визуальную и символическую информацию, которая отражает его переживания, рождающиеся от вхождения во взрослую жизнь [5]. В любом случае личность, испытывая влияние материальной стороны информационной культуры, попадает под обаяние машины, персонифицируя ее сущность, наделяя чисто человеческими чертами. В информационной культуре возникает некий «машинный анимизм» - одухотворение бездушных механизмов, заменяющих близких, друзей и просто знакомых. Одухотворение машин ярко проявляется в стремлении их украсить, сделать красивее, чем они есть. Владельцы гаджетов обязательно дополня-

ют их модными чехлами, стразами, надписями и брелоками. Индивидуальность безликого гаджета создает его владелец, в чем особенно ярко подчеркнута тенденция одухотворения машин, присвоения им чисто человеческих черт. Очевидно, что проблема потери духовности для современного человека оказывается тесно связанной с «машинным анимизмом». Она же становится предпосылкой для самоизоляции от себе подобных, сокровенного уединения со своим «электронным другом» и, как следствие, причиной полного одиночества, отсутствия коммуникативных навыков вне электронного пространства.

Своеобразным признаком информационной культуры является то, что машины начинают определять статусность их владельцев. Эта тенденция была впервые намечена собственниками престижных автомобилей, но в современном мире статусность можно подчеркнуть и величиной диагонали плазменной панели или серийным номером гаджета, произведенного под «раскрученным брендом». Такая тенденция таит в себе угрозу обезличивания самого человека, так как его собственные достоинства уходят на второй план. Показателем значимой личности становится престижность марок машин, которыми она владеет. В этом случае информационная культура подменяет процесс формирования личности формированием у нее некоторых представлений о престижности и стоимости того, что престижно. Овладение этими знаниями становится ограничительным фактором для дальнейшего развития человека информационного общества. Данное обстоятельство лишает личность всяческих представлений о формировании высоких моральных качеств, о нравственных и духовных ценностях. Несомненно, что в этом случае информационная культура оказывает негативное влияние на формирование и развитие личности.

Необходимо учесть также и то, что в контексте информационной культуры машина неразрывно связана с представлением о технологиях. Технология выступает усовершенствованным орудием разумной деятельности человека и помогает ему осуществлять поставленные задачи наиболее эффективным и менее трудоемким образом. Эта материальная, производственная сторона информационной культуры подразумевает знание личностью технических способов и средств кодирования, передачи, обработки и накопления информации. Данная область информационной культуры обращена не к общей и не к индивидуальной, а к профессиональной компетенции личности. Иными словами, любая технология — это практическое приложение научной мысли, которое, несомненно, ведет личность по пути развития. Таким образом, положительное влияние технической, материальной стороны информационной культуры на современного человека заключается в том, что она, опираясь на точные знания, стимулирует изучение прикладных наук и освоение людьми навыков поиска и систематизации информации. Развитие личности при этом

совершается за счет постоянного и устойчивого внедрения в интеллектуальную сферу человека разнообразных информационных пластов. Нельзя забывать при этом, что сводить внутренние изменения и рост личности к расширению ее интеллектуальной базы было бы серьезной ошибкой.

Именно поэтому в данном исследовании нам важно рассмотреть и социальную сторону информационной культуры, изучить ее действительное влияние на общее состояние и развитие личности. Нами уже отмечался тот факт, что влияние такого типа культуры на человека постоянно и неизменно. Оно выступает в опосредованном («общение с машинами и механизмами», овладение технологиями, механизированными процессами) и непосредственном (процесс усвоения, кодирования и раскодирования информации) виде. Пребывая в мире информации, личность не может избежать ее влияния и вынуждена автоматически включаться в информационные потоки. Своеобразным фоном для нашей повседневности становятся сообщения, которые мы невольно слышим из радиоприемников, с экрана телевизоров, встречаем в системе интернет, считываем с рекламных баннеров, которыми пестрят улицы населенных пунктов. Информация оказывается мощным, поглощающим личность потоком. Причем, важно заметить, что все мы, живущие в пространстве информационного общества, воспринимаем общую информацию, которая стандартизирует наше мышление вследствие усвоения нами готовых интеллектуальных форм. «Происходит стандартизация личных вкусов, мнений, убеждений и, как следствие, размывание сугубо личностного пространства человека — не за счет расширения его социальных ролей и форм дружеского общения, а под давлением технократической стороны информационной культуры» [4]. И здесь мы возвращаемся все к той же проблеме, порожденной стандартизированной информационной культурой. Эта проблема связана с постепенным разрушением личности, теряющей свою индивидуальность и меняющей вектор своих взаимодействий с позиции «человек-человек» на позицию «человек-машина». Социальная сторона информационной культуры является предпосылкой к тому, что общество индивидуумов постепенно становится обществом потребления, где действуют люди, уподобившиеся машинам. Ущербность такого общества состоит в отсутствии сотрудничества, заинтересованности в других личностях, порождающей крайний индивидуализм и разобщенность [2]. Конечно, по имеющимся прогнозам, общество, существующее в контексте информационной культуры, не исчезнет вовсе, но взаимосвязь его представителей все более будет определена одной лишь технократической стороной цивилизованного существования: общими профессиональными, потребительскими, научными и техническими интересами. Такое общество подвержено тотальной рационализации, все более подчиняя себе природную среду.

Таким образом, информационная культура, несомненно, определяет пути личностного развития, но связывает его с совершенствованием технократического мышления. Личность эволюционирует, уподобляясь механизму, овладевая все более отточенными технологиями. Такая личность обретает особую ценность в процессе того, как ее индивидуализм перестает быть востребованным, но ее компетенции и уровень их сформированности приобретают определяющее значение. Само общество изменяет свою социальную сущность, где взаимосвязь между его представителями становится подобной взаимообусловленности технологических процессов производства. Следствием таких рассуждений может быть вывод о том, что личность в пространстве информационной культуры во многом находится под влиянием ее технократической стороны, считающей духовность излишней.

Список литературы

1. Карпова Е.В. Социокультурное восприятие пространства // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2010. № 2. С. 267-270
2. Кива-Хамзина Ю.Л. К вопросу об особенностях развития политико-медийного процесса в современной России // Перспективы развития науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 13 частях. 2015. С. 100-102
3. Леонтьев Д.А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» // Культурно-историческая психология. - 2013. - № 1. - С. 22-30
4. Лысак И.В., Максимов А.В. Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 3. - С. 517
5. Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Майорова-Щеглова С.А., Макеев П.Л. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства: Результаты социологического исследования. - М., 2012. - URL: <http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/20132> (дата обращения 04.06.2015).

УДК 379.81

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Олейник Е.В.

В статье рассматриваются особенности деятельности социокультурного учреждения в современных условиях. Раскрывается понятие «социальная активность подростка» средствами проектирования. Представлен краткий обзор действующих Федеральных целевых и государственных программ, направленных на решение проблем общества. Рассмотрены преимущества вовлечения подростков в процесс проектирования с целью развития их социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, подросток, проектирование, социокультурное учреждение.

The article discusses the characteristics of socio-cultural institutions in modern conditions. Explores the concept of "social activity of a teenager" design. A brief overview of existing Federal and state programs aimed at solving problems of the society. Discusses the benefits of involving teenagers in the design process with the aim of developing their social activity.

Keywords: social activity, teenager, design, socio-cultural institution.

Современное социокультурное учреждение, к которым, в том числе, относится и библиотека, обладает множеством функций, среди которых можно выделить образовательную, просветительскую, социальную и др. Часто именно библиотека как социокультурное учреждение становится, чуть ли не единственным центром культурной и общественной жизни населения, например, в небольших населенных пунктах или в отдельных микрорайонах города. В этом случае такое социокультурное учреждение выполняет важную роль взаимодействия с населением различных возрастных групп: пожилые граждане, подростки, молодежь и др. Часто это выражается в организации различных мероприятий, ориентированных на различные категории населения данной местности. В этой связи особое место уделяется подросткам, которые нуждаются в развитии у них самостоятельности, активности, вовлеченности в творческую деятельность и т.п.

Развитие активности подростков во многом обуславливается заказом общества, которое нуждается в людях, готовых нести ответственность не только за свою личную судьбу, но и за судьбу других людей, судьбу страны и общества в целом. В науке активность рассматривается с точки зрения социологии, политологии, педагогики, психологии и др., которые рассматривают ее как социальную, политическую, активность в обучении и т.п. Вместе с тем, именно социальная активность рассматривается как определенный уровень активности, при котором человек может проявлять [4]:

- свои возможности и способности как член общества;
- активное отношение личности к отдельным общностям или обществу;

- преобразование личности из объекта в субъект социального действия и общественных отношений.

Учитывая сказанное, важно понимать, что каждый подросток должен обладать социальной активностью, в том числе выступать в качестве субъекта социальной активности, где проявляются его способности быть деятелем, творцом социальной реальности. Деятельность социокультурных учреждений позволяет формировать субъектность социальной активности подростков, т.к. они испытывают потребность в усвоении и использовании прошлого опыта в новых, актуальных условиях. Исходя из этого, социальная субъектность подростков как одной из самой активной и мобильной группы общества достигается и обеспечивается в том числе через самодеятельность и творчество.

Работники социокультурных учреждений, понимая важность и значимость ответственности за подрастающее поколение, заинтересованы в поиске новых методов и форм работы с подростками. Опираясь на традиционные виды деятельности, разрабатываются новые модели организации социально-культурной деятельности, в моду входят различные акции, флеш-мобы, приветствуется деятельность волонтерских организаций и др. Такой продуктивный досуг позволяет подросткам заниматься социально-значимыми делами, а следовательно, развивает их социальную активность. Направления деятельности социокультурного учреждения в рамках социальной активности подростков могут быть различными:

- обеспечение летней занятости;
- организация в библиотеке мероприятий, направленных на развитие творческих и умственных способностей;
- содействие самореализации;

– осуществление мер, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, воспитание здорового образа жизни.

– привлечение в библиотеки потенциальных читателей: не читающих детей и подростков;

– стимулирование читательской активности детей в период летних каникул;

– формирование позитивного образа библиотеки как центра чтения и книги.

Одним из эффективных средств привлечения подростков к активной досуговой и социально-значимой деятельности в рамках социокультурного учреждения, по нашему мнению, является проектирование.

Существует множество определений понятия «проектирование», однако все они схожи между собой и определяют его как процесс создания прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния, специфическая деятельность, результатом которой является научно-теоретически и практически обоснованное определение вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений [6]. Результатом проектирования, как правило, является создание и реализация проекта, направленного на достижение заданной цели с определенными временными, материальными, кадровыми и др. ресурсами. Сегодня наше общество применяет проектирование для решения многих социальных проблем. Так, на федеральном уровне спроектированы и реализуются множество Федеральных целевых программ, из которых на решение социальных проблем направлены следующие [7]:

– «Развитие образования на 2016 - 2020 годы»;

– «Культура России (2012 - 2018 годы)» и др.

Кроме того, на региональном уровне реализуются проекты – так, в Челябинской области действуют [5]:

– «Повышение эффективности реализации молодежной политики в Челябинской области на 2015-2017 годы»;

– «Развитие социальной защиты населения в Челябинской области на 2017-2019 годы» (подпрограммы «Дети Южного Урала», «Повышение качества жизни граждан пожилого возраста и иных категорий граждан», «Функционирование системы

социального обслуживания и социальной поддержки отдельных категорий граждан») и др.

Данные примеры показывают значимость проектирования в области решения проблем в стране, а это значит, что новое молодое поколение, в частности, подростки, должны владеть приемами проектирования, чтобы улучшать свои условия жизни каждого человека и общества в целом.

Таким образом, проектирование как способ формирования социальной активности подростков в условиях социокультурного учреждения позволяет им продумать и определить версии или варианты решения поставленной перед ними задачи, осмыслить ход достижения цели. Регулярное привлечение подростков к проектированию и реализации, созданных ими проектов, позволяет подросткам проявить или сформировать такие качества как инициативность, лидерство, целеустремленность, умение принимать решение, быть ответственным за принятое решение и др.

Список литературы

1. Безенкова Т.А. О необходимости подготовки будущего социального педагога к работе по организации досуга детей и подростков / Т.А. Безенкова // Письма в Эмисия. Офлайн: электронный научный журнал. – 2015. – № 9. – С. 2405.
2. Иванова Л.К., Колесов И.В. Социальная активность подростков: структура, критерии, показатели оценки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 11 (139). – С. 73-80.
3. Иванова Л.К., Колесов И.В. Социальная активность подростков: сущность и содержание // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2015. – № 1 (25). – С. 54-62.
4. Мазыр З.А. Социальная активность подростков: современное содержание и практика формирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orenik.odtdm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=368:2013-11-10-23-23-04&catid=45:2011-02-16-13-15-19 (дата обращения: 25.01.2018).
5. Перечень государственных программ Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.econom-chelreg.ru/files/article/Perechenigosprogramm%20na%202018%20god.pdf> (дата обращения: 23.01.2018).
6. Потрикеева О.Л., Халикова Д.А. Реализация проектного подхода в профессиональной подготовке магистров // Форум молодых ученых. – 2017. – № 1 (5). – С. 484-488.
7. Федеральные целевые программы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/> (дата обращения: 23.01.2018).

ЗАВИСИМОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ ОТ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕДАГОГОВ И СТИЛЕЙ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Павлович А.А.

Цель данной статьи – обозначить три категории педагогов, склонных к проявлению дискриминации на основании взаимосвязи личностных характеристик и стилей профессиональной педагогической деятельности. Методологической основой для исследования послужили научные труды известных отечественных и зарубежных педагогов и психологов в рамках деятельностного подхода. Теоретическая значимость работы состоит в научном обосновании причин явления дискриминации в образовательной среде через описание взаимосвязи личностных характеристик педагога и его стиля педагогической деятельности. Итогом работы стало выявление категорий педагогов, склонных к проявлению дискриминации, основанием для классификации которой выступила взаимосвязь личностных особенностей со стилем их педагогической деятельности.

Ключевые слова: дискриминация, толерантность, педагогическая деятельность, стиль профессиональной деятельности.

The goal of this work is to identify three categories of educators inclined to discriminate on the basis of the interrelation of personal characteristics and styles of professional pedagogical activity. The methodological basis for the study was the scientific works of famous Russian and foreign pedagogues and psychologists in the framework of the activity approach. The theoretical significance of the work consists in the scientific substantiation of the causes of the phenomenon of discrimination in the educational environment through the description of the relationship between the personal characteristics of the teacher and his style of pedagogical activity. The result of the work was the identification of categories of teachers inclined to discriminate, the basis for the classification of which was the interrelation of personal characteristics with the style of their pedagogical activity.

Keywords: discrimination, tolerance, pedagogical activity, professional activity style.

Факты проявления элементов дискриминации зачастую показывают невысокий уровень развития социума и людей, его составляющих, об отсутствии культурных навыков. В связи с этим сегодня крайне важно поднимать данную проблему и стараться противостоять этому явлению с целью формирования в обществе, включая образовательное пространство, толерантного отношения друг к другу.

Понятие толерантности сегодня весьма актуально для сферы образования. А значит, для развития толерантного отношения в нашем обществе необходимо искоренить явление дискриминации в образовательном процессе.

Тем не менее, мы столкнулись с тем, что на современном этапе отсутствует система преодоления явления дискриминации в образовательном процессе. Мы считаем, что существуют педагоги, склонные к дискриминации. Данная склонность фиксируется наличием спектра характеристик личности. Дискриминация проявляется в стиле педагогической деятельности. Специалисты психолого-педагогического сопровождения могут и обязаны взять на себя задачу по преодолению данного негативного явления.

Важно отметить, что дискриминацию достаточно сложно измерить статистически. Для этого необходимо доказать, что обучающийся усваивает материал гораздо ниже исключительно из-за пола, расы, возраста, состояния здоровья. Чтобы это показать, при статистическом анализе важно контролировать

ряд возможных факторов. Однако, к сожалению, многие факторы невозможно измерить. Так, например, в анализе мы не способны контролировать такие параметры, как уверенность в себе или лидерские качества. Поэтому как таковую дискриминацию мы измерить, конечно, не можем.

При этом мы можем предположить возможные причины дискриминации. Мы считаем, что педагог руководствуется определённым стилем деятельности в своей работе, определяющимся спектром характерных черт личности, ему присущих. Ряд стилей педагогической деятельности априори предполагают дискриминацию обучающегося [1]. К таким, например, относятся авторитарный стиль, либо же либеральный. Поэтому мы можем говорить о взаимосвязи личностных характеристик учителя с его ведущим стилем педагогической деятельности для организации дальнейшей профилактики.

При проведении исследования нами использовалась методика определения стиля деятельности, разработанная А.М. Марковой, совместно с А.Я. Никоновой [2]. В основе различения стиля в труде учителя авторами были положены следующие признаки:

- содержательные характеристики стиля (преимущественная ориентация учителя на процесс или результат своего труда, развертывание учителем ориентировочного и контрольно-оценочного этапов в своем труде);

- динамические характеристики стиля (гибкость, устойчивость, переключаемость и т.д.);

- результативность (уровень знаний и навыков учения у школьников, а также интерес учеников к предмету).

На основании данных признаков, авторы выделяют 4 индивидуальных стиля профессиональной педагогической деятельности: эмоционально-импровизационный, эмоционально-методический, рассуждающе-импровизационный, рассуждающе-методический.

Согласно проведённому нами исследованию, из 100% испытуемых 30% показали явную склонность к эмоционально-импровизационному стилю (ЭМС). Также 30% опрошенных демонстрируют приверженность рассуждающе-импровизационному стилю (РИС), 25% испытуемых склонны к рассуждающе-методическому стилю (РМС), и 15% изучаемых педагогов проявили эмоционально-методичный стиль (ЭМС).

Кроме того, для выявления личностных характеристик, нами использовался пятифакторный тест-опросник Р.МакКрае и П.Коста, представляющий собой набор из 75 парных, противоположных по значению, стимульных высказываний, характеризующих поведение человека [3; 4]. Стимульный материал имеет пятиступенчатую оценочную шкалу Лайкерта (-2; -1; 0; 1; 2), с помощью которой можно измерить степень выраженности каждого из пяти факторов (экстраверсия – интроверсия; привязанность – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость; экспрессивность – практичность).

Как показало наше исследование, показания к экстраверсии показали 65% педагогов. В это же время 35% респондентов показали склонность к интроверсии. Рассматривая фактор привязанности и обособленности, исследование обнаружило, что 65% испытуемых демонстрируют привязанность. Однако 35% опрошенных педагогов проявляют обособленный тип поведения. Фактор самоконтроля и импульсивности показал способность 80% исследуемых к самоконтролю. Тем не менее 20% изучаемых педагогов проявляют импульсивный тип поведения. Исследуя эмоциональную устойчивость педагогов, удалось определить, что 70% респондентов проявляют стабильную устойчивость в эмоциональном плане. При этом часть педагогов – 30% – всё же показали признаки эмоциональной неустойчивости. Рассматривая фактор экспрессивности и практичности, мы установили, что 75% опрошенных склонны проявлять экспрессивность в поведении. В то же время 25% изученных педагогов явно демонстрируют практичность поведения.

Проанализировав выявленные нами данные о личностных характеристиках педагогических работников, а также о стилях их педагогической деятельности, мы определили, что целесообразным будет

установить взаимосвязь этих компонентов между собой, с целью выявления категории педагогов, наиболее склонных к явлению дискриминации.

Для изучения *корреляции между описанными выше показателями, мы использовали критерий параметрической статистики χ^2 Пирсона* – метод, позволяющий определить наличие или отсутствие линейной связи между двумя характеристиками, а также оценить ее тесноту и статистическую значимость [5]. Другими словами, критерий корреляции Пирсона позволяет определить, есть ли линейная связь между изменениями значений двух переменных.

Получив результаты корреляции, мы определили 3 группы педагогов, которые имеют predisposition к явлению дискриминации, предпочитая эмоционально-импровизационный, рассуждающе-методический или же рассуждающе-импровизационный стили профессиональной деятельности.

В своей профессиональной деятельности, педагоги, руководствующиеся эмоционально-импровизационным стилем, как правило, ориентируются на «сильных» учащихся, стремящихся легко освоить излагаемый материал, либо же вовсе разобрать его самостоятельно. Обучающиеся с невысокими способностями зачастую остаются без внимания таких педагогов и сталкиваются с трудностями не только при изучении нового материала, но и при повторении и закреплении уже изученного. Вследствие чего часть учащихся подвергается дискриминации со стороны педагога. В подавляющем своём большинстве такие педагоги – экстраверты, отличающиеся общительностью, разнообразием коллективных мероприятий. Проявляют обособленность, что свидетельствует о стремлении человека быть независимым и самостоятельным. Обычно предпочитают держать дистанцию, иметь сдержанную позицию при взаимодействии с другими. Они избегают общественных поручений, не отличаются ответственностью в выполнении своих обязанностей и обещаний. Данные педагоги «холодно» относятся к обучающимся, часто не понимают тех, с кем общаются, ставя свои интересы выше и всегда стремясь отстаивать их в конкурентной борьбе. Педагоги этого стиля проявляют импульсивность. Полученные данные характеризуют лиц, неспособных контролировать свои эмоции и импульсивные влечения. Важно отметить, что у данной категории работников явно проявляется такая черта, как экспрессивность. В работе они чаще всего ориентированы на скорость выполнения задания, не любят однообразной деятельности. В связи с чем данные педагоги максимальное внимание отдают преуспевающим учащимся, которые легко и беззаботно осваивают учебный материал и не заставляют педагога закреплять пройденное из урока в урок.

Группа педагогов, проявляющих рассуждающе-методический стиль, тщательно следят за тем,

чтобы каждый учащийся осваивал весь предлагаемый учебный материал, не отставая от других. Идёт негласная ориентация на «слабого» ученика, в результате чего нередко возникают ситуации, когда «сильные» учащиеся уже готовы перейти к следующей теме или новому уровню заданий, а педагог продолжает работать с отстающими обучающимися и «разжёвывать» уже пройденный материал. В данной ситуации уже можно говорить о дискриминации более сильных учащихся педагогом. Педагоги, придерживающиеся в своей работе рассуждающе-методического стиля, как правило, проявляют интроверсию, однако ещё и абсолютную обособленность от коллектива. Они избегают общественных поручений, небрежны в выполнении своих обязанностей и зачастую показывают эмоциональную неустойчивость. Но следует отметить, что данной категории педагогических работников присуща такая черта, как практичность. Такой педагог не любит резких перемен в образовательной среде, он предпочитает постоянство и надёжность во всем, что его окружает. Он несентиментален, поэтому его очень трудно вывести из равновесия, каким-либо образом повлиять на сделанный выбор. В итоге учащиеся, способные «идти вперёд» быстрее других, вынуждены подстраиваться под отстающих и, как следствие, испытывать дискриминацию в лице педагогического работника.

В рассуждающе-импровизационном стиле работают педагоги, характеризующиеся меньшей изобретательностью в варьировании методов обучения, такой педагог практически не использует коллективные обсуждения, вследствие чего можно говорить об отсутствии индивидуального подхода, что категорически недопустимо в рамках современных тенденций образования. На наш взгляд, этот стиль педагогической деятельности требует максимальной работы педагога социального - и профилактической, и коррекционной. Так как именно индивидуальный подход является основой, предусматривающей оказание внимания и поддержки всем без исключения обучающимся. Основными особенностями таких педагогов являются отсутствие уверенности в отношении правильности своего поведения и невнимание к окружающим. Это педагоги-интроверты, они обладают ровным, несколько сниженным фоном настроения, озабочены своими личными проблемами и переживаниями. Обычно сдержанны, замкнуты, избегают возможности рассказывать о себе и не интересуются проблемами других. Часто отдают предпочтение теоретическим и научным видам деятельности. Педагоги, склонные работать в таком стиле, проявляют самоконтроль – любят порядок в работе, они настойчивы в деятельности и обычно достигают в ней высоких результатов. Придерживаются моральных принципов, не нарушают общепринятых норм поведения в обществе и соблюдают их даже тогда, когда нормы и правила кажутся пустой формальностью. Такие педагоги проявляют стабильную эмоциональную устойчи-

вость, что свойственно лицам самодостаточным, уверенным в своих силах, эмоционально зрелым, смело смотрящим в лицо фактам, спокойным, постоянным в своих планах и привязанностях, не поддающимся случайным колебаниям настроения. Можно сделать вывод о том, что для данной категории педагогических работников основой является формальный подход к исполнению своих обязанностей, прямое следование программе и учебному плану, без всякого внимания к проблемам отдельных учащихся: как успевающих, так и отстающих, что говорит о полном исключении индивидуального подхода в обучении. Это и является, на наш взгляд, важнейшей проблемой при преодолении явления дискриминации в образовательной среде, особенно когда речь идёт об обучающемся, например, с особенностями психофизического развития.

Рассматривая категорию педагогических работников эмоционально-методического стиля, нам не удалось установить критерии, согласно которым можно было бы заявлять о наличии предпосылок к дискриминации в стиле их профессиональной деятельности. Данный педагог ориентирован как на процесс, так и на результат обучения. Поэтапно отрабатывает весь учебный материал, заботится о повторении и закреплении его, контролирует знания учащихся. Его педагогическая деятельность характеризуется высокой оперативностью – быстрой реакцией на ситуацию. В итоге, мы можем предположить, что педагоги, руководствующиеся данным стилем педагогической деятельности, в наименьшей мере склонны проявлять дискриминацию, а потому менее всего требуют внимания в данном аспекте.

Таким образом, мы можем утверждать, что деятельность педагога-психолога и социального педагога учреждений образования по преодолению явления дискриминации будет касаться в наибольшей степени педагогических работников, руководствующихся в своей деятельности рассуждающе-импровизационным, эмоционально-импровизационным или же рассуждающе-методическим стилем педагогической деятельности.

Дискриминация — одно из наиболее грубых и повсеместных нарушений прав человека в современном мире. Учитывая современные мировые тенденции в образовании, где ценится гуманный подход, принципы равного образования для всех и толерантное отношение ко всем без исключения, необходимо бороться с данным негативным явлением именно в учреждениях образования, являющихся основным социальным институтом молодых людей.

Список литературы

1. Павлович А.А. Социально-педагогическая работа по предотвращению явления дискриминации лиц с особенностями психофизического развития: Диплом. Раб. БарГУ: Барановичи, 2017.
2. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте.— М., 1983.

3. МакКрае Р., Кост П. Психология личности. М., 2005. университет, 2000. - 23 с.
4. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. 5. Маркова А.К. Психология труда учителя. М., 1993.
-

УДК 378.17

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

Пичугина И.В.

В статье рассматривается проблема формирования стрессоустойчивости студентов университета. Изучены взгляды различных ученых на эту проблему; представлены результаты проведенного исследования среди студентов второго курса университета; охарактеризованы методы и средства формирования стрессоустойчивости в образовательном процессе университета.

Ключевые слова: стресс, стресс-фактор, эмоциональная устойчивость, стрессоустойчивость, эмоциональный интеллект.

The article deals with the problem of stress tolerance formation of University students. The views of various scientists on this problem are studied; the results of the conducted research among the second-year students of the University are presented; methods and means of stress resistance formation in the educational process of the University are characterized.

Keywords: stress, stress factor, emotional stability, stress resistance, emotional intelligence.

Проблемой современного образования является его оторванность от жизни. Мы готовим высококлассных специалистов: инженеров, строителей, геологов, педагогов, но совершенно не заботимся о том, как эти специалисты должны выживать в современных условиях. После окончания вуза студент испытывает двоякое чувство: с одной стороны, радость окончания учебного заведения, получение диплома, а с другой стороны, страх перед неизвестностью. Сможет ли он устроиться работать по специальности без опыта работы, будет ли он востребован как специалист в своей области, а также множество других вопросов и проблем вызывают тревогу у людей, стоящих на пороге самостоятельной жизни. Это состояние часто связано с глубокими переживаниями, а именно, со стрессом. Именно в этот момент возникает вопрос: а кто научил студента, будущего специалиста выживать в суровых реалиях современной действительности, кто сформировал у него умение сопротивляться трудностям, быть стрессоустойчивым?

Не секрет, что длительное переживание стресса приводит к снижению внутренних ресурсов организма человека, ухудшению его здоровья. Неумение найти выход из сложной стрессовой ситуации приводит к тому, что студент прибегает к наиболее доступным и наиболее простым способам снятия психоэмоционального напряжения: алкоголь, наркотики, чрезмерное увлечение компьютерными играми и т.п. Кроме того, последствиями стресса могут быть: подверженность несчастным случаям, нервный срыв, соматические заболевания, нарушение социальных контактов, снижение самооценки, депрессия и др. [2].

Обеспечение качества высшего образования является одной из главных проблем современного отечественного образования. В силу этого, современные студенты университета подвержены высоким интеллектуальным и эмоциональным нагрузкам в процессе обучения в университете, что проявляется в

когнитивной, мотивационной, эмоциональной и поведенческой сферах деятельности студента [6].

Сегодня большой акцент в образовании делается на самостоятельную работу студентов, при этом навыки ее организации у них не сформированы. В результате этого, студенты не умеют эффективно работать с различными источниками информации, у них отсутствуют навыки критического мышления, им сложно анализировать информацию большого объема. В результате возникает перегрузка учебным материалом, что в свою очередь вызывает очередной стресс. Кроме этого, состояние стресса могут вызывать зачеты и экзамены, невыполненные или неправильно выполненные задания, практические и лабораторные работы; оторванность от дома, большое количество пропусков по предмету, недостаточно полные знания по предмету, плохая успеваемость по определенной учебной дисциплине, отсутствие интереса к дисциплине, возникновение конфликтных ситуаций с преподавателем, неудовлетворенность полученной оценкой, процесс социальной адаптации, разочарование в выбранной профессии и др. Таким образом, возникает угроза для психического здоровья студентов [1].

Одна из основных задач современного профессионального образования – формирование активной, успешной, конкурентоспособной личности. Сегодня наиболее востребованы на рынке труда специалисты, готовые осуществлять профессиональную деятельность на максимуме своих физиологических, психологических и интеллектуальных возможностей, умеющие произвольно регулировать свое эмоциональное состояние, противостоять воздействию стрессоров, сохранять способность эффективно выполнять работу в стрессовых ситуациях [3].

Однако данная проблема должна решаться всесторонне и требовать глубокого подхода в своем решении. Формирование стрессоустойчивости буду-

щих профессионалов одно из важнейших направлений в решении данной проблемы. Стрессоустойчивость является одним из важнейших факторов профессионального становления студента университета [7].

Основоположником учения о стрессе является канадский ученый, физиолог Ганс Селье, который впервые обосновал понятие стресса и охарактеризовал стадии его протекания.

В современной науке проблемой стрессоустойчивости занимались Б.Г. Ананьев, Б.А. Вяткина, А.Н. Глушко, Л.М. Аболин, А.Ю. Маленова, В.А. Бодров, М.Ю. Денисов, Л.В., Куликов, А.В. Либина, А.А. Реан, Л.А. Китаев и др. В зарубежных исследованиях стрессоустойчивости особый интерес представляют работы Д. Гринберга, У Кэннона, Л. Мерфи, Г. Селье и др.[5].

Специфика развития стрессоустойчивости студентов нашла свое отражение в работах Б.Г. Ананьева, О.В. Лозгачевой, А.О. Прохорова, Т.В. Середы, С.В. Субботина и др.[4].

Следует отметить различное трактование понятия «стрессоустойчивость». С.В. Субботин понимает под стрессоустойчивостью интегративное качество личности, которое включает в себя такие частные компоненты, как эмоциональная устойчивость, психологическая устойчивость к стрессу, стресс-резистентность и фрустрационная толерантность. Е.А. Милерян отождествляет стрессоустойчивость с эмоциональной устойчивостью и способностью человека контролировать свои эмоции. Н.Н. Данилова рассматривает стрессоустойчивость как способность переносить большие нагрузки и успешно решать задачи в различных экстремальных ситуациях. А.Е. Ольшанникова представляет стрессоустойчивость как устойчивое преобладание положительных эмоций [10].

С целью выявления уровня стрессоустойчивости студентов университета было проведено исследование среди студентов 2 курса. В исследовании приняло участие 50 человек в возрасте от 18 до 20 лет обоих полов. В результате проведенного исследования использовались следующие методики:

1. «Анализ стиля жизни» (Л.Х. Миллер, А.Д. Смит);
2. «Тест на учебный стресс» (Ю.В. Щербатых).
3. «Методика изучения направленности личности» (В. Смекал, М. Кучер);
4. «Методика определения мотивации обучения в вузе» (Т.И. Ильина);

Также с целью получения более объективных результатов, нами были проанализированы еще два показателя – результативность студентов и активность.

Результативность – это уровень освоения студентами учебного материала, который можно отследить по результатам сдачи зачетов и экзаменов в

период экзаменационной сессии. Активность можно диагностировать по мере принятия участия студентами в общественной жизни университета, участию в олимпиадах и научно-практических конференциях, научным публикациям.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что только 4% студентов имеют высокий уровень стрессоустойчивости. Это говорит о том, что они умеют справляться со стрессогенными ситуациями, обладают высоким уровнем сформированности «эмоционального интеллекта». Они обладают высоким уровнем работоспособности, нормальным соматическим состоянием, нормальной деятельностью психических познавательных процессов, высокой самооценкой в стрессовых ситуациях учебной деятельности. 50% студентов имеют средний уровень сформированности стрессоустойчивости, что означает, что они могут справиться не со всеми стрессовыми ситуациями. 46% студентов имеют низкий уровень стрессоустойчивости, что негативно сказывается на результатах их учебной деятельности и представляет реальную угрозу их здоровью [9].

По результатам второй методики («Тест на учебный стресс» Ю.В. Щербатых) было выявлено, что основными причинами учебного стресса является страх перед будущим, неопределенность, возможность невостребованности в профессиональной сфере.

Результаты следующей методики («Методика изучения направленности личности» В. Смекал, М. Кучер) показали, что 50% студентов имеют личностную направленность, что говорит о том, что у них преобладают мотивы собственного благополучия, стремление к удовлетворению личностных потребностей. 30% студентов имеют деловую направленность, что говорит о стремлении этих студентов к овладению новыми знаниями, умениями, навыками и разнообразными видами деятельности. Коллективистская направленность преобладает у 20% студентов, что говорит об их потребности в общении и взаимодействии с группой, стремлении к совместной деятельности.

Результаты четвертой методики («Методика определения мотивации обучения в вузе» Т.И. Ильина) показали, что преобладающим мотивом является «получение диплома» - 40%, т.е. формальное овладение учебной информацией; 30% студентов имеют стремление на приобретение знаний и 20 % студентов имеют преобладающий мотив – мотив овладения профессиональными знаниями. Для них важно приобретение знаний и навыков, необходимых в будущей профессиональной деятельности и сформированность профессионально важных качеств личности.

При изучении результативности учебной деятельности было выявлено, что 50% сдали зимнюю сессию с оценками «отлично» и «хорошо»; 30% имеют в сессии оценки «удовлетворительно» и 20% студентов имеют задолженности по зимней сессии, т.е.

получили на экзаменах оценку «неудовлетворительно».

Анализ активности студентов показал, что 70% студентов принимают участие в общественной жизни университета; 50% студентов приняли участие в течение учебного года в научно-практических конференциях; 20% имеют научные публикации и 60% приняли участие в различных олимпиадах по учебным дисциплинам; 70% студентов приняли участие в спортивных мероприятиях города и области [11].

Таким образом, профессиональная подготовка будущего специалиста должна включать в себя ряд мероприятий, направленных на формирование высокого уровня стрессоустойчивости, повышение уровня «эмоционального интеллекта» (умения управлять своим эмоциональным состоянием и влиять на эмоциональное состояние других людей), готовности к действиям в экстремальных ситуациях, способности мобилизовать свои внутренние ресурсы в необходимый момент.

Результаты проведенного исследования помогли нам определиться с тематикой основных мероприятий, направленных на повышение стрессоустойчивости студентов. Было определено, что это могут быть встречи со специалистами, тренинговые занятия, проводимые в рамках изучения дисциплины «Психология», решение ситуативных заданий (кейс-метод), имеющих место и в будущей профессиональной деятельности, и в рамках изучения специальных дисциплин; мастер-классы по организации самостоятельной работы студентов; включение студентов во внеучебную деятельность; организация и проведение спортивных мероприятий; организация досуга и т.д. [8].

Список литературы

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии: Монография / Абабков В.А. – СПб.: Изд-во «Речь», 2004, с. – 166.
2. Зобков В.А. Психология отношения и личности учащегося. Казань: Издательство Казанского университета, 1992. - 156 с.
3. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л. М. Митина. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. - 400 с.
4. Нестерова О.В. Управление стрессами / О. В. Нестерова. – М.: Изд-во «Синергия», 2011. – 320 с.

5. Пичугина, И.В. Формирование ценностного отношения здоровью у студентов университета как условие профессионального роста будущего специалиста / И.В. Пичугина // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции, 2015. – с. 1830-1834.

6. Пичугина, И.В. Здоровьесбережение как один из факторов профессионального роста и продвижения будущего специалиста / И.В. Пичугина // Педагогический менеджмент в здоровьесберегающем образовании. Тематический сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный университет физической культуры». – Челябинск, 2015. – с. 107-112.

7. Пичугина, И.В. Основы реализации здоровьесбережения в условиях современного вуза/ И.В. Пичугина // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России / Научный журнал. Том 2 № 10.- 2016г. – Изд-во Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова (Магнитогорск). – 2016г. – 86с. (с. 68-71).

8. Пичугина, И.В. Профессиональная компетентность педагога в аспекте организации здоровьесберегающей среды в образовательном процессе/ И.В. Пичугина // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: материалы ХLI научно-практической конференции, посвященной 70-летию Государственного ракетного центра имени академика В. П. Макеева (Миасс, 28 апреля 2017 г.) / под ред. Е. А. Суховой; Миасский филиал ФГБОУ ВО «ЧелГУ». – Миасс: Геотур, 2017. – 328 с. – (с.310-316).

9. Пичугина, И.В. Формирование компетентности студентов колледжа в сбережении ресурсов здоровья человека / И.В. Пичугина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2016. – Т.8 № 4 – с. 44-51.

10. Пичугина, И.В. Формирование мотивации сбережения ресурсов здоровья у студентов университета / И.В. Пичугина // Социально-экономические, институционально-правовые и культурно-исторические компоненты развития муниципальных образований. Материалы XIII научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Южно-Уральский государственный университет; Факультет экономики, управления, права; отв. ред. С.Г.Соловьев. 2016. – с. 122-125.

11. Плотникова Н.В. Эффективность педагогической деятельности в вузе / Н.В. Плотникова, И.В. Пичугина // Вестник ЮУрГУ, Серия «Образование. Педагогические науки». – 2009. № 38 (171). – с. 74-77.

УДК 373.29

SENIOR PRESCHOOLERS: THE PECULIARITIES OF EXPERIMENTAL STUDIES IN THE FORMATION OF ATTENTION

Rubanova N.A.

Предметом исследования данной статьи являются особенности проведения экспериментального исследования для совершенствования формы изучения распределения и переключения внимания у старших дошкольников. Проводится изучение и анализ теоретических и практических подходов к применению экспериментальных методик, возможностей эксперимента при определении уровня развития распределения и переключения внимания у старших дошкольников. Основное внимание в работе акцентируется на специфичных методиках исследования проведения эксперимента со старшими дошкольниками, возможностям их практического применения.

Ключевые слова: развитие внимания, старший дошкольник, эксперимент, экспериментальные методики.

The article focuses on the features of experimental research of improving the methods of teaching and the study of distribution and change of attention senior preschool children. The investigation and the analysis of theoretical and practical approaches to the usage of experimental techniques, possibilities of the experiment in determining the level of development of distribution and change of attention are described. The study focuses on specific research methods of the experiment and the possibilities of their practical application with the senior preschoolers.

Keywords: attention, development, senior preschooler, pedagogical experiment, experimental techniques.

The concept of "attention" is identified with a special property of the human psyche. It can't exist independently the human psyche of thinking, perception, memory and movement. According to the reasonable opinion of many scholars - it is impossible just to be careful. It can be done only when a person is doing some work. So attention is a selective focus consciousness on the performance of certain activities of the sensory organs on the processes of remembering, thinking, physical activity. But only arbitrary attention is associated with the volitional force and the deliberate goal because it is performing the basic function and actively regulates the flow of mental processes.

The study of qualitative parameters of the attention of senior preschoolers remains a topical issue, since it allows to determine the level of child readiness to get education in General and at school in particular. The hypothesis of our investigation consists of the assumption that children of senior preschool age have an average level of attention development. At this stage of life they first begin to control their attention. Arbitrary attention is formed by the inclusion of the child in new activities and using additional resources, it is possible to direct and to organize the child's attention. It allows senior preschoolers to learn how to control attention. The study of distribution and switching of attention of senior preschool children and analysis of the obtained results will show the age dynamics of processes of arbitrary attention.

The study was based on an integrated methodology. This methodology includes the method of a formative experiment, testing, monitoring, statistical processing and the analysis of psychological and pedagogical literature.

Studies of arbitrary attention of preschoolers

were carried out by many scientists and are continuing nowadays, as this is an important aspect of development, learning and preparation for an adult life. The topic is valuable and deeply developed by famous scientists. For example, the scientific papers devoted to such published materials devoted to the peculiarities of the development of attention - L.S. Vygotsky, P.Ya. Galperin, S.L. Kobylnickay [1, 2]; on the issues of the Association of attention with other mental processes - P.Ya. Galperin, D.B. Elkonin [2, 3]; on formation of abilities - N.S. Leites, A.N. Leont'ev and others [4, 5]. At the present stage the development of children's attention is observed by teachers and preschool psychologists - V.N. Belkin, N.E. Veraksa, A.N. Veraksa, N.N. Poddjakov, N. Menchinskaya, I.E. Kulikovskaya and others [6, 7, 8, 9, 10]. The development of children's attention is observed in scientific articles written by P.Ya. Galperin, S.L. Kobylnickay, N.F. Dobrynin, D.B. Elkonin, V.N. Belkin, N.E. Veraksa, A.N. Veraksa [2, 11, 3, 6, 7].

The main function of involuntary attention is the ability of a person to quickly and correctly make decisions in a constantly changing circumstances, to focus attention on those objects that can have the greatest meaning of life at the moment. Attention is also considered as a function of the internal control over the correspondence of mental activities to the fulfilling action programs. The formation of voluntary attention depends on the role of speech and the role of incentives-funds and from relying on detailed external auxiliary means, from the individual psychological properties of personality of the subject [12, 13].

Sustained attention is correlated with the presence of intellectual activity, understanding the importance of activity. It is based on age experience, which affects the selectivity of attention. Sustained

attention is determined by the resource capacity of the organism, the nature of the activity, the level of cognitive activity, speech development [2, 14, 15].

The degree of development of voluntary attention in many respects will determine the success of a child's learning in school and beyond. It is necessary timely to identify characteristics and specifics of formation of attention at different stages in accordance with the age of the children can contribute to a better understanding of his problems in school, as well as the organization of further training tailored to the exposed problem [16].

The aim of this experimental investigation: study of distribution and switching of attention in senior preschool children and the age dynamics of processes of voluntary attention.

We used the following techniques in the experiment:

Test 1. "Distribution and switching of attention". In this test we correlate the time dependence and the number of errors committed by the subjects. This is fixed in a score estimated system;

Test 2. "Tables Schulte: a study of switching attention in terms of active selection of useful information". We examine every group member: the speed of switching attention, operability and training in terms of active selection of useful information. In particular, we define the time during which the subjects are making choices and the average search time of the necessary object on the picture [17].

The procedure of the experiment was determined on the basis of the chosen methods. Participants of the experiment performed two tasks at different time. Each assignment corresponded to the selected day.

The basis of this testing: the task was difficult for preschoolers and did not allow to transfer quickly from one task to another. At the same time, because of the age peculiarities of participants the additional time is required for recovery efforts.

Since Test 1 and Test 2 are individualized, each child required individual independent work on an assignment. The guys were invited one by one to the room. Special training for testing of children was not carried out. In the course of ascertaining experiment children of preschool age took part - preschool group of kindergarten. The choice of the preschool age group is justified by the fact that the children of this age don't have enough current level of voluntary attention development. Control group consisted of adult people and reflects the level of the tasks when functional systems and mechanisms are already formed. The number of participants in both groups: basic and control is defined - 15 people.

Each participant of the experiment have to pass the one-time test. The average time to cope with one test is 15 minutes. The results of this test were to summarized by grouping information into the table.

Analysis of the results of the preschoolers' test

were calculated twice. The results were compared with the results of the second control group. It allowed to obtain an absolute result. The result gives a relative comparison of the groups among themselves.

We can make a conclusion of the development level of voluntary attention analyzing the results of ascertaining research. After processing material it can be noted that the results of a group of preschool children showed fluctuation in time from 2 to 4 points. Analysis of the number of errors during the test execution the first group of preschool children shows that they made 1, 2 and 3 errors. At the final stage of Test 1 we analyzed the results of trainees. We calculated the number of points. The result in 4 points.

Next, we analyze the data among the participants of the control group. Considering the results of control group it is seen that a maximum of 5 points was scored by 6 participants, and 2 points - 1 during the experiment.

Thus, the analysis shows that the level of development of voluntary attention, including its distribution and switching, in the control group, significantly higher.

The General conclusion according to the results of Test 1: in the group of preschoolers distribution and switching of attention are insufficiently developed. At the same time, we can say that the age characteristics of children make it possible to improve results in the future, despite the fact that the indicators of the level of development of the shift of attention among adults is much higher.

Based on the foregoing, we can say that among preschoolers in the experimental group is required to conduct the work to improve the distribution and switching of attention.

Now it's time to analyze the results of Test 2 control group participants and preschoolers. The results of the study in a group of children allows us to see what is the best score among preschoolers - 5 minutes 48 seconds, and the arithmetic mean obtained in groups of students is 7 minutes 14 seconds. Comparing the obtained results with the control group we can conclude: the control group subjects showed a result much higher than the group preschoolers.

According to the results of Test 1 and Test 2, we can conclude that the children's group of preschoolers requires to carry out a correctional work to improve the development of voluntary attention.

Thus, the ascertaining experiment was carried out to study the characteristics of attention of senior preschool children in the process of the experiment. Analysis of diagnostic studies showed that the preschoolers' level of the properties and attention development corresponds to the average norms of the participants. But the percentage of children who are characterized by a low level of development of the mentioned properties is high enough. In comparison, we can see there is a prevailing low level of development of attention. Based on these data, we conclude that in comparison preschoolers with

adults the first ones don't have sufficient level of development for this age. However, it should be also noted that differentiation in the level of development of voluntary attention in the group of subjects was sometimes significant. This makes it possible to state the fact that some children's voluntary attention and activities have already been formed, while voluntary attention and activities of others are not up to the mark.

It is necessary to conduct technologies aimed at the development of senior preschool children's attention for the implementation of correctional and educational work on the development of attention. The application of cognitive-game way technology will adjust attention and activity. It is necessary to use organized activities with preschoolers, text analysis for improving attention and fastening the result. It will eventually give the opportunity to see a positive trend in the development of senior preschool children attention.

The formation of attention is a complex and lengthy process. It is thought that the formation of child's attention should be formed before school age. The development degree of voluntary attention will determine the success of a child's learning at school. The experiment helped to identify the peculiarities of the attention formation at this age stage. The technology of experiment for development attention of children in senior preschool age can be recommended as a mass practice in preschool educational organizations.

References

1. Vy`gotskij L.S. Pedagogicheskaya psixologiya [Pedagogical Psychology]. Moscow: Pedagogika, 1991.
2. Gal'perin P.Ya., Kabylnickaya S.L. E'ksperimental'noe formirovanie vnimaniya [Experimental formation of attention]. Moscow, 1974.
3. E't'konin D.B. Osobennosti psixicheskogo razvitiya detej 6-7 letnego vozrasta [Psychological development of 6-7 years old children]. Moscow, 2008. 230 p.
4. Lejtes N.S. Umstvennyye sposobnosti i vozrast [Mental abilities and age]. Moscow: Pedagogika, 2001.
5. Leont'ev A.N. O formirovanii sposobnostej [About the formation of abilities]. Moscow: Pedagogika, 1996. 250 p.
6. Belkina V.N. Psixologiya rannego i doshkol'nogo detstva [Psychology of early and preschool childhood]. Rostov-na-Donu: OOO «Feniks», 2014. pp. 222-227.
7. Veraksa N.E., Veraksa A.N. Detskaya psixologiya [Psychology of a Child]. Moscow: OOO «Publ. «Yurajt»», 2015. pp. 56-61.
8. Podd'yakov N.N. K voprosu o razvitiy myshleniya doshkol'nikov [The issue of preschoolers thinking development]. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya [Developmental and educational psychology]*. Moscow, 2012. 324 p.
9. Menchinskaya N.A. Problemy obucheniya, vospitaniya i psixicheskogo razvitiya rebenka [Problems of education, upbringing and mental development of the child]. Moscow: MPSI, Voronezh: Mode'k, 2014. 512 p.
10. Kulikovskaya I.E., Sovgir N.N. Detskoe e'ksperimentirovanie, starshij doshkol'nyj vozrast [Children's experimentation, the senior preschool age]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2013. 80 p.
11. Dobrynin N.F. Vnimanie i ego vospitanie [Upbringing of Attention.]. Moscow: Prosveshhenie, 2005. pp. 101-105.
12. Maklakov A.G. Obshhaya psixologiya: uchebnik dlya vuzov [General Psychology: Textbook for Universities]. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 583 p.
13. Psixologiya vysshix kognitivnyx processov [Psychology of Higher Cognitive Processes]. In T.N. Ushakovej, N.I. Chuprikovej (eds.). Moscow: IP RAN, 2004. 304 p.
14. Gajda V.K., Zaxarov V.P. Psixologicheskoe testirovanie [Psychological Testing]. Moscow, 2013.
15. Levitina S.S. Mozhno li upravlyat' vnimaniem shkol'nika [Is it possible to control the attention of the Schoolboy]. Moscow: Prosveshhenie, 1994. 192 p.
16. Rubanova N.A. Vnimanie u starshix doshkol'nikov: e'ksperimental'noe issledovanie [The attention of the senior preschool children: a pilot study]. *Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duxovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitiya Rossii [Traditional Cultural and Spiritual Values as the Basis of Innovative]*. 2017. No 2 (12). pp.55-57.
17. Rubanova N.A. Aktual'nye voprosy administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere kul'tury i obrazovaniya [Topical issues of administrative-legal regulation in the sphere of culture and education]. *Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duxovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitiya Rossii [Traditional Cultural and Spiritual Values as the Basis of Innovative]*. 2015. No 2. pp. 78-80.
18. Rubanova N.A. Aktual'nye voprosy obespecheniya zakonnosti pri ispolnenii licenziatom licenzionnyx trebovanij [Topical issues in the performance by the licensee of license requirements in compliance with the law]. *E'konomika i politika [Economics and Politics]*. 2013. No 6 (6). pp. 168-173.
19. Kolomenskij Ya.L., Pan'ko E.A., Igumnov S.A. Psixicheskoe razvitie detej v norme i patologii: psixologicheskaya diagnostika, profilaktika i korrekciya [Mental development of healthy children and children with pathology: psychological diagnosis, prevention and correction]. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 480 p.

УДК 94 (571.56+271.65)''193.194''

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР В ЯКУТИИ В 30-Е – 40-Е ГГ. XX В.

Сулейманов А.А.

На основе анализа архивных данных и опубликованных источников рассматриваются материалы исследовательских инициатив, организованных в 1930-е–1940-е гг. в Якутии Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР. В связи с этим определены ключевые участники рассмотренных изысканий, выявлены и показаны их проблематика и важнейшие результаты.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, научные исследования, экономическое развитие.

On the basis of archival data and published sources the history of research initiatives, that were organized by the Council for the Study of the Productive Forces of the USSR Academy of Sciences in Yakutia in the 1930s-1940s, was considered in the article. In this regard the key actors of conducted research were determined; the basic directions and results were defined and illustrated.

Keywords: Arctic, Yakutia, The USSR Academy of Sciences, researches, economic development.

Фактически с первых лет существования отечественной Академии наук исследования в Якутии занимали важное место в ее деятельности. Здесь, в частности, проводились исследования Второй Камчатской экспедиции (1732–1743 гг.), а позднее – исследования ведущих российских ученых XIX в.: М.И. Адамса, А.Ф. Миддендорфа, А.А. Бунге, Э.В. Толля, Е.И. Шилейко и др. [16]

Крупнейшей научно-исследовательской инициативой своего времени стали работы, организованные Комиссией по изучению производительных сил Якутской АССР (КЯР) 1925–1930 гг. Только в полевых исследованиях экспедиции приняли участие 246 научных и научно-технических работников. В состав руководителей самой Комиссии и ее секций, а также консультантов по различным отраслям знания входили ведущие ученые страны. В течение 1925–1930 гг. отряды этой экспедиции обследовали Алданский, Булунский, Верхоянский, Вилюйский, Колымский, Олекминский и Якутский округа. Ученые провели в поле 391 месяц и прошли свыше 130 тысяч километров [9, с. 66–103].

Окончание исследований Якутской экспедиции пришлось на период организационных изменений в Академии наук (АН) СССР. В апреле 1930 г. в целях «более тесной увязки деятельности Академии наук с нуждами социалистического строительства» путем объединения комиссий по изучению производительных сил и экспедиционным исследованиям был организован Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР. КЯР влилась в него как отдельная Якутская секция. Секцию возглавили: председатель, академик В.Л. Комаров, его заместитель, академик С.А. Зернов и ученый секретарь А.Г. Бауэр [10].

Основной деятельности СОПС являлось «проведение прикладных и, как их обобщение, теоретических и методических исследований» на базе экспеди-

ционных работ», организация научных конференций и совещаний, создание и участие в работе академических и межведомственных комиссий по различным проблемам экономического развития страны, публикация научных трудов [7, с. 16].

В 1931–1934 гг. Якутская секция СОПС занималась, главным образом, публикацией трудов и материалов КЯР, камеральной обработкой ранее собранных материалов, экспонатов, коллекций. Секция активно участвовала в издании «Трудов СОПС», подготовив на материалах КЯР монографии по геологии, почвам и земледелию, экономике и быту населения. Всего к началу 1936г. было опубликовано 47 названий «Трудов...», кроме того, к 10-летию Якутской АССР была издана серия из 7 книг [6, с. 1135]. Под руководством старшего картографа секции М.Я. Кожевникова были составлены атласы рек Индигирка и Яна, даны их лоции [2, л. 75–76]. В 1935–1936 гг. Якутской секцией СОПС была подготовлена первая карта ЯАССР на якутском языке [12, л. 14–16].

Вместе с тем республиканские власти и руководство Якутской секцией СОПС предпринимали усилия по организации новых экспедиционных исследований. Так, еще в 1929 г. Президиум ЦИК и СНК ЯАССР ходатайствовали перед Совнаркомом СССР о продолжении работ по исследованию Якутии во второй пятилетке (1930–1935 гг.) [9, с. 110–111]. В 1933 г. сотрудники Якутской секции СОПС составили проект Колымской комплексной экспедиции. Предполагалось, что в рамках экспедиции будут проводить изыскания 27 ученых в составе 7 отрядов (животноводческий, геоботанический, экономический, охотничье-промысловый, аэрологический, лесозономический и геохимический) начиная с декабря 1933 г. до сентября 1935г. Экспедиция должна была провести исследования по маршруту: Верхоянск – Бутунгай – Адыча – Селегнях – Индигирка – Средне-колымск – Колыма. Кроме этого, планировалась ор-

ганизация в 1934–1936 гг. физико-географической экспедиции в верховья Вилюя, бассейны Олекмы и Анабара, к Верхоянскому хребту [2, л. 5–7].

На 1933–1937 гг. Якутской секцией СОПС был разработан план комплексных экспедиционных исследований республики. В нем предусматривалось проведение физико-географических, картографических и геоморфологических работ в верховьях бассейнов рек Вилюй, Ахтаранда и Чона, Оленекского хребта, низовий Лены и Яны (Нижне-Ленский мерзлотный отряд). Восточно-якутский мерзлотный отряд согласно плану должен был заняться изучением общей гидрологии и гидрогеологии, влияния «вечной» мерзлоты на дорожное, промышленное, сельскохозяйственное строительство в бассейнах рек Колыма, Индигирка и Алдан. Гидрогеологический отряд был ориентирован на исследование речных систем Тимптона, Амги, Мархи, Анабара и Оленека в плане пригодности их для сооружения гидроэнергетических установок, а также выявление условий судоходства и сплава.

Индигирско-Янскому геолого-геоморфологическому отряду предписывалось заняться геологическими изысканиями в «Якутском Поморье». Основная задача отряда – поиски залежей угля и геоморфологическое изучение месторождений торфа в целях обеспечения судоходства между устьями Колымы и Лены, а также по рекам Яна и Индигирка. Еще один отряд, целью которого являлось решение проблемы производственной специализации сельскохозяйственных районов, должен был работать в составе двух подотрядов: животноводческого (районы Алдана, Верхоянска, Индигирки, Колымы) и оленеводческо-геоботанического (районы Хатанго-Ленских тундр, бассейна реки Алдан). Минерально-геохимические исследования и картирование в целях выявления полезных ископаемых и освещения геохимии территорий от Оймякона до Среднеколымска по плану проводил Колымский минерально-геохимический отряд. Деятельность охотничье-промыслового отряда фокусировалась вокруг проблемы рациональной организации охотничье-промыслового, морского, зверобойного и рыбного хозяйства Якутии. Планировалась, что отряд займется изучением орографических и гидрологических особенностей мест обитания промысловых животных, наблюдение за их образом жизни, организацией звероводческих питомников, исследованием техники и экономики промысла на Алдане, Амге, Томпо, в верховьях Индигирки, Усть-Мае и др. Члены отряда по изучению морского зверобойного промысла должны были составить описание промысловых банок и районов промышленного лова, осветить вопросы переработки продукции на месте, наметить сеть моторно-рыболовных станций на побережье моря Лаптевых, Ляховских островах, в устье Колымы, островах Восточно-Сибирского моря [2, л. 34–38].

К сожалению, в архивах не удалось найти официальную резолюцию на этот документ и ее мо-

тивировку. Однако отсутствие исследований, даже в незначительной степени соответствующих представленному плану, позволяют заключить, что проект комплексной экспедиции по изучению Якутии поддержан не был, как и двух других рассмотренных выше планов Колымской и физико-географической экспедиций.

Интенсификация деятельности Совета по изучению производительных сил в Якутии произошла после выхода 14 июля 1938 г. постановления СНК СССР, согласно которому для «изучения вечной мерзлоты и создания местных научных опорных баз» была организована Якутская экспедиция СОПС АН СССР. Начальником экспедиции был назначен один из главных инициаторов ее создания, ведущий геокриолог страны М.И. Сумгин, а его заместителем – В.М. Цодиков [3, л. 2].

В 1938г. полевые исследования Якутской экспедиции велись в составе трех отрядов: агротехническом, мерзлотно-сельскохозяйственном и зоотехническом.

В рамках деятельности последнего из названных отрядов впервые объектом целенаправленного научного изучения оказалась якутская лошадь. Эти работы Академия наук осуществила совместно с Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ). Подобное взаимодействие, когда СОПС в интересах экономического развития страны привлекал к исследованиям специалистов других ведомств, обеспечивая изыскания и определяя их направления – одна из форм деятельности совета в рассматриваемый период. В данном случае, в эпоху, когда основной мощностью «двигателей» хозяйства республики по-прежнему оставались в буквальном смысле лошадиные силы, к работам было привлечено ведущее специализированное учреждение страны – Всесоюзный научно-исследовательский институт коневодства ВАСХНИЛ (г. Москва). Исследования провели сотрудники института: М.И. Рогалевич (руководитель), П.А. Скрипин, зоотехники И.И. Чудинов и М.М. Сидоров. В марте-сентябре 1938г. они совершили маршруты общей протяженностью 9100км в пять районов республики: Амгинский, Верхоянский, Мегино-Кангаласский, Орджоникидзеvский (сейчас – Хангаласский) и Чурапчинский [13, с. 3–5].

В результате изысканий исследователи составили зоотехническое описание якутской лошади, определили ее тип и происхождение, место в классификации конских пород, методы разведения, кормления и использования животных. Кроме того, была дана краткая характеристика кормовых условий и кормовой базы, изучено влияние экологических условий на изменения типа лошади. Полученные материалы позволили специалистам разработать ряд основных мероприятий по оптимизации коневодства в ЯАССР (определение районов возможной метизации, выбор улучшающих пород, организация племенной работы и др.). Следует отметить, что экспедиция фак-

тически заложила основы научной работы по коневодству в Якутии, когда на Покровской опытной станции и Верхоянском опорном пункте НИИ полярного земледелия, животноводства и промышленного хозяйства (г. Ленинград) начались работы по разведению верхоянских жеребят [3, л. 8–9].

Якутская экспедиция 1938г. также дала старт последовательным исследованиям по оптимизации строительства в условиях северных широт. В Якутске инженеры М.М. Крылов и А.Т. Морозов провели оригинальные изыскания по опытному повышению устойчивости зданий (в грунте у основания фундамента ученые помещали зероторы – сосуды с замерзающими при отрицательной температуре специальными рассолами, удерживающими летом отрицательную температуру) [3, л. 10].

Участники агротехнического отряда проводили исследования на территории Амгинского и Мегино-Кангаласского районов. На основе изучения существующей практики возделывания сельскохозяйственных культур, анализа состава грунтов и проведенных полевых опытов учеными были установлены наиболее пригодные для развития земледелия участки, рекомендованы методы обработки почв, сроки и нормы посевов.

В следующем, 1939г., Якутская экспедиция СОПС осуществила уже несколько геокриологических изысканий. Мерзлотно-строительный отряд продолжил опыты по управлению тепловым режимом вечномерзлых пород для повышения устойчивости сооружений. Гидрологический отряд выяснил гидрологические и геологические условия района города Якутск, установил характер и мощность водоносных горизонтов, разработал и передал в СНК ЯАССР программу разведки подмерзлотных вод и намечил перспективы их эксплуатации [1, л. 79–80].

Участники Кыра-Нехаранского отряда Якутской экспедиции СОПС, в состав которого входили П.Ф. Швецов и В.П. Седов, исследовали наледь, расположенную в нижнем течении реки Кыра, впервые обнаруженную и бегло описанную руководителем Чукотской экспедиции 1868–1870 гг., колымским исправником Г. Майделем. Однако ни сам чиновник, ни работавшие после него исследователи, не смогли проследить генезис этого, одного из крупнейших на земном шаре, наледного явления [4, л. 2–4].

По итогам исследований П.Ф. Швецова и В.П. Седова подготовили и в 1941г. издали монографию. В ней впервые подробно была рассмотрена проблема образования наледей, источником которых, по мнению авторов, являются подмерзлотные глубинные воды. Хребет Тас-Хыяхтах они выделили в особенную, новую гидрогеологическую провинцию, а проблемы водоснабжения, строящихся на севере промышленных предприятий и сельского хозяйства, предложили решить за счет использования подземных вод [15, с. 78–80].

В 1939г. Комитет по изучению вечной мерз-

лоты был реорганизован в Институт мерзлотоведения (ИМЗ) им. В.А. Обручева АН СССР. Ему были переданы научно-исследовательские станции в Воркуте, Чульмане, Игарке, Анадыре и Якутске [11, с. 167]. Одновременно в столице республики было завершено строительство лаборатории Якутской экспедиции. В связи с этим в 1940 г. планировалось приступить уже к систематическим стационарным исследованиям, что дало СОПС формальное основание просить Президиум Академии наук о передаче Якутской экспедиции в ведение Института мерзлотоведения АН СССР, т.к. Совет занимался, в первую очередь, экспедиционной деятельностью. Практически решенный вопрос о передаче экспедиции осложнил пожар в лаборатории, произошедший в ночь с 1 на 2 января 1940г. В результате этого происшествия здание лаборатории полностью сгорело вместе с имуществом экспедиции, научной и финансовой документацией [1, л. 81]. Пожар с новой силой поставил вопрос о юридической принадлежности Якутской экспедиции – Институту мерзлотоведения или СОПС ввиду отсутствия стационарной базы. Оперативное решение о строительстве другого здания лаборатории способствовало тому, что 8 февраля 1940 г. Президиум Академии наук СССР «в целях концентрации научных работ по мерзлотоведению» все-таки передал Якутскую экспедицию из СОПС в состав Института мерзлотоведения [1, л. 71]. Передача формально завершилась в 1941г., когда постановлением СНК СССР было организовано первое в Якутии постоянное академическое учреждение – Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева (ЯНИМС) АН СССР.

Однако деятельность СОПС АН СССР в Якутии на этом, естественно, не прекратилась. Так, в 1941г. была организована Всесоюзная конференция по развитию производительных сил Якутии.

Следует отметить, что проведение подобных конференций, а также региональных и отраслевых совещаний по вопросам развития производительных сил отдельных республик, краев и экономических районов, отраслей и сфер народного хозяйства, как отмечают авторы коллективной монографии, посвященной истории СОПС, являлось одним из основных направлений деятельности этой организации в 1930–1940-е гг. При этом в работах наиболее крупных из них, наряду с видными учеными, активное участие принимали специалисты различного профиля центральных и местных научных, проектных, руководящих плановых и хозяйственных организаций. «Результатами таких высококвалифицированных форумов были научно обоснованные рекомендации по развитию производительных сил отдельных республик, экономических районов, отраслей хозяйства» [7, с. 19]. Первые организованные СОПС конференции были посвящены проблемам развития экономик Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Бурят-Монгольской АССР.

Всесоюзная конференция по развитию производительных сил Якутии состоялась в марте 1941 г. в Москве и была организована СОПС совместно с СНК ЯАССР. В ее работе участвовали 9 академиков, 3 член-корреспондента АН СССР и 12 докторов наук [5, л. 13–14]. Основным лейтмотивом конференции стало обсуждение текущего состояния и перспектив развития различных отраслей народного хозяйства Якутии. Так, член-корреспондент АН СССР С.С. Смирнов, Ю.А. Билибин, Г.Л. Падалка, Н.В. Петровская, В.М. Сеньюков, Г.Э. Фришенфельд и В.С. Яблоков оценили перспективы добычи в Якутии вольфрама, ванадия, висмута, золота, нефти, олова, соли и угля [14, с. 19–21]. Академик В.Н. Образцов определил направления развития транспортной системы республики: строительство железной дороги, автозимников и гравийных дорог, углубление фарватеров северных рек и притоков Лены, а также применение специальных для условий вечной мерзлоты путей сообщения (подвесные дороги, дороги на низких деревянных эстакадах) [14, с. 30]. Необходимость строительства железной дороги для промышленной эксплуатации лесного хозяйства Якутии, отметил и С.С. Горбунов. Он также сообщил о важности научного изучения лесного фонда республики, на тот момент исследованного менее чем на 4%, сооружения деревообрабатывающих и лесообрабатывающих предприятий, очертил перспективы использования якутской лиственницы в строительстве, лесохимии и внешней торговле СССР [14, с. 30–32].

Значительный интерес представляет доклад академика И.П. Бардина, который предложил решить проблему обеспечения железодобывающей продукцией населения и промышленности Якутии посредством строительства вблизи Ботомского месторождения металлургического завода. И.П. Бардин привел расчеты по оптимальному расположению завода, связанные с обеспечением его необходимым сырьем и транспортной доступностью. Кроме этого, ученый оценил потенциальные объемы производимой продукции и необходимые финансовые инвестиции в строительство завода, объектов инфраструктуры и содержание персонала, составившие сумму в 21 млн. руб. (для сравнения производство одного танка Т-34 в 1941 г. обходилось в 250 тыс. руб.). Эти затраты, по мнению И.П. Бардина, были оправданы, т.к. завод придал бы импульс развитию остальных отраслей промышленности республики [14, с. 8–16].

Однако претворить названные планы в жизнь помешала начавшаяся вскоре Великая Отечественная война. В результате лишь в конце 40-х гг. XX в. в СОПС АН СССР вернулись к идее организации в Якутии новой комплексной экспедиции. Активное

обсуждение механизмов и направленности ее реализации происходило в 1948–1949 гг., а 28 февраля 1950 г. согласно решению Президиума Академии наук СССР началась деятельность Якутской комплексной экспедиции СОПС АН СССР [8, с. 8].

Таким образом, в рассмотренный период деятельность СОПС АН СССР в Якутии в значительной мере носила ограниченный характер. Ее работа, в основном, была сосредоточена на осуществлении геокриологических, агро- и зоотехнических исследований. Вместе с тем, велась подготовка и организация крупных комплексных изысканий, проведены которые были уже в 50-е гг. XX в., и фактически привели к возникновению двух новых бюджетобразующих отраслей экономики республики – угольной промышленности и алмазодобычи.

Список литературы

1. Архив РАН (АРАН). Ф. 2. Оп.1-1939. Д. 161.
2. АРАН. Ф. 174. Оп. 106. Д. 9.
3. АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77.
4. АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 91.
5. АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 111.
6. Гранберг А.Г. О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции // Вестник Российской академии наук. – 2005. – № 12. – С. 1132–1135.
7. Гранберг А.Г., Штульберг Ю.М., Адамеску А.А. и др. Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005. – М.: ЛЕНАНД, 2005. – 176 с.
8. Ермолаева Ю.Н. Из истории трех якутских академических экспедиций // Вестник СВФУ. Серия «История. Политология. Право». – 2016. – № 1. – С. 6–12.
9. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. – Новосибирск: Наука, 2001. – 162 с.
10. Из постановления Президиума // Вестник Академии наук СССР. – 1933. – № 7. – С. 51.
11. Каменский Р.М. Что мы знаем о «вечной мерзлоте» // Вестник Российской академии наук. – 2007. – № 2. – С. 164–168.
12. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 52. Оп. 14. Д. 15.
13. Рогалевич М.И. Коневодство Якутской АССР. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 76 с.
14. Тезисы докладов на конференции по развитию производительных сил Якутской АССР. 17–22 марта 1941 г., Москва. – М.–Л., 1941.
15. Шведов П.Ф., Седов В.П. Гигантские наледы и подземные воды хребта Тас-Хаяхатах. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 83 с.
16. Ширина Д.А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII - начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1987. – С. 40–76.

УДК 316.32

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА КОММУНИКАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Томаров А.В., Романов Е.П.

Актуальность исследования обусловлена тем, что на данном этапе развития общества социальные сети играют в жизни современного человека огромную роль. Влияние социальных сетей на коммуникационное взаимодействие людей стало предметом многочисленных социологических исследований проводимых в последнее время. Цель данной статьи – проанализировать некоторые особенности развития «электронного» общения в современной России. В качестве эмпирической базы использованы результаты социологического исследования проведенного в нескольких регионах России.

Ключевые слова: социальная сеть; общество; личность; социальный институт; научная деятельность; интернет-ресурс.

The actuality of the research lies in the fact that at this stage of development of society social networks play in modern life a huge role. The impact of social networking on communication interaction people became the subject of numerous sociological studies carried out recently. The purpose of this article, see some of the features of development of electronic communication in modern Russia. As the empirical base used the results of sociological research carried out in several regions of Russia.

Keywords: social network; society; personality; Social Institute; scientific activity; Internet resource.

В современном обществе значение социальных сетей постоянно растет, одной из главных особенностей этой тенденции выступает интерактивность и свобода самовыражения. Одним из важных компонентов этого явления выступают полезные особенности данных социальных сетей, которые делают их актуальными с точки зрения возможности осуществлять социальную, политическую, правовую и агитационную деятельность, содержащую элементы обратной связи, а также возможность оперативно реагировать на запросы граждан, идущие напрямую, через социальную сеть.

Следует отметить, что это дает возможность влиять на политические и социальные процессы в обществе, оценивать и комментировать различные события, происходящие в обществе и политике. Это становится возможным благодаря открытому доступу к социальным и политическим материалам, к административным документам, находящимся на страницах различных интернет-ресурсов [1].

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что около 40% мирового сообщества использует ресурсы социальных сетей. В современной России также существует ряд социальных платформ, среди которых наиболее востребованными считают такие как «В контакте», «Одноклассники», «Твиттер», «Фейсбук» и «Мейл.ру» [2]. Актуальность данного явления заключается в том, что социальные сети постепенно становятся основным объектом распространения и тиражирования различной информации, а также способом продвижения различных концепций и идей через интернет-ресурсы.

В настоящее время многие социологические коллективы проводят различные исследования по

выявлению тенденций и закономерностей влияния социальных сетей на общественное мнение, а также определяют долю населения от общего числа россиян, для которых этот ресурс выступает наиболее важным источником информации. В качестве примера можно привести данные одного из первых масштабных социологических исследований по данной проблеме, проведенного в 2015 году среди населения РФ.

При проведении исследования было опрошено 14500 респондентов. Одной из целей проведенного исследования было выявление интенсивности использования и значимости социальных сетей для респондентов. Наиболее популярными социальными ресурсами среди россиян стали «В контакте ру» (20,4 %), «Мэйл ру» (29,4 %), «Одноклассники ру» (32,3 %). Далее исследователями было проведено ранжирование респондентов по возрастному критерию. Оказалось, что вкусы молодежи и взрослого населения в использовании социальных ресурсов различаются. Молодежь чаще всего использует для общения и получения информации социальную сеть «В контакте ру» и «Мэйл ру», взрослый контингент из числа опрошенных – «Одноклассники ру» [3, с.219].

Для выявления интенсивности использования социальных ресурсов респондентам было предложено три вопроса: «Сколько лет Вы используете социальные сети?», «Как часто вы посещаете социальные сети?» и «Сколько времени в день Вы проводите в социальных сетях?». Большинство опрошенных используют услуги социальных сетей 3–4 года (52,3%), а также ежедневно посещают социальные сети (74,5 %); в течение дня они проводят в социальных сетях не менее 6 часов. Таким образом, можно сказать, что около 80% опрошенных, для тех или иных целей,

ежедневно посещают социальные сети.

Далее респондентам был предложен вопрос, «Каким образом влияют социальные сети на Ваше общение с окружающими?» 84,5 % считают, что социальные сети особо не влияют на общение с окружающими. Отвечая на вопрос «Помогает ли Вам социальная сеть в организации личного досуга?», половина респондентов считает, что социальная сеть помогает им в организации личного досуга. Для того чтобы охарактеризовать преимущества общения в социальных сетях, респондентам был задан вопрос о том, «Что Вас больше всего привлекает в социальных сетях?».

Большая часть пользователей сетей привлекает возможность обмена мультимедийной информацией (53,8 %) и возможность общения с друзьями (49,3 %), потому что с помощью сети Интернет устанавливается канал для обмена информацией и общения с друзьями на расстоянии. Особенно важно общение со многими одновременно. Этот способ связи позволяет экономить время и деньги. Из приведенных фактов, можно сделать вывод, что «электронное» общение постепенно встает в один ряд с традиционными формами общения в повседневной жизни. При этом, как показывает исследование, здесь нет больших различий между молодежью и взрослыми респондентами [3, с. 220].

При рассмотрении стимулов в использовании социальных сетей были получены следующие данные: часть респондентов отметила, что зарегистрироваться в социальной сети подтолкнуло любопытство и интерес к новому – 34,9 %, последовали совету и рекомендации друга (подруги) – 25,8 %, так как все друзья там зарегистрированы – 24,7 %. Все это, по мнению респондентов, стало важным стимулом для регистрации в сетях [3, с.219].

При выяснении причин использования социальных сетей был предложен вопрос: «Считаете ли Вы, что главная функция социальных сетей общение?» Все опрошенные считают, что главной функцией социальных сетей является общение между собой. С помощью вопроса: «Что для Вас является основным мотивом для использования социальных сетей?», исследователи получили следующие данные: часть респондентов считает, что основными мотивами для использования социальных сетей является поиск новых друзей, одноклассников, однокурсников и поддержание связи с ними и коллегами по работе. При ответе на вопрос «Что для Вас является приоритетным при использовании услуг, предоставляемых социальной сетью?», около половины респондентов отметили, что социальные сети экономят средства и время.

Для того чтобы узнать, заменят ли социальные сети «живое» общение, респонденты должны были указать примерное число своих друзей (знакомых) в социальных сетях. Если они зарегистрированы в нескольких социальных сетях, то отметить их об-

щее количество, а также указать, с кем из них они общаются в реальной жизни (примерное число). Около 50% респондентов отметили, что в социальных сетях у них в статусе «друзья» до 200 человек. Из них, они общаются в реальной жизни, примерно с 20% пользователей из списка «друзей».

Для того чтобы охарактеризовать наличие друзей в реальной жизни, респондентам были предложены вопросы: «Есть ли в Вашей реальной жизни люди, которых бы Вы назвали друзьями?» и «Если да, то, сколько у Вас друзей в реальной жизни?». Почти у всех участников исследования в реальной жизни имеются люди, которых они назвали бы друзьями – 93 %. Почти половина из них отметили, что в реальной жизни имеют от 1 до 5 друзей. Чтобы узнать способствует ли общение формированию личностных качеств, респондентам было предложено определить влияние социальных сетей на образ жизни, на учебу и работу. Использование социальных сетей, исходя из ответов респондентов, никак не повлияло на образ жизни молодежи – 43,7%, на учебу и работу социальные сети существенного влияния не оказали [3, с. 219].

Чтобы определить количество времени использования социальных сетей в свободное время, респондентам был предложен открытый вопрос: «Чем Вы предпочитаете заниматься в свободное время?». Количество молодых людей предпочитающих гулять, общаться с друзьями и близкими – 23,7%, а провести свободное время за «электронным» общением – 53,5%. Это свидетельствует о том, что социальные сети частично вытеснили привычные формы досуга.

Особый интерес представляет факт появления зависимости от социальных сетей. Многие респонденты согласились с тем, что существует тенденция к появлению зависимости человека. Для того чтобы определить, смогут ли опрошенные отказаться от посещения социальных сетей, если они станут платными, а также отношение респондентов к ликвидации социальных сетей, исследователями были предложены следующие вопросы: «Можете ли Вы в любой момент отказаться от использования социальных сетей?», «Если социальная сеть станет платной, Вы продолжите ее использование?» и «Как бы Вы отнесетесь к закрытию социальных сайтов?». «Есть ли у Вас зависимость от социальных сетей?». Только 30% респондентов считают, что могут отказаться от использования социальных сетей. Для 60% опрошенных введение платы за использование интернет-ресурсов не станет препятствием в дальнейшем использовании. Если социальные сети будут закрыты, то для 40% участников исследования это станет определенной проблемой [4, с. 13].

Почти все респонденты согласны с тем, что зависимость от социальных сетей возрастает и это становится неоспоримым фактом. Многие считают, что следует вводить определенные ограничения на использование социальных сетей. В качестве одного

из таких ограничений был предложен вариант блокировки социальных интернет-ресурсов на рабочих компьютерах сотрудников офисов и учреждений. К сожалению, в данном исследовании по многим вопросам и полученным результатам не было проведено ранжирования по возрастным и гендерным признакам.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные сети и интернет в настоящее время стали частью повседневной жизни почти каждого человека на планете. Более половины всего мирового сообщества зарегистрировано в социальных интернет-сообществах. Это подтверждает тот факт, что уже сейчас многие люди не представляют свою жизнь без социальных сетей. Во многом благодаря высокому уровню анонимности и доступности можно выстроить доверительные отношения с различными людьми, не опасаясь при этом негативных последствий, в случае неудовлетворенности от общения с каким-либо человеком можно просто выйти из сети или поменять ее [5, с. 357].

Для социальной сети не имеет значения социальный статус, внешний вид, возраст, пол, образование. В какой-то степени она позволяет сформировать новую идентичность, создать новый образ и осуществить потребности, не реализуемые в реальной жизни. В социальных сетях можно общаться с людьми, с которыми в повседневной жизни встретиться невозможно, например, из-за проживания в разных государствах. Именно поэтому многие социологи сходятся во мнении, что социальные сети это новый и

специфичный социальный институт роль которого будет только расти [6, с. 24].

С другой стороны, многие считают, что социальные сети ограничивают личностные отношения людей, ведут к безграмотности и «засоренности» языка. Особенно следует отметить отсутствие правовой составляющей рассматриваемого явления. Так, пока очень сложно регулировать информацию, размещенную на ресурсах социальных сетей: мы не можем контролировать простое общение социумов, более того не можем оценить законность различных контентов, часто нарушающих действующее законодательство РФ.

Список литературы

1. Рейтинг стран по количеству пользователей Интернетом 2012 г. // URL: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>
2. Рейтинг самых популярных социальных сетей в России // Коммерсантъ – 06.03.2012 – № 40. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1887743>
3. Сидоров А.И., Мухарлямова А.Ю. Социальные сети и их влияние на молодежь. // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 7 (2). С. 219-220;
4. Батура Т. В. Методы анализа компьютерных социальных сетей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2014. Т. 10. № 4. С. 13.
5. Базенков Н. И., Губанов Д. А. Обзор информационных систем анализа социальных сетей // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. С. 357.
6. Сивоголовко Е. В. Методы обобщающей кластеризации при анализе социальных сетей // Программные продукты и системы. 2015. № 4. С. 24.

УДК 321.01

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М. ВЕБЕРА

Томарова С.М., Томаров А.В.

В статье представлен анализ понятия, структуры и типов политического господства в социологической теории М. Вебера. Актуальность этой теории объясняется повышенным интересом современных политологов и социологов к некоторым аспектам политического господства. Автором предпринята попытка оценить прикладное значение данной типологии для современной политической и социологической науки. Значимость теории М. Вебера состоит, в том, что она представляет собой совокупность различных типов легитимности и является своеобразным фундаментом для построения современных концепций политического лидерства.

Ключевые слова: Макс Вебер, политическое господство, легитимность, власть, харизма, лидерство.

The article presents an analysis of the concept, structure and types of political domination in the sociological theory of M. Weber. The relevance of this theory is explained by the increased interest of modern political scientists and sociologists to certain aspects of political domination. The author made an attempt to evaluate the applied value of this typology for modern political and sociological science. The significance of M. Weber's theory is that it is a collection of different types of legitimacy and is a kind of foundation for building modern concepts of political leadership.

Keywords: Max Weber, political domination, legitimacy, power, charisma, leadership.

Теории М. Вебера были подробно рассмотрены многими учеными и исследователями разных стран. В статье представлена теория политического господства, которую М. Вебер разрабатывал с целью ее практической реализации в политической системе Германии. Политическое господство он определял, как особую форму власти, которая представляет собой возможность осуществления отношений подчинения между индивидами. Главной чертой политического господства он считал способность аппарата управления поддерживать порядок на определенной территории с помощью монопольного права государства на насилие или угрозы. В своей статье «Политика как призвание и профессия» М. Вебер отмечал, что любой вид господства требует постоянного управления, которое обеспечивается путем корректировки поведения подчиненных. При этом решающая роль отводится таким инструментам воздействия на подчиненных, как аппарат управления и различные материальные средства управления [1, С. 648].

Типология политического господства разрабатывалась М. Вебером на основе так называемых «идеальных, чистых типов». Идеальный тип представляет собой особую конструкцию, которая призвана изучать объективную реальность через призму «особых» сторон предмета, тем самым упростив классификацию типов господства.

Социологическая структура политического господства включает в себя три элемента. Во-первых, это элита, образующаяся в результате дифференциации задач управления. Во-вторых, это государственный штаб управления и, в-третьих, это массы «подчиненные господству». Элита обладает особым статусом, который основывается на нескольких отличительных особенностях данной группы таких, как пси-

хологическое сплочение элиты ввиду их меньшего количества, закрытость процесса принятия совместных решений внутри элиты.

Таким образом, М. Вебер определил три элемента составляющих структуру господства: политическая элита, функционеры (аппарат управления) и подчиненные массы.

Характеризуя особенности господства, М. Вебер отмечает, что господство – это особая форма власти, которая всегда нуждается в определенном «самооправдании». Это одно из принципиальных условий для существования господства, потому что без признания массами права элиты на власть ни о каком господстве не может быть речи. Чтобы его получить, необходимо создать правдоподобную «легенду», которая возвышала бы данную форму господства в глазах общества, как воплощение общих желаний и надежд. Это должно способствовать признанию власти обществом, иными словами, легитимности власти. Поэтому господство может существовать только в условиях полной легитимности [1, С. 120].

Между этими двумя понятиями в своей типологии М. Вебер ставит знак равенства, потому как одно не может существовать отдельно от другого. Именно поэтому, многие исследователи, типы господства называют типами легитимности, принципами легитимной власти и даже типами лидерства. Легитимной, выступает власть, с которой люди согласны и готовы добровольно подчиняться, а под «легитимацией» принято понимать «процедуру общественного признания какого-либо действия, действующего лица, события или факта» [2, С. 151].

М. Вебер считал, что любое добровольное подчинение может быть обусловлено только авторитетом субъекта власти. Он выделил три вида такого

авторитета, или «внутреннего оправдания» людьми своего подчинения тому или иному субъекту. В его понимании господство может иметь различные основания. Это могут быть рациональные интересы, личная преданность и вера в священное происхождение правителя и его власти и даже определенная влюбленность, когда люди на эмоциональном уровне становятся сторонниками того или иного лидера [3, С. 260].

Таким образом, первый тип политического господства представляет собой приоритет легальности власти и признание ее как рационально обоснованной. Второй – это авторитет нравов или «традиционное» господство. Третий тип – это харизма правителя, включающая в себя личную преданность и доверие членов общества.

В основе традиционного господства лежит вера в священное происхождение власти и тех порядков, к которым эта власть призывает. Структура правления при таком типе господства строится по следующему принципу: тип начальника – «господин», его ближайшие приближенные – верные и лично преданные слуги, остальные подчиненные – «верноподданные». Существует две разновидности традиционного господства это патриархальное и сословное. В первом случае слуги находятся в личной зависимости от правителя, во втором главную роль играет принцип сословных прав и привилегии.

Политолог М. Доган, в своих работах анализируя теорию М. Вебера, сделал вывод о невозможности ее полноценного применения в политической модели современных государств. Он отмечал, что в традиционном типе, современная наука нуждается меньше всего. В существующих современных монархиях власть правителя ограничивается исключительно декоративной или символической ролью. Поэтому, как считает М. Доган, можно сказать, что традиционная легитимность «господина и его слуг» практически исчезла [3, С. 258].

Второй тип легитимности или господства – харизматический. Для Вебера харизма представляет собой сверхъестественные свойства личности, «божественный дар», благодаря которому становится возможным подчинить себе массы. Она рассматривается как посланная богом или как образец [4, С. 141]. Механизм харизматического господства заключается в том, что люди верят в избранность лидера, в его предназначение быть руководителем, а «носитель харизмы», в свою очередь, поддерживает свой имидж и старается принимать решения, через которые транслирует свои уникальные качества.

Следует отметить, что именно харизматический тип господства стал предметом споров многих ученых. Эти споры возникли на почве того, что М. Вебер уходил от вопроса о тех ценностях, которые несут харизматические деятели. Именно поэтому многие политологи обвиняли М. Вебера в том, что его концепция «харизматического лидерства» спо-

собствовала восприятию и принятию фашизма различными социальными группами немецкого общества в 30-х годах XX века.

Третьим типом легитимности или господства, М. Вебер определил легально-рациональное, бюрократическое, или рационально-правовое господство. Оно основано на легальности регламентов и права отдавать распоряжения, которыми обладают те, кто осуществляет господство. По своей природе данный тип абсолютно рационален и поэтому противоположен иррациональному харизматическому лидерству.

Ключевыми звеньями легального господства выступают чиновники, определенные правила. Главной чертой этого типа легитимности выступает обезличенность любых связей и взаимоотношений. Все участники, обязаны соблюдать и следовать строго закрепленным нормам и правилам политической системы. Система управления может состоять только из профессиональных чиновников и специалистов. М. Вебер особо отмечал особую роль бюрократии, считая, что бюрократия не может находиться на вершине власти, без этого элемента системы невозможна деятельность аппарата управления. Ошибки или неэффективные управленческие решения приведут к проблемам и серьезным нарушениям в работе всей управленческой системы [5, С.41].

Второй тип, по мнению А. Дибирова – «харизматическая» легитимность, основанная на очевидном превосходстве самого субъекта над всеми прочими. Однако сам факт того, что массы готовы принять в качестве своего лидера человека, чьей особенностью является наличие особого дара (харизмы), может означать наличие неких норм и правил в данном обществе. Следовательно, харизматический тип не имеет права на существование. Поэтому А. Дибиров считает выбранную М. Вебером терминологию не совсем корректной.

Многие современные политологи оценивают типологию легитимности М. Вебера с позиции возможности ее наложения на современную политическую реальность. По мнению Е. Хавановой, эта концепция объясняет многие политические процессы конца 80-х гг. начала 90-х гг. XX века на постсоветском пространстве [6, С. 176].

В заключении стоит отметить, что единой точки зрения на объективность теории политического господства М. Вебера не существует, а вопрос об актуальности данной концепции вызывает споры среди исследователей, которые приводят их к совершенно разным выводам.

Предложенные идеальные типы, которые использовал М. Вебер для построения своей типологии господства, служат оправданием для любых критических замечаний со стороны современных исследователей. В силу того, что М. Вебер предполагал смешение различных типов лидерства в рамках одного государства, дискуссия о рациональности их разделе-

ния представляется не рациональной. Значимость фундаментальной теории М. Вебера состоит, прежде всего, в том, что она представляет собой совокупность концентрированных свойств различных типов легитимности и является своеобразным фундаментом для построения современных концепций политического лидерства.

Можно сказать, что представленная теория продолжает оставаться объектом многочисленных дискуссий, не подлежит сомнению тот факт, что политические взгляды М. Вебера оказали огромное влияние на развитие политической науки и стали фундаментальными основами для многочисленных исследований в общественных науках.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения // М. Прогресс, 1998. 808 с.
2. Вебер М. Политические работы, 1895-1919 гг. // М. Практис, 2003. 422 с. 3. Дибиров А. Устарела ли концепция легитимности М. Вебера? // Социально-гуманитарные знания. 2002. №3. С. 258-268.
4. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. 1994. №6. С. 147-155.
5. Федотова В. Г., Кросс Ш. Православие, Вебер и новый русский капитализм // ОНС. 2006. №2. С. 41-51.
6. Хаванова Е. И. Современность как вечное свойство научной классики: Макс Вебер // Полис. 1995. №4. С. 176с.

УДК 9(с)24

ПРОКУРАТУРА УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И СЕЛО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Филатов В.В.

В статье анализируется деятельность органов прокуратуры Урала во второй половине 1920-х гг. Важно было выяснить, насколько эффективно действовала прокуратура по защите прав человека и, прежде всего, крестьянства. Исследование показало, что прокуратура, как и все правоохранительные структуры того времени, добивались от селян беспрекословного выполнения указаний вышестоящих органов по социалистическому переустройству деревни в ущерб собственным интересам.

Ключевые слова: прокуратура, Уральский регион, крестьянство, суд, протест, надзор.

The article analyzes the activities of the prosecutor's office of the Urals in the second half of the 1920s. It was important to find out how effectively the prosecutor's office worked to protect human rights and, above all, the peasantry. The study showed that the prosecutor's office, like all law enforcement agencies of that time, sought from the villagers unquestioning to follow the orders of higher authorities for the socialist reorganization of the village to the detriment of their own interests.

Keywords: prosecutor's office, Ural region, peasantry, court, protest, supervision.

Органы прокуратуры являлись в определенной степени сдерживающим фактором в деятельности правоохранительных структур. При всех трудностях деятельности прокурорских работников, нельзя не отметить, что именно они чаще, чем другие органы юстиции, вступались за права граждан. Стоило власти ослабить давление на правоохранительные органы, начать кампанию за революционную социалистическую законность, прокуратура проявляла все необходимые качества в защите интересов населения.

С научной точки зрения важно исследовать основные тенденции прокурорской работы в столь сложное время перехода от новой экономической политики к форсированной модернизации. Это касается, прежде всего, надзора прокуратуры за уголовными делами, работе с жалобами населения, организаторской деятельности.

Классовый подход, социалистическое правосознание выдвигались на первый план, и эффективность работы прокуратуры во многом определялась отношением к чуждым элементам, мешавшим строить социализм. Основной функцией прокуратуры являлся надзор за осуществлением правосудия и правомерности деятельности органов власти. За 1926г. органы прокуратуры Башкирии просмотрели 1173 постановлений органов власти, из них опротестовали 168, предложили отменить 30 постановлений в кантонах. Обязательных постановлений кантональных органов было просмотрено 73 и опротестовано из них шесть, опротестовано помощниками прокурора кантонов 28 постановлений. За год в прокуратуру поступило 529 жалоб, из них рассмотрели 489. Прокуратура принимала участие в работе пленума Главсуда. Из вынесенных ею 85 протестов отклонили только пять [5, с. 803]. Всего в 1927г. прокуратура СССР опротестовала 39,2 тыс. постановлений местных органов власти, половина которых касалась незаконного на-

ложения штрафа, треть – лишения избирательных прав и арестов, 8,6% – нарушений земельного законодательства [7, с. 166].

Участие прокуратуры в судебных заседаниях уголовно-судебного отделения губернских судов в 1927г. выразилось в том, что более 30% дел было рассмотрено при ее надзоре, тогда как в автономных областях этот показатель поднимался до 54%. В первом полугодии 1927г. в окружных судах Уральской области прокуроры участвовали в 30,4% заседаний и в 22,4% – во втором полугодии. В 1927г. работники прокурорского надзора РСФСР принимали участие в судебных заседаниях народных судов по 14,6 тыс. уголовным делам (1,9% от всех дел). По сравнению с 1926г. увеличение составило 0,5%. Из всех выступлений на деревню приходилось 44%.

Участие прокуратуры в уголовно-кассационных отделениях губернских судов за 1927г. составило 44,9% всех рассмотренных дел. Например, в Вотской области прокуроры давали заключения по всем делам. В Оренбургской губернии прокуроры участвовали в рассмотрении 2/3 всех уголовных дел.

Кассационная и надзорная практика по уголовному процессу (просмотр разрешенных дел и принесение протестов) выразилось в том, что за 1927г. прокуратурой РСФСР было просмотрено 212,6 тыс. приговоров всех судов. В РСФСР по истребованным делам прокуратурой было принесено протестов: на приговоры губернского суда по кассационным жалобам – 351, в порядке надзора – 458, на приговоры народного суда кассационные и в порядке надзора – 8,6 тыс., на определения уголовно-кассационных отделений судов – 1,1 тыс.

Всего было подано 10,5 тыс. протестов. Кроме того, 1,3 тыс. протестов на постановление распорядительных заседаний нарсуда и 363 – на постановление распорядительных заседаний губернских су-

дов. По сравнению с 1925г. количество протестов прокуратуры возросло на 1/5.

В Верховный суд РСФСР за 1927г. было внесено 13,9 тыс. кассационных жалоб и 0,8 тыс. протестов прокуратуры. Из кассационных жалоб были удовлетворены полностью или частично (приговоры отменены или изменены, смягчена мера социальной защиты и т.п.) в 35,3% протестов. Большой процент отклоненных Верховным судом протестов при недостаточной активности прокуратуры по опротестованию приговоров губернских судов свидетельствовал о неблагополучии в этой области.

В некоторых регионах прокуратура проявляла стремление оспорить произведенную судом первой инстанции оценку представленных по делу доказательств, что входило в противоречие с УПК. Реже выносились протесты по одним лишь формальным нарушениям, не повлиявшим на вынесение правильного приговора [3, с. 1079-1082].

Наибольшую нагрузку прокуроры несли при обжаловании приговоров судов. Им приходилось ликвидировать брак досудебного и судебного расследования. Причем следственный аппарат находился в их подчинении, и ошибки на начальном этапе расследования являлись, прежде всего, виной прокуратуры. Например, доля обжалованных приговоров среди всех приговоров в Уральской областной прокуратуре составляла в первом полугодии 1928г. 22,1%, во втором полугодии – 18,8%, а в первом полугодии 1929г. – 29,1% [14, л. 126].

Незаконные аресты и осуждение невиновных из-за недостаточного влияния на этот процесс прокуроров приводили к перегруженности мест заключения. Прокуратура Башкирии в феврале 1928г. обращалась к прокурорам кантонов с просьбой строго выполнять Уголовно-процессуальный кодекс. В письме говорилось о том, что «ряд кампаний и практика увеличенной карательной санкции за последний период привели к крайней перегруженности мест заключения кантонов и особо центрального исправительного труддома. Крайне ограниченное материально-финансовое состояние мест заключения усугубляет тяжелое положение содержащихся под стражей» [16, л. 13].

Особенно тяжело приходилось прокуратуре во время различных хозяйственно-политических кампаний и, прежде всего, при хлебозаготовках. Партийные комитеты были недовольны тем, что приговоры даже при чрезвычайных обстоятельствах могли обжаловаться, и приходилось наказывать так называемых перегибщиков, использовавших в заготовках неправовые методы воздействия на «несдатчиков». Прокурор Башкирии, выступая на пленуме обкома партии (1928г.), заметил, что некоторые возмущаются тем, что осужденный может обжаловать приговор в высшей инстанции, и с сожалением добавил: «Что делать?! Такое уж положение!».

Прокуратура не принимала никаких мер к

перегибщикам. Республиканский прокурор объяснял все просто: «Да, мы никаких мер по отношению к этим товарищам не принимали потому, что катастрофическое положение состояния хлебозаготовок для нас было не менее ясно, чем этим товарищам, потому, что мы знаем тяжесть, которая легла на плечи товарищей, которые месяцами рыскали по амбарам и искали хлеб. Мы, учитывая эту тяжесть, не могли, не имели морального права встать в прокурорскую позу... и обком нас одернул бы и дал по шапке» [6, л. 168].

В подобной ситуации виновных не оказалось. Обстоятельства диктовали чрезвычайные меры и перегибы. Товарищи не могли быть осуждены, они были вынуждены творить беззаконие, наказание нарушителей не предусматривалось. Чрезвычайная ситуация диктовала вседозволенность и прощение виновных в беспределе.

Как говорила на пленуме Уралобкома ВКП(б) (октябрь 1929г.) член коллегии Наркомата юстиции Ф. Нюрина: «Прокуратура не РКИ,... прокуратура и суд работают в конкретной обстановке классовой борьбы, которую они не могут и не имеют право недооценивать». Далее в ее словах звучала суть классового подхода в прокурорской работе: «Наши законы охраняют интересы государства, затрагивают интересы отдельного гражданина, даже из социально близких слоев, надо в достаточной степени учесть, в какой мере защита его интересов соответствует в данный момент и в данных условиях задачам государства в целом».

Высокопоставленный работник НКЮ в своем замысловатом выступлении отметила, что «во всех случаях перегибов, когда интересы отдельных лиц ущемлялись даже общественностью, прокуратура предпринимала те или иные шаги для восстановления законности, и при этом бывали нередко случаи, когда терялась перспектива, упускались интересы целого ряда лиц, получался провал не только в смысле получения необходимого хлеба, но и в смысле завоевания политического капитала». По ее мнению, зря паниковали прокуроры, говоря, что теряется уважение к закону. Однако, напротив, крестьянство прониклось уважением к настоящей пролетарской классовой законности [13, л. 32].

Высказывание товарища Нюриной отражало переход права на новые рубежи. Интересы государства были превыше всего. Ущемление прав граждан не считались нарушением, т.к. страна нуждалась в хлебе.

Характерные ошибки в надзорной работе прокуроров в конце 1920-х гг., с точки зрения Наркомюста, проявлялись в следующем. В циркуляре НКЮ РСФСР (май 1929г.) «О работе прокуратуры в области судебного надзора» указывалось на ряд дефектов в этой деятельности. В связи с повышением квалификации работы кассационных инстанций отпадала необходимость сплошного контроля за разбо-

ром каждого кассационного дела. Участие прокуратуры сохранялось при рассмотрении кассационных дел, связанных с высшей мерой наказания.

Из поступавших в Прокуратуру РСФСР жалоб, было установлено, что в некоторых судах дела о взыскании гарнцевого сбора разрешались не в соответствии с законом. Вместо уплаты разницы между рыночной и конвенционными ценами за неуплату описывалось и продавалось имущество крестьян.

Вместо сплошного просмотра дел по всем приговорам прокуратуре предлагалось ограничиваться только отдельными категориями дел: дела, по которым судом вынесены оправдательные приговоры; дела о преследованиях рабселькоров и общественников; дела о должностных преступлениях; дела о других преступлениях, на борьбе с которыми, в силу тех или иных причин, заострено особое внимание партии и общественности в связи с поступившими жалобами.

При проверке обоснованности приговоров прокуратура должна была учитывать материалы предварительного расследования (за которые отвечала прокуратура) и те изменения, которые в дело были внесены судебным следствием. При обнаружении нарушений, допущенных судом, прокуратура опротестовывала приговор.

Районные помощники прокуроров должны были рассматривать приговоры нарсудов также по отдельным категориям уголовных дел, имевших общественно-политическое значение: дела о бюрократизме и волоките, о должностных преступлениях в низовом административном аппарате; дела о лжекооперативах и лжеколхозах; дела о нарушении закона о национализации земли; дела, вытекавшие из классового расслоения деревни, эксплуатации бедноты и батрачества и кабальных сделок; дела о преследовании селькоров и т.п. Прокуроры при работе с жалобами должны были разбирать их тщательным образом. Вместо общих фраз требовалась короткая, но конкретная справка по основным моментам существа дела [4, с. 467, 468].

Перед прокурорскими работниками ставилась задача надзора за соблюдением революционной законности. И это говорилось после беззакония во время хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. [11, с. 10-56]. В задачу прокуратуры входило восстановление законности. Обострение классовой борьбы обязывало прокуроров применять более жесткие меры к так называемым контрреволюционерам. Они должны были следить, в первую очередь, за правоприменением в отношении классовых врагов.

14 мая 1929г. Уголовно-кассационная коллегия (УКК) Верховного суда РСФСР разъясняла необходимость учета социально-политической обстановки при определении степени социальной опасности преступления. Как отмечалось в ее докладе, «обострение классовой борьбы в городе и деревне поставило перед УКК вопрос о пересмотре подхода к тем видам преступлений и действий, которые непосредственно свя-

зывались и вытекали из этого обострения. Социальная опасность некоторых видов преступлений резко повысилась. Действия, которые до этого обострения классовой борьбы не рассматривались как преступления, в изменившихся условиях заключали в себе ту степень социальной опасности, которая обуславливает собой целесообразность и необходимость преследования их в уголовной порядке».

В докладе указывалось, что преступлений, предусмотренных ст. 58-10 УК РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) в 1927г., почти не было, а в 1928г. в производящих хлебных районах это преступление приобрело массовый характер. По-иному стали применяться и ст. 107 УК (скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления) в связи с хлебозаготовительным кризисом 1927/28 г. Постановление Президиума Верховного суда, исходя из этого доклада, предлагало в будущем учитывать каждое изменение социально-политической обстановки, влияющей на степень социальной опасности преступлений. В связи с ростом террористических актов требовалось осуществлять самый жесткий подход по преступлениям, предусмотренным ст. 58-8 (совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций). По ст. 58-10 УК суровые наказания необходимо было применять, когда эти преступления совершали нетрудовые элементы, и они были субъективно и объективно социально опасны. В остальных случаях подход к этому виду преступлений характеризовался учетом социального положения осужденного и мотивов, которые толкнули его на совершение преступления.

Жестким должен быть подход и в случаях установления либо сознательного вредительства, либо объективно контрреволюционных последствий. В то же время подчеркивалось, что «расширительного толкования судами контрреволюционных мотивов и последствий преступления УКК допускать не должна» [9, с. 620-622].

Важным участком работы прокуратуры с населением и арестованными являлся разбор жалоб. Количество жалоб в Уральской областной прокуратуре возросло за 1927-1928 гг. в 1,8 раза – с 28,1 тыс. до 49,7 тыс. Особенно резко, в 4,7 раза, увеличились жалобы на неправильное самообложение (с 0,7 тыс. до 3,2 тыс.). Из всех жалоб 41,3% приходились на крестьян [2, л. 42, 43].

Не меньше жалоб имелось и на действия властей во время хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Произвол, царивший в селе, в 1928 г. вызвал массовый поток жалоб в правоохранительные органы. В Вотскую областную прокуратуру за тот год поступи-

ло 2,6 тыс. жалоб, из которых 0,3 тыс. касалось незаконного привлечения к уголовной ответственности [15, л. 26]. Нажим на крестьян не замедлил сказаться и на сокращении поголовья скота. В 1930 г. по сравнению с 1927г. количество лошадей в Уральской области уменьшилось на 19,5%, в Башкирии – на 4,5%, крупного рогатого скота – в 1,6 раза и в 1,2 раза соответственно [10, с. 137, 174].

В организации работы прокуратуры дестабилизирующим фактором являлось направление прокуроров непосредственно в деревню в качестве уполномоченных и для расследования дел на месте. Такой метод первоначально поощрялся, отчеты показывали, сколько дней прокурорами проведено в деревне, сколько раз они выступали с докладами, сколько человек арестовали и т.д. В Вотской области в 1927г. в деревню выезжали четыре областных и 26 уездных работников прокуратуры, в следующем году – уже 17 областных и 41 уездный работник. Если в 1927г. областные прокурорские работники провели в селе 68 дней, то в 1928г. – 200 дней, а уездные – 259 и 281 день соответственно [12, с. 125]. Во время хлебозаготовок, по данным председателя Уральского областного суда и областного прокурора, работники суда и прокуратуры 75% рабочего времени проводили на хлебозаготовках [1, л. 187].

Работники прокуратуры Башкирии в 1929г. 630 дней провели в деревне, осуществляя так называемое живое руководство. И это проходило в то время, когда прокуроров не хватало, и они были перегружены. Так, в Белебеевском кантоне один прокурор в 1930г. обслуживал 60 тыс. человек населения [8, с. 13].

Как показал анализ деятельности органов прокуратуры на Урале, она не была лишена недостатков. В своей профессиональной деятельности прокурорам под нажимом вышестоящих структур приходилось отступать от цивилизованных норм процессуального права и в отдельных случаях даже от кодексов и законов, формально существовавших в СССР. Оценка деятельности прокуратуры по применению классового подхода к обвиняемым предполагала в революционной целесообразности поступаться общепризнанными принципами права.

Опыт деятельности прокуратуры в Уральском регионе мало чем отличался от других регионов

страны. Отмечена лишь особая жесткость в применении репрессий в ходе заготовок сельскохозяйственной продукции. В своей повседневной работе прокуроры должны были руководствоваться социалистическим правосознанием и классовой ненавистью к врагам социализма.

Прокуроры выносили протесты на неверные решения местных властных структур, судебные приговоры, разбирали жалобы населения. Все это в определенной степени сдерживало произвол. Однако их права, установленные законом, часто ограничивались. Прокуроры сами нарушали права человека и сами же опротестовывали решения судов, к которым были причастны. Большой удельный вес отмененных приговоров, переквалифицированных дел, свидетельствовал о качестве не только судебной, но и прокурорской работы.

Список литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 369.
2. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 51.
3. Еженедельник советской юстиции. – 1928. – №40-41.
4. Еженедельник советской юстиции. – 1929. – №20.
5. Еженедельник советской юстиции. – 1927. – №26.
6. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 7. Д. 1.
7. Основные итоги работы правительства СССР. К переизбору советов 1928-1929 гг. М., 1928. – 384 с.
8. Советская юстиция. – 1930. – №7-8.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы в 5-ти т. Т. 1. (май 1927 – ноябрь 1929 г.). М.: РОССПЭН, 1999. – 880 с.
10. Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. – 264 с.
11. Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: продуктовые и денежные повинности: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2007. – 370 с.
12. Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: функционирование карательной системы: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. – 245 с.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 7. Д. 15.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 324.
15. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 357. Оп. 1. Д. 157.
16. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. 1419. Оп. 2. Д. 47.

УДК 304.2

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РЕКЛАМЕ

Маттила Х.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью описать технологии конструирования образа идеальной женщины в средствах массовой информации и рекламе. В связи с этим в данной статье был проведен анализ различных способов репрезентации женского образа и дана оценка современного представления о женской красоте. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы, находящейся на стыке научных интересов ряда гуманитарных дисциплин, является комплексный анализ текста. Полученные результаты имеют не только теоретическое, но и практическое значение прежде всего для специалистов, работающих в области журналистики, рекламы.

Ключевые слова: женщина, гендер, средства массовой информации, реклама.

The relevance of the article is determined by the need to describe the technology of designing the image of the ideal woman in the media and advertising. In this regard, in this article the analysis of various ways of representation of a female image was carried out and the assessment of a modern representation about female beauty is given. A leading approach to the study of this problem, which is at the intersection of the scientific interests of a number of Humanities, is a comprehensive analysis of the text. The results obtained are not only theoretical, but also practical importance primarily for professionals working in the field of journalism, advertising.

Keywords: woman, gender, mass media, advertising.

Неотъемлемым элементом мировой культуры являются различные женские образы, выступающие как эстетические объекты и представители культурных ценностей, и, будучи ориентиром для реальных женщин, они способны не только отражать, но и формировать социальную реальность. Поэтому образы женщин и их репрезентация в массовой культуре является объектом изучения многих научных направлений.

История использования женского образа уходит в далёкое прошлое из-за того, что женское тело стало частью общества потребления. Объединение женского тела и моды произошло в буржуазно-пуританскую эпоху, что свидетельствует о двойном отношении индексации: зависимости моды от скрытого тела и зависимости женщины от скрытого пола. Сегодня происходит стирание границ между телом и одеждой, поэтому и связь моды и женщины тоже стирается.

Изменился и стиль рекламы, и всеобщая десексуализация стала новой рекламной тенденцией. Расколдовав знаки тела, производители рекламы превратили тело в манекен, ведь «манекен всецело сексуален, но пол у него – бескачественный. Его пол – мода» [3, с. 186]. Опасность заключается в том, что сегодня вместе с женским образом стирается и феномен женственности. Гендер и феминизм переплелись с идеологиями либерализма и консерватизма. Таким образом, сама политическая идеология, утратив свой статус доминирования в политическом режиме, уступила место социальной идеологии, вплетая свои ценности в неё.

Одним из самых соблазнительных и желае-

мых и соответственно одним из самых главных символов в мифологии потребления стала женщина, ее образ, включая ее тело, которое является одновременно и инструментом, и средством; далее по силе эффекта привлекательности следуют дети, затем животные, особенно домашние, и только потом мужчины. Эта феноменология объяснима как психологически, так и с точки зрения обыденно-практического мышления. Как отмечал в начале 1960-х гг. Ж. Батай, теоретически мужчина может быть объектом желания женщины в такой же степени, в какой женщина является объектом желания мужчины [2]. Нельзя сказать, что женщины более прекрасны или более желаемы, чем мужчины, однако в большинстве случаев женщины более доступны, чтобы быть желаемыми. Несмотря на радикальное изменение социальной жизни общества в последнее десятилетие, женщина по-прежнему смотрит на себя глазами мужчины, представляя себя объектом его желания.

Методику «прочтения» вербальных и визуальных компонентов культуры разработала Т.Ю. Дашкова, подробно рассмотрев способы формирования советского образного канона и репрезентации советских женских образов в массовом дискурсе 1920-1930-х гг. [8]. Данная методика основана на постструктуралистском подходе, который отрицает социальность, структуру и систему, но провозглашает индивидуальность и субъективность восприятия образов, анализируемых как текст по принципу интертекстуальности, подразумевающим цитатность, метафоричность, учет влияния господствующей идеологии. Суть методики, которую Т.Ю. Дашкова назвала «рефлексией процесса разглядывания» [8, с. 38], за-

ключается в прочтении изображений и текста посредством двух режимов восприятия: сначала происходит культурная идентификация, затем удивление, которое помогает выявить противоречия привычному и/или общеизвестному. Кроме того, все необычное должно быть зафиксировано, описано и по возможности проинтерпретировано, что позволяет провести детальный эмпирический анализ массовых представлений о женщине, труде, семье, детях, супружеских отношениях, репрезентированных в визуальных источниках (кинематографе, иллюстрациях в журналах, плакатах, листовках) и дополненных идеологически нагруженными текстами.

Проведя эмпирический анализ женских образов и визуального канона женского тела и особенно таких деталей, как лицо, макияж, стрижка, фигура, стиль одежды, Т.Ю. Дашкова пришла к выводу о доминировании в начале 1930-х гг. двух типов женской телесности, противоположных друг другу:

- рафинированная, изнеженная «артистическая женщина»;
- коренастая, мужиковатая, физически сильная женщина «рабоче-крестьянского» типа [8, с. 43].

Оба образа перестали использоваться к концу 1930-х гг. из-за «курса на женственность». Также Т.Ю. Дашкова проанализировала ситуации показа, выяснив, что если в 1920-х – начале 1930-х гг. женщины чаще всего изображались на рабочем месте, на митингах или партийных слетах, собраниях, то с середины 1930-х к этим визуальным репрезентациям добавились изображения героинь на торжественных собраниях, во время учебы, на празднике или отдыхе.

В результате исследования визуальных репрезентаций женских образов в массовом дискурсе 1920-1930-х гг. Т.Ю. Дашкова обстоятельно доказала, что именно массовые журналы являлись одним из основных трансляторов властных стратегий, так как идеология легитимировала себя не только через вербальные тексты, но и при помощи визуальных образов.

Ж.В. Жармухамедова, изучая репрезентацию женских образов в советских СМИ 1920-1960 гг. [9], проанализировала трансформацию двух основных иконографических образов женщины-труженицы и женщины-матери, используя семиотическую методологию Р. Барта [1], которая применяется, как правило, для семиотического анализа идеологических аспектов визуальных знаков и образов. Она подразумевает два модуса прочтения изображений:

- *stadium*, то есть отношение к изображению как некоторому политическому и историческому свидетельству;
- *punctum* – выделение изображений, имеющих некие чувственные точки, вызывающие удивление.

Здесь важен принцип субъективности, так как, согласно Р. Барту [1], именно зритель выбирает, будет ли интерпретировать значение изображения,

созданное автором, или нет. В результате проведенного анализа Ж.М. Жармухамедова выяснила, что визуальный образ «женщина-в-работе» в 1920-1930-х гг. репрезентировался как «человек-станок», то есть изображался трудовой процесс, а не конкретный человек, а в 1950-1960-х гг. эта слитность женского тела и «механизма» распадается, что обусловлено акцентированием на участие человека в трудовом процессе [9].

Образ советской женщины, культивировавшийся в советском массовом сознании, включал какие угодно параметры, но не ориентацию на внешность. Ни о какой стильности, сексуальности, даже физической красоте речи не было: женщина-мать, женщина-стахановец, колхозница, комсомолка-активистка, Валентина Терешкова и др.

Ранняя советская культура одинаково отвергала как буржуазный потребительский подход к жизни, так и коммерческую установку на доминантность сексуальности в женской красоте, предлагая свое решение вопроса: широко пропагандировался новый тип женственности, основу которой составляли «естественность», «здоровье», «гигиена» и полный отказ от использования декоративной косметики [6, с. 41]. Любой намек на провоцирующую сексуальность в одежде, макияж или особую манеру держаться вызывал резкое осуждение.

Советские женские журналы энергично насаждали новые правила хорошего вкуса и поведения. «Образцовая советская “красавица” сталинской культуры должна была придерживаться следующих основополагающих принципов женственности: “аккуратность/опрятность”, “чистота”, “профессионализм”, “скромность” и только в особых случаях – “нарядность”» [7]. Такие принципы составляли основу языка тела для представительниц советского среднего класса и диктовали им нормы женской «приличности» и «культурности» вплоть до конца советской эпохи. Неудивительно, что эти постулаты применялись и в воспитании, и в обучении девочек, постигавших этот обязательный советский женский язык тела.

Женские образы концептуализировались и трансформировались при изменении советской официальной идеологии [4, с. 250], а репрезентация советской женщины зависела от условий советской культуры, например, носила коллективный и обезличенный характер, обусловленный представлением о том, что движение к «новому обществу» осуществляется сообществом единомышленников. Важно подчеркнуть, что идеальный образ советской женщины обладал противоречивыми характеристиками: «активность в общественно-политической жизни – несамостоятельность и зависимость от мужчины-партнера», «установка на успехи в работе – установка на материнство и воспитание детей», «стремление выделиться из толпы – стремление быть как коллектив, как все» и др. Противоречивость идеала совет-

ской женщины позволяет утверждать, что этот идеал по природе своей был сказочным, не воплощаемым в реальную жизнь и мифическим, и это определяет его архетипичность.

Именно такой образ женщины способствовал формированию «нового человека» и отражал общие базисные структуры человеческого существования в советском «новом обществе», что характерно для универсальных культурных архетипов. Проникая в сознание советских людей и наполняясь материалом их сознательного опыта, архетипичные женские образы, сконструированные государственной идеологией в целях формирования нужного обществу человека, определяли процессы социализации и ресоциализации в советском обществе. Внедрение этих образов в общественное сознание было настолько значительным, что они до сих пор продолжают оказывать сильное влияние на идентичность современных российских женщин.

Отталкиваясь от исторически сложившихся стереотипных образов отечественной женщины, в современных российских СМИ можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся женские типы:

1. Настоящая женщина: жена-иждивенка, жена-домработница, жена-«друг человека», жена-жертва.

2. Деловая женщина, которая репрезентируется в СМИ как:

- успешная из-за привлекательной внешности;
- стремящаяся к самореализации за счет своего партнера или спонсора;
- ориентированная на работу и чаще всего не имеющая семьи.

В дополнение к данным уже изученным исследователями образам можно добавить такие, как:

– женщина-«стильная штучка» – это женщина, не обремененная интеллектуальными заботами, а интересующаяся только модой, вопросами стиля, любви и красоты;

– «роковая женщина», внимание которой направлено на то же, что и у «стильной штучки», однако в мужском обществе образ «роковой красотки» внушает страх и интерес одновременно: за ней сложилась слава жестокой сердцедайки и разбивательницы сердец;

– женщина-«стерва», знающая себе цену и всегда добивающаяся своей цели. Для нее существуют только те правила, которые она сама установила;

– женщина-«карьеристка» – это эмансипированная женщина, нацеленная на самореализацию в профессии, однако всех успехов она добивается благодаря привлекательной внешности;

– женщина-«куртизанка», целью жизни которой являются роскошная жизнь, экзотические путешествия и материальные блага. Все это она получает за счет своих мужчин-«спонсоров», которых меняет с

завидной регулярностью.

Данные образы широко представлены на страницах журналов, на телеэкране и в Интернете (особенно на различных форумах). Учитывая, что в основе выделенных образов лежит зависимость от мужчины, предполагается, что подчиненность и малоаспектность женских образов не подталкивают реальных женщин к самореализации, а приводят их к стрессам и неудачам. Если женщинам сложно выразить свои идеи и мысли в СМИ, то этого не произойдет в реальной жизни, пока в масс-медиа не появится типаж самодостаточной и независимой женщины.

Современная большая часть рекламируемой продукции демонстрируется именно на фоне красивых женщин, частей женского тела или в целом женских тел. Поскольку желание приносит прибыль в потребительском обществе, женское тело, исторически отождествляемое с сексуальностью и природой, «плодоносит» не только в различной рекламной продукции, но и в сфере политики, экономики, социальных отношений. Концептуализация телесного выталкивает духовную составляющую [5]. Женское тело, в отличие от мужского, исключенного из сексуального оборота (хотя в последнее время наблюдается тенденция его включения), становится тем объектом, где сплавлены в единое целое общественная идеология и личностная идентичность. Полоспецифическая рекламно-телесная социализация превращает язык тела в «третичный половой признак» [6].

Тело, являясь элементом «реального» порядка, в рекламе имеет атрибут господства, выступая инструментом исполнения власти. Женское тело, демонстрируемое сегодня на российской рекламной панели, несет достаточно новую для себя функцию экономического, а не только политического обмена; в большинстве случаев его можно метафорически называть «телом западной рекламы». Это новое тело порождает совершенно другой, незнакомый ранее новый культ здоровья, гигиены, раскрепощенности, юности и, наконец, красоты. Красота рассматривается теперь не как единство образа, а позволяет выделять те или иные части женского тела. Подобное расчленение происходит, с одной стороны, в зависимости от потребностей рекламируемого товара, а с другой стороны, оно учитывает традиционно наиболее сексуально привлекательные части женского тела. «Красота желаемой женщины наводит на мысль об отдельных частях ее тела, наиболее “покрывных”, наиболее животных» [10, с. 199]. Использование такого элемента в рекламе основано на особенностях прежде всего психики, восприятия и фантазии мужчины, так как зрительный анализатор для него является наиболее чувственным, эротическим каналом [12]. Показ плеча, декольте, верхней части бедра женщины (элементов эротизма и сексуального раздражения) стимулирует воображение мужчины на самостоятельное достраивание спровоцированной рекламой сцены, недостающего сегмента этого рекламно-гендерного

дискурсивного круга, вовлекая таким образом зрителя в определенную игру с участием рекламируемого товара. Иными словами, женский образ, тело, фигура и пр., способные не только побуждать, но и пробуждать, зачастую несколько извращенным способом, потребности покупателя, используются в рекламе в качестве предметов сексуальной эксплуатации, побудителя потребностей покупателей, катализатора продажи товаров и услуг. В итоге для мужчин женское тело в рекламе является призывом к тому, что они должны делать: купив, обладать.

Женское тело знает множество «применений», которые эксплуатируются рекламой: его используют как «дверную ручку», как «ходики с тикающим животом», как «штопор», как «стойку для торшера», как «щипцы для орехов» и пр. Женское тело продает автомобили, пиво, лосьон для бритья (реклама лосьона «Denim river»: «Все в его власти!»), сигареты (реклама сигарет «Outlaws» «Мягкие сигареты – для твердых мужчин»), спиртное, рецепты для похудения, бриллианты и «вожделение» в крохотных хрустальных флаконах. При этом женское тело не только продает, но и само зачастую продается [12]. Для многих мужчин обнаженная женщина является собой самое прекрасное зрелище, когда-либо представшее их взору. Женское тело ненавязчиво напоминает о себе во всех артикулах товарного ассортимента, будь то пачка сигарет, на ощупь шелковистая, как девичья кожа, или соблазнительно-округлая, как форма автомобиля «Порше». В настоящее время реклама некоторых предметов женского туалета стала приобретать более открытый сексуальный характер. Широкую известность получила реклама бюстгалтеров с изображением женщины, бродящей среди толпы нормально одетых людей в одной лишь этой принадлежности туалета. Надпись гласила: «Мне пришлось, что в новом бюстгалтере я остановила уличное движение» [12]. Подобные сны стали использоваться и в других рекламах.

Женское тело, используемое в рекламе, не знает текстуальных ограничений. Внимательный анализ вербальных и невербальных, например, порнографических элементов рекламных изображений, вскрывает двусмысленность взгляда, бросаемого и зрителем на рекламную модель, и моделью – на зрителя. Если же глаза модели закрыты или умышленно не фиксируются камерой, то непременно, будь это фотография или рекламный кадр (сюжет), подчеркиваются детали, которые тоже должны воздействовать на зрителя: заостренные, выпирающие груди, просвечивающие через прозрачно-тонкую одежду, высокие каблуки, подчеркнута длинные пальцы с острыми и яркими ногтями, обязательно приоткрытый рот с ярко-алыми влажными губами и кончиком языка, твердое, напряженное, выпячивающее всевозможные выпуклости тело и тому подобные жестовые невербальные элементы и знаки.

Аналогичную роль в рекламной сексуализа-

ции женского тела играет красный цвет. Его функциональность предопределена мужским удовольствием, поскольку красный сосредоточен на губах, ногтях или аксессуарах женщины и должен порождать игристые ассоциации с архетипами женской власти. В дозированной объеме красный цвет в рекламе используется как возбуждающий элемент «секс-призыва» и сексуального раздражения. Женское тело является шедевром рыночного дизайна, побуждая всех – мужчин и женщин – к действиям. Это и микроскопические обнаженные женские тела, вмонтированные в наклейки на товарах, это и сама округлая форма некоторых товаров, напоминающая форму некоторых частей женского тела, и многое другое. Например, практический результат исследования, проведенного компанией, занимавшейся выпуском пишущих машинок, заключался в предложении сделать клавиши более женственной формы, поскольку при печатании люди ощущают себя активно действующими субъектами, а клавиатура при этом воспринимается пассивным объектом их манипуляций [10]. Изменилась также и реклама спиртных напитков, когда выяснилось, что их покупают не только мужчины, но и женщины. Изменили не только форму посуды по типу фаллической, но и форму этикетки, закруглив ее углы [11].

При всех колебаниях во взглядах на идеальное женское тело всегда остается образ нежной, стройной, миниатюрной, лишенной волос на теле, со «слабыми мускулами» женской фигуры, чьи формы округлы и плавноперетекающи, а кожа мягка и гладка. Это тело не должно свидетельствовать ни о силе, ни о мощи, ни о самостоятельности и мужестве, т.е. о властных полномочиях. Именно поэтому в рекламе так широко, многогранно и сочно представлено женское тело, сделанное как бы из прозрачного пластика и постоянно вспыхивающего, тем самым дающего представление о женской красоте вкупе с рекламируемым товаром.

Список литературы

1. Барт Р. Риторика образа. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
2. Батай Ж. Отобиографии // Ad Marginem. 1993. С. 183-207.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Перевод на русский язык и вступительная статья: С. Н. Зенкин. М., 2000. 387 с.
4. Волкова В.Б. Концепт в интертекстуальном пространстве художественного дискурса // European Social Science Journal. 2013. № 9-1. С. 250.
5. Волкова В.Б. Художественный концепт в пространстве интер- и гипертекста // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2013. Т. 2. № 71. С. 284-287.
6. Волкова В.Б., Палатова Д.А. Гендерные исследования в культурологии: основные направления и перспективы // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. № 2. С. 39-44.
7. Гурова О. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4.
8. Дашкова Т.Ю. Способы репрезентации женского тела в

советских женских журналах конца 1920-1930 гг. // Гендер, язык, культура, коммуникация. Материалы первой Международной конференции 25-26 ноября 1999 г. М., 1999. С. 34-45.

9. Жармухамедова Ж. Идеология в образах: визуальная репрезентация женщины в советских женских журналах 1950-60-х годов [Электронный ресурс] // Такая. № 2. 2004. Р URL: http://takaya.by/texts/essay/sov_magazin/

10. Кафтанджиев Х. Образ женщины в рекламе. М.: РИП-холдинг, 2007. 232 с.

11. Левинсон А. Женщина как цель и как средство в отечественной телерекламе // Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. М.: Идея-Пресс, 2000. 280 с.

12. Неговорова И.В. Гендер как феномен восприятия картины мира // Современная лингвистика: теория и практика: материалы VIII Южно-Российской научно-практической конференции. Часть II. Краснодар: КВВАУЛ, 2008. С. 49-55.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'276.6:34:39:37

ЦЕННОСТНЫЙ СТАНДАРТ ЗАКОНОПОСЛУШНОСТИ В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ XVIII ВЕКА: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Попова Л.В.

В статье реконструирован русский языковой образ законопослушного субъекта (представителя власти) на материале нормативно-правовых актов XVIII в. Выявлена морально-этическая доминанта данного образа. Установлена связь ценностного стандарта законопослушности с этнокультурной концептосферой. Определены отличия принципов языкового моделирования законопослушности в истории права и современном праве.

Ключевые слова: законопослушность, русское юридическое языковое сознание, этнокультурный концепт.

In the article the Russian language image of a law-abiding subject (representative of authority) was reconstructed on the basis of the legal acts of the XVIII century. The moral and ethical dominance of this image is revealed. The connection of the value standard of the law-abiding with the ethno-cultural conceptosphere is established. The differences in the principles of the language modeling of the law-abiding in the history of law and in the modern law are defined

Keywords: law-abiding, the Russian legal consciousness, ethno-cultural concept.

Понятие «законопослушность», по результатам нашего исследования, обнаруживается в русском юридическом дискурсе древнего периода, развивается вследствие эволюции правосознания и на протяжении нескольких веков связано с этнокультурными ценностями. Даже в исторические периоды, традиционно представляемые как время обновления всех сфер культуры, государства, общества, русское правосознание сохраняло самобытность, в частности в эпохи европеизации при Петре I и Екатерине II. Комплексный анализ номинаций группы «законопослушность» в законодательстве XVIII века позволяет реконструировать языковой образ законопослушного субъекта. Рассмотрим его компоненты на примере юридической регламентации требований к представителям исполнительной и судебной власти, правоохранительных органов.

Выборка номинаций произведена из основополагающих нормативно-правовых актов XVIII века, отражающих ведущие категории русского правосознания. При Екатерине II «Учреждения для управления Губерний Всероссийския Имперіи» 1775 г. стали основой реформы: впервые в истории русского права подробно регламентирована вся система местных органов управления и суда, в том числе изложены требования к чиновникам. «Учреждения <...>» сохраняли юридическую силу до реформ второй половины XIX века (а в некоторой степени до Октябрьской революции 1917 г.), следовательно, закрепленное в данном

документе представлении о законопослушности транслировалось в юридическом и политическом дискурсе как минимум около 80 лет, что составляет значительный период для развития правосознания. Вслед за «Учреждениями» создан ряд других долговременных актов, один из которых – «Уставъ Благочинія или Полицейскій» 1782 г., закрепивший новые правила деятельности полиции и определивший требования к ее сотрудникам.

В группу регулярно используемых номинаций законопослушности вошли лексемы морально-этической сферы, характеризующие необходимые для правомерного исполнения должностных обязанностей морально-личностные качества: *бескорыстный, беспорочный, добропорядочный, доброхотный, нелицемерный, совестный, справедливый*. Компоненты данной лексической группы выразили национальный ценностный стандарт законопослушности.

Триада *совестный, справедливый (-ость), беспорочный (-ость)* характеризует должные качества судьи, а последнее прилагательное и производное от него существительное – поведение заседателей Расправы, частного пристава, квартального надзирателя. «Учреждения для управления Губерний Всероссийския Имперіи» (Манифест) [2, т. XX, № 14392]: «63. Въ Судьи Совѣстнаго Суда Намѣстничества (Губерніи) опредѣляется выборомъ каждаго Судебнаго мѣста той Губерніи, одинъ къ тому способный, **совѣстный**, разсудительный, **спра-**

ведливый и **безпорочный** человек <...>»; «75. Верхней Расправы Засѣдателя, да 8 Засѣдателей Нижней Расправы <...> выбираютя тѣми селеніями, кои составляютъ подсудное вѣдомство той Верхней Расправы, и не запрещается имъ избрать изъ Дворянъ, или ученыхъ людей, или изъ чиновныхъ людей, или изъ разночинцовъ, или поселянъ **безпорочныхъ** людей, чрезъ всякіе три года, и представляются Правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то Губернаторъ дозволяетъ имъ засѣданіе». «Уставъ Благочинія или Полицейскій» [2, т. XXI, № 15379]: «86. Частнаго Пристава должность требуетъ въ его особѣ **безпорочности** поведения, здраваго рассудка въ дѣлѣ, доброй воли къ службѣ общей, точности во исполненіи, безкорыстія во взысканіи»; «147. Квартального Надзирателя должность требуетъ **безпорочности** въ поведеніи, доброходства къ людямъ, прилѣжанія къ должности и безкорыстія».

Проанализируем семантику данных номинаций. *Совестный* – ‘сообразующий дела свои с чистой совестью’, а также в собственно юридическом употреблении – ‘по совести разбирающий / разбираемый’ (С. судья, суд) [3, ч. I, с. 978]. *Справедливый* – ‘поступающий по правде, любящий правду’ [3, ч. IV, с. 1045]. *Беспорочный* – ‘не имеющий порока’ [3, ч. V, с. 132] от *порочный* – ‘подверженный какому-либо пороку’ [Там же] в значении ‘преклонность души к злу, к делу, достойному порицания: отступление от правил добродетели’, ‘противоположность добродетели, чистоте души’ [Там же, с. 131].

К этой триаде примыкают номинации *нелицемерный*, *бескорыстный*, *добропорядочный*, *доброхотный* (-ство). Прилагательное *нелицемерный*, используется, например, как атрибутив к выражению *отправление должности*. «Учрежденія <...>» (Манифест): «<...> усердіе къ точному и **нелицемерному** отправленію должности <...>». Прилагательное *нелицемерный*, с одной стороны, близко по значению к *беспорочный* от *порочный*: *лицемерный* – ‘скрывающий под видом добродетели пороки, притворяющийся добродетельным, набожным’ [3, ч. III, с. 1197]. С другой стороны, *нелицемерный* через сему ‘честный’ сближается с *совестный*. Номинация одного из серьезных пороков *бескорыстный* – ‘несребролюбивый, чуждый корыстолюбия, кто не любит обогащаться за счет других’ [Там же, с. 846] (см. выше цитаты из пп. 86, 147 «Устава Благочинія <...>» о частном приставе и квартальном надзирателе) – также близка к *беспорочный*.

Прилагательное *добропорядочный* имеет несколько мотивировок: ‘добрый порядок во всем строго соблюдающий’ [3, ч. V, с. 293] – от *добрый порядок*, где *порядок* – ‘должное, предписанное устройство, течение дел’ [Там же], а также ‘следующий правилам нравственным’ – как синоним к *порядочный* и в с соотношении с *порядочно* – ‘как надлежит, свойственно добродетели, честному, степенному человеку; соответственно нравственности’ [Там же, с. 292]. По

данным нашего исследования, устойчивая формула *человек добрый* с древности и даже в XVIII в. (в обновленных формах) использовалась русскими законодателями в профессиональной функции со значением ‘законопослушный человек’. Показательно, что в «Уставе Благочинія <...>» номинация *добропорядочный гражданин* (частное лицо), очевидно, производная от *добрый человек*, противопоставлена древнему термину *лихой* – ‘опасный преступник’ (п. 96). В законодательной речи при регламентации поведения чиновников свойство добропорядочности тесно связано со справедливостью. «Уставъ Благочинія или Полицейскій»: «175. На основаніи учрежденій главы XX статьи 281-й, по окончаніи службы Судей Словеснаго Суда и выборныхъ, буде **справедливостію** и **добропорядочными** поступками то заслужать, даны имъ будутъ отъ городовыхъ дѣлъ похвальные листы».

Прилагательное *доброхотный* известно в истории языка со значением ‘желающий кому добра, пользы’ наряду с *доброхотство* – ‘желание кому добра’ [3, ч. VI, с. 578]. Данную характеристику получают должности разного уровня: губернатор, земский исправник, городничий, квартальный надзиратель. «Учрежденія <...>»: «82. <...> Словомъ сказать, нося (должность Главнокомандующаго) имя Государева Наместника, долженъ онъ показать въ поступкахъ своихъ **доброхотство**, любовь и соболѣзнованіе къ народу»; «236. Земскому Исправнику надлежитъ отправлять должность свою съ непоколебимою вѣрностію и ревностію къ службѣ Императорскаго Величества, съ **доброхотствомъ** и человеколюбіемъ къ народу <...>»; «255. Городничему надлежитъ отправлять должность свою съ непоколебимою вѣрностію и ревностію къ службѣ Императорскаго Величества, съ **доброхотствомъ** и человеколюбіемъ къ народу <...>». Аналогично в п. 147 «Устава Благочинія <...>» (цитата выше). Фактически с помощью этой номинации в XVIII в. передается смысл нормы по соблюдению прав граждан. Сравним с формулировками из современного законодательства: «1. Гражданский служащий обязан: <...> 4) соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций; <...>» (ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», статья 15. Основные обязанности гражданского служащего); аналогично в ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (статья 27. Основные обязанности сотрудника полиции, п. 5).

Что касается юридической терминологии семантического поля «закон» при регламентировании обязанностей служащих, то она вводилась в текст актов после начальных фрагментов, избилующих морально-этическими номинациями. «Учрежденія <...>»: «404. Вообще Губернскій Прокуроръ и Губернскіе Стряпчіе смотря и бдѣніе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка **законами** опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи са-

мышь дѣль» и др. В современном законодательстве, наоборот, среди обязанностей государственных и муниципальных служащих, сотрудников полиции первой является знание и исполнение законов, а моральные качества не оговариваются: «1. Гражданский служащий обязан: 1) соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и обеспечивать их исполнение; <...>» (ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», статья 15); аналогично в ФЗ «О полиции» (статья 27, п. 1).

Согласно нашему наблюдению, для законодательства XVIII в. (как и ранее) не свойственно точное, объективное обозначение субъекта, поведение которого соответствует закону и способствует его поддержанию. Пропозицией юридических норм, регламентирующих требования к чиновникам, можно считать формулу «На должность (какую) назначается законопослушный и компетентный для данной деятельности человек, способный правомерно исполнять должностные обязанности». Номинация типа *законопослушный человек* (губернатор, судья, заседатель и т. д.) ожидаема в данном контексте как обобщающий термин. Так, словари фиксируют в истории русского языка производные от *закон* лексемы с интересующим нас значением, однако применения в юридической практике они не нашли: *законопослушник* ‘повинующийся закону’ [5, вып. VII], *законохранитель* ‘следующий закону, исполняющий закон, хранящий закон’ [3, ч. VI, с. 585; 5, вып. VII], *законоисполнитель* ‘законодатель, блюститель закона’ [4, вып. 5, с. 220]. Очевидно, совестный, справедливый, добропорядочный, беспорочный и т. п. служащий – законопослушный и способный поддерживать законный порядок. Таким образом, номинации изучаемой лексической группы контекстуально стали видовыми по отношению к отсутствующему родовому юридическому термину *законопослушный*.

Ценностное содержание морально-этических номинаций законопослушности органично связано с этнокультурной концептосферой. В правовых актах XVIII в. вербализованы взаимообусловленные этнокультурные концепты: «добро» («Добро делают (*добродетель*), действия добра определяются свободой, оно создает справедливость <...>» [1, т. 1, с. 205]), «справедливость» («ощущение правды, побуждаю-

щее принимать праведное беспристрастное решение или предпринимать должное верное действие согласно существующему праву по чувству долга, как признак человеческого достоинства и свободной воли» [1, т. 2, с. 313]), «совесть» («личное со-знание, нравственно оценивающее все проявления добра и зла в единстве чутья и чувства, души и духа, вызывая сочувствие и активное со-участие в общем деле» [Там же, с. 286]), «порядочность» («совокупность высоких нравственных качеств, свойственных организованному человеку; включает понятие о чести, достоинстве, добре и справедливости в его душе, объединяя их в личностный “нравственный порядок”» [Там же, с. 65]), «честность» («совокупность безупречных душевных качеств человека чести как высшая ценность, исключающая хитрость, ложь и воровство» [Там же, с. 488]).

Таким образом, в русском юридическом языке XVIII в. моделировался образ законопослушного представителя власти как человека, имеющего чувство совести, обладающего порядочностью, не подверженного порокам (особенно социально опасным) и благодаря этому способного обеспечивать справедливость в обществе, государстве. Законопослушность в юридическом языковом сознании данного периода основана на соответствии моральному «кодексу». Это представление являлось исходным в осмыслении должного поведения служащих, поэтому ценностный стандарт детально излагался в законодательных текстах, что позволяет говорить о морально-этической доминанте исторического образа законопослушного субъекта.

Список литературы

1. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014.
2. Полное собрание законовъ Россійской Имперіи, повеленіем Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. – СПб., 1830.
3. Словарь Академіи Россійской: в 6 ч. – СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1789–1794.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–1991. – Вып. 1–17; 1992–. – Вып. 18–.
5. Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – СПб., 1992 –... – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулова Ирина Сергеевна – доцент, кандидат философских наук, кафедра философии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Алавердян Елизавета Александровна – магистрант, ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет, г. Челябинск

Бедрикова Майя Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедра языкознания и литературоведения, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Волкова Виктория Борисовна – доцент, доктор филологических наук, профессор, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Глазкова Светлана Николаевна – доцент, доктор филологических наук, профессор, кафедра филологии, ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет, Миасский филиал, г. Миасс.

Жилина Вера Анатольевна – доцент, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Калашникова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и гражданского процесса, ЧОУ «Юридический институт», г. Санкт-Петербург.

Калимуллина Екатерина Викторовна – аспирант, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Карпова Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Касымовская Полина Петровна – ст. преподаватель, кафедра истории и теории государства и права, Магнитогорский филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск.

Кива-Хамзина Юлия Леонидовна – доцент, кандидат философских наук, заведующая кафедрой права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск

Кривуть Виталий Иванович – доцент, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Кривуть Марина Леонидовна – методист ресурсного центра инклюзивного образования, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Короткова Ксения Сергеевна – бакалавр, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Латыпова Инна Рашидовна – бакалавр, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Курманбаева Ирина Сергеевна – учитель математики, ГУ «Средняя школа № 7 отдела образования акимата города Костаная», г. Костанай, Республика Казахстан.

Малеко Елена Валерьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Мельник Мария Александровна – кандидат культурологии, доцент, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Мосалева Дарья Ивановна – магистрант, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Морозова Людмила Николаевна – магистрант, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Морозов Евгений Александрович – доцент, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Олейник Елена Викторовна – Доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования, канд. пед. наук, доцент ВАК, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Пичугина Ирина Викторовна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра филологии ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет Миасский филиал, г. Миасс.

Подгорская Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации ИГО ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный техниче-

ский университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Попова Людмила Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет Миасский филиал, г. Миасс

Романов Евгений Петрович – доцент, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социологии, документоведения и архивоведения, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Рубанова Наталья Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Саприко Евгения Александровна – магистрант, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Савко Анна Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Святощик Марина Игоревна – магистрант, факультет славянских и германских языков, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Сулейманов Александр Альбертович – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

Томаров Алексей Владимирович – доцент, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, документоведения и архивоведения, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Тамарова Светлана Михайловна – преподаватель, Многопрофильный колледж. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова., г. Магнитогорск.

Уразаева Наиля Радифовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Филатов Владимир Викторович – доцент, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Ханенко Ольга Сергеевна – аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Харьковская Надежда Павловна – преподаватель специальных дисциплин, Коммунальное государственное казенное предприятие «Лисаковский технический колледж», г. Лисаковск, Республика Казахстан.

Хелми Маттила – преподаватель, Языковая школа «Dive in the word», г. Тампере, Финляндия

Хворостов Анатолий Семенович – профессор, доктор педагогических наук, профессор, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической

графики, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел.

Хворостов Дмитрий Анатольевич – профессор РАН, доктор педагогических наук, профессор, кафедра дизайна и декоративно-прикладного искусства, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел.

Чернова Элина Григорьевна – доцент, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Чайка Надежда Михайловна – ассистент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта.

Шапочникова Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, преподаватель иностранных языков, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Многопрофильный колледж, г. Магнитогорск.

Яковлев Дмитрий Александрович – доцент, кандидат философских наук, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск.

Япишина Ангелина Евгеньевна – магистрант, ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет, г. Челябинск.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов. Журнал зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и будет постоянно опубликован на сайте электронной библиотеки Elibrary.ru.

1. Социальные науки
2. Филология

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИНИМАЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ

К публикации принимаются статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов.

СТАТЬЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧАТЬ:

- индекс УДК
- аннотацию (до 5-ти предложений)
- ключевые слова (4-5 слов)
- список литературы (ГОСТ Р 7.05-2008)

Аннотация и ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Рекомендуемый объем статьи – 8-12 стр.
2. Текст статьи, сведения об авторах, аннотация ключевые слова и список литературы представляются на электронном носителе в виде файла, созданного средствами **Microsoft Word** формата А4.

При наборе статьи в **Microsoft Word** рекомендуются следующие установки:

шрифт – **Times New Roman**, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, перенос слов – автоматический; поля – 2 см. с каждой стороны; отступы перед и после абзаца – 0 см.;

К статье должна быть прикреплена заявка, включающая следующую информацию:

- Ф.И.О.
- Название статьи, количество страниц
- Место работы (учебы)
- Должность, ученая степень, ученое звание
- Телефон, e-mail.

Статьи проходят обязательное научное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38. Магнитогорский государственный технический университет.

Телефоны: 89123034461 Контактное лицо: Рубанова Наталья Анатольевна, к.ю.н., технический редактор
E-mail: rubanova64@mail.ru (с указанием темы сообщения «Журнал»).